

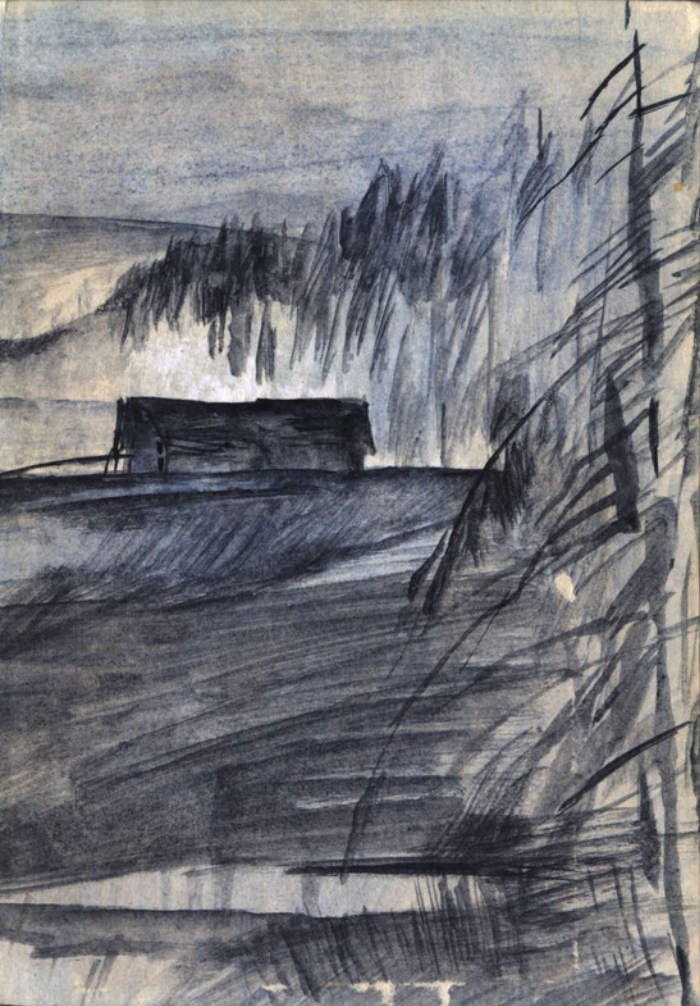
Ю. РАЦИУ
ЗАГАДКА БЕЛОГО ЦВЕТКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

40 коп.

Ю. Р А Ц И У

ЗАГАДКА БЕЛОГО ЦВЕТКА

П О В Е С Т Ь

*Перевод
с румынского
А. Старостиной*

М О С К В А

„Детская литература“

1 9 8 0

И(Рум)
Р27

Juliu Rațiu
ENIGMA FLORII ALBE
București
Editura Ion Creangă 1975

Рисунки В. ГАЛЬДЯЕВА

Р $\frac{70803-277}{M101(03)80}$ 390—80

© Перевод на русский язык. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1980 г

Для Дана не было дня желанней пятницы. Вернее, вечера пятницы. Как вспомнишь, что завтра суббота, сердце радуется. «Электронный мозг» школы, учитель математики, явно просчитался, составляя субботнее расписание. Судите сами, вот оно, черным по белому.

Первый урок — рисование; детские игрушки, другими словами. Второй — история; зазубри две-три даты, а дальше — знай крути приключенческий фильм. Скажем, как пробираются, крадучись от холма к холму, ну, хотя бы турки, и вдруг — раз! — на них с флангов насккивают наши и загоняют в трясины, на верную гибель. Бывает, правда, кулаки у тебя так и сжимаются — если враги зарубят храброго полководца, но на следующей странице снова гордо реют стяги румынской армии, доблесть торжествует, и можно, переведя дух, бежать в спортзал на физкультуру. Вот уж где разомнешься на славу: попрыгаешь, по канату полазишь, померяешься силой с ребятами, а напоследок — футбольный мини-матч, если, конечно, кто-нибудь не захватил с собой теннисные ракетки, тогда смело вызывай на бой желающих и разбивай их в пух и прах. Не ус-

пеешь оглянуться — уже география: горные пики, судоходные реки, путешествуй на здоровье в ожидании последнего урока — пения. Под конец, не веря своему счастью, споешь: «Красные галстуки вяжутся», «Пионеры, вперед», «Раз и два, раз и два, бодрым шагом мы идем», — и все рассыпаются по домам в самом деле бодрые, в приподнятом настроении в предвкушении воскресной свободы.

Но, кроме всего прочего, вечер пятницы Дан посвящал телефонным звонкам. Зря, что ли, Эдисон старался, изобретал телефон? Поток электромагнитных импульсов, усиление токов низкой частоты — и болтай сколько душе угодно. Вот уже три месяца по пятницам, в свой «телефонный день», Дан широко пользовался этим средством мгновенной связи.

Вот и сейчас он набрал наугад: 1-23-45. В сущности, номер как номер, из пяти цифр — в городе недавно открылся новый телефонный узел. Стало быть, 1-2-3-4-5. При всем желании не забудешь. Правда, Дан на память и не жаловался. Скорее наоборот, он слишком прочно запоминал некоторые вещи. Попробуйте пройтись на его счет — в долгу не останется. Просто потехи ради Дан позвонил по телефону 1-23-45. Откликнулся мужской голос.

— Алло?

— Это 1-23-45?

— Да-да.

— Я не ошибся номером?

— Нет.

— Очень рад.

— Я тоже.

— А вы-то почему?

— Приятно познакомиться с человеком, который умеет считать до пяти.

— И с очень давних пор, заметьте. В два года я уже считал до семи. Только всегда перепрыгивал через тройку.

— Что бы тебе и сейчас перепрыгнуть?

— Ну да! Еще неизвестно, на кого бы нарвался...

— Гм! Скажи, в конце концов, в чем дело. Важное сообщение?

— Важное? Еще бы!

— Ага... Ну, слушаю.

Дан любил подразнить невидимых собеседников доморощенными шуточками, и на тебе — наткнулся на человека, который не только не злился, но и поощрял его.

— Эй, что же ты молчишь?

— Да так...

— Я думал, если уж ты звонишь, то хочешь, по крайней мере, у меня что-то спросить...

— Что?

— Ну, например, какой двадцать седьмой элемент в таблице Менделеева.

— Я сам знаю: кобальт.

— Молодчина! А тридцать пятый?

— Бром.

— Отлично! А если ты скажешь мне, в каком году вступил на престол Штефан Лакуста, то я буду знать, что ты в восьмом классе...

— В 1538-м и правил два года... Только вы ошиблись, я в седьмом...

— В седьмом???

— А что тут странного?

— Знания у тебя, как у восьмиклассника, а забавы — как у четвероклашки...

— Эх, я-то думал, что с вами можно поговорить, что вы серьезно...

— А тебе показалось, что я шучу? Прошу меня извинить... Ну, так я слушаю.

— Я больше не могу говорить — сюда вошли.

Нашел лазейку, вывернулся. Что он, в сущности, мог сказать незнакомцу на том конце провода? Вежливый какой, прямо неловко: звонят ему всякие типы, а он трубку не бросает. И потом, он так легко отобрал у Дана партию первой скрипки!

Поневоле впредь не приступишь к розыгрышу без четкого плана. Поразмыв, Дан решил сообщить абоненту № 1-3-5-7-9, что в кафе «Хризантема» стали подавать новинку — изюминку к кексу. В этой хохме содержался заслуженный укор в адрес кафе: совершенно не учитывают вкусов Лили, его младшей сестренки (а если признаться, то и его собственных). Весь кекс расковыряешь, пока найдешь считанные изюминки. Итак, он набрал номер, составленный из одних нечетных цифр, и на секунду замер, услышав в трубке детский голосок.

— Это кто? — спросил Дан.

— Тудорел!!

— Какой такой Тудорел?

— Из четвертого «Б».

— Это ты разбил окно в физкультурном зале?

— Нет, я в мастерской...

— Ага! А отцу пожаловались?

— Нет...

— Не успели?

— У меня нет отца...

Что тут скажешь? Пришлось опять проглотить пилюлю. Набирая новый номер — 1-11-11,— Дан, однако, размечтался, как завтра на перемене узнает, не из их ли школы этот самый Тудорел, ведь у них в мастерской тоже разбито окно, и никто не собирается вставлять. И вот он, Дан, возьмет из дому молоток и кусок стекла и сам наведет порядок. Он уже улыбался, предвкушая приятное удивление Тудорела, как вдруг над ухом прогремело:

— Дежурный слушает. Где горит?

— Что?!

— А что вы хотели?

— Я? Изюмину к кексу! — и скорее бросил трубку: с огнем шутки плохи.

Пожалуй, он недурно развлекся в этот вечер. Только вот рассказать некому. Сестренка во втором классе, не поймет. Брат взрослый, электронщик, у него на уме одни транзисторы,

а мать с отцом просто-напросто надерут уши. В классе завтра похвастаться? А кому? Все на него дуются. Чего доброго, еще спиной повернутся. Неужели только и остается позвонить куда попало, например, по номеру 2-22-22, и поделиться с совершенно чужим человеком? Дану стало грустно: вечер оказался испорчен, да еще какой — канун чудесного утра, когда первый урок рисование (нет способностей, зато фантазия в избытке), второй — история (даты запоминать легче, чем телефонные номера, они ведь четырехзначные), потом физкультура (про его бицепсы говорят, что они длинные и упругие, как сосиски), за ней география (кто не любит горные кручи и быстрые реки?) и, наконец, пение, когда все сливаются в едином «Кончается неделя — мы весело поем!»

Дан совсем сник и, в четвертый раз взявшись за телефон, неожиданно для себя снова пальцем пересчитал по порядку: 1-2-3-4-5.

— Алло!

— Это опять я...

— А я догадался, по звонку.

— Да?..

— Ну конечно! Так что ты мне еще хочешь сказать?

— Но я пока ничего вам не сказал...

— Ты думаешь?

— Уверен...

— Так скажи...

— Что?

— То, ради чего ты звонишь...

— Но я и сам не знаю...

— Нет?.. Разве ты не хотел сказать мне, что у тебя нет друга?..

— В самом деле.

— Уверяю тебя: ты ошибаешься.

— Нет, нисколько, у меня правда нет...

— Нет, есть!

— Кто?

— ~~Я~~

— Да-а? И как зовут моего друга?

— Раз-два-три-четыре-пять.

Дан не обиделся, что на этот раз не он первый повесил трубку, дел у него было достаточно. Не так-то легко отыскать в телефонной книге фамилию, если знаешь только номер телефона. Тщательно просмотрев десять — двенадцать страниц, он принялся зевать и бросил затею. Но порядковые числа на диске притягивали его, будто он впервые открыл для себя натуральный ряд, и, как замороженный, он опять прокрутил их одно за другим...

На другом конце провода отозвался усталый голос:

— Снова ты?

— Как вы узнали?

— Я ждал, что ты пожелаешь мне спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Раз-два-три-четыре-пять!

2

В Дане сидело по крайней мере два человека, и он никогда в точности не знал, чего хочет. Однажды, когда он разглядывал рисунок своей соседки по парте Санды, ему показалось, что он вошел в нарисованный лес: вот он бежит босиком по тропинке, по колкой сухой хвое, жарко, трудно дышать, мучит жажда...

— Уф, тяжело, объелся!

— ??

— Я говорю, когда собираешься в поход, нечего напихиваться сладостями...

— Ты неправ, в таких случаях даже рекомендуется сахар, — возразила Санда, не поняв, в чем дело.

— Много ты понимаешь! — оборвал ее Дан, швырнул пейзаж на пол и пересел к Дорелю.

Санда смотрела на него в изумлении. Тогда, чтобы скрыть

смущение, он повернулся к Раду, сидящему сзади, надвинул ему фуражку на глаза и развязно осведомился:

— Как тебе нравится искусственная темнота?

— Чего?

— Ничего. У тебя что, фуражка дырявая?

Не остановившись на этом, Дан принялся вызывающе зевать, хотя спать ему ничуть не хотелось,— только лишь затем, чтобы, потянувшись, будто нечаянно, дать тычка Дорелю.

— Эй, я сейчас от тебя отсыду! — пригрозил тот.

— А я только этого и жду, мне, может, тесно! — И совершенно серьезно добавил: — Тебе известно, что за неделю я вырос на сантиметр? Хочешь верь — хочешь нет. Я здорово расту, факт!

Но не внешние перемены беспокоили тех, кто имел дело с Даном, а его странные и неожиданные выходки, участившиеся в последнее время. Одноклассникам приходилось всегда быть начеку. Особенно доставалось бедняге Кулаю. У Дана, видите ли, вспыхнул интерес... к астрономии, и, закатив Кулая, сидевшему перед ним, подзатыльник, он деловым тоном мировой знаменитости спрашивал:

— Зеленые звезды видишь?

Его интересовали не только зрительные впечатления Кулая. В том, что можно, не выходя из дому, увидеть зеленые звезды, Дан убедился, когда на кухне ему на голову со шкафа свалился прибор для проверки радиоаппаратуры, запрятанный туда старшим братом. Теперь «астронома» занимал вопрос определения скорости комет, на который его коллега, он же подопытное животное, мог пролить свет в ходе уникальных экспериментов.

— Слышишь колебание звука?

— Наоборот, непрерывный звон в левом ухе,— хныкал Кулай.

— Невероятно! Быть не может! — изумлялся Дан.

— Я тебе точно говорю.

— Выходит дело, я открыл систему связи с инопланетянами! Теперь будем ловить передачи из других миров! — И тяжелая рука снова опускалась на затылок бедолаги с передней парты. — Ты сила, Кулай!

— А ты... а ты...

— Ну-ну, кто я?

— Змей Горыныч!

— Вот как?

— Чудище лапчатое, вот ты кто!

То, что он был Змей Горыныч, не вызывало ни в ком сомнения. Взять хотя бы его подвиги в субботу после уроков — уже достаточно, чтобы так его окрестить. Первым делом он сломал, как веточку, Таке Гни-Деревья¹ из кружка «Умелые руки».

Кружок славился на всю школу. Может быть, правда он не так гремел, как кружок скульптуры или балетный, но вы не нашли бы в школе ни одного уголка, который не украшали бы искусные вещицы, дело рук пятнадцати членов кружка. И заводитель у них был Таке.

— Что ты, приятель, здесь потерял, среди этой мелюзги? — начал Дан, обводя глазами ребятешек из второго и третьего классов, притихших и сжавшихся при его появлении.

— Это мое дело! — отрезал Таке больше из желания показать, что не боится забияки.

— Но ты пятнаешь честь класса!

— Кто бы говорил! Это из-за тебя у нашего класса худая слава!

Дан не ожидал подобной дерзости, да еще в присутствии малышни. Он подскочил к столу, цапнул корень, изображавший змею, что обвилась вокруг дерева, и одним ударом разнес все в щепы.

— Ты что? — Таке угрожающе надвинулся на него.

— Примите меня тоже в «Умелые руки»! — издевательски

¹ Гни-Деревья — сказочный великан в румынском фольклоре.

ответил Дан и, чтобы опередить противника, подставил ему подножку.

Таке полетел. Со смутной неловкостью глядя, как тяжело тот поднимается с пола, Дан вдруг решил, что самое время навестить кружок скульпторов. Его давно туда тянуло, но Релу напустил на себя такую важность, с тех пор как получил первый приз за «скульптурное изображение лягушки», — не подходи. Сейчас Дан чувствовал себя в ударе и, предвкушая, как раздраконит зазнаек, рывком отворил дверь в комнату скульпторов. Он застал там одного только Релу.

— Ого, как мне повезло! Не ждал я тебя здесь встретить, — с язвительной улыбкой заявил Дан своему однокласснику.

— Да ведь известно, что я каждую субботу здесь, — просто душно ответил тот.

— Каждую субботу? Фью-у!.. — с показным удивлением присвистнул Дан.

— И по четвергам, когда заседание кружка...

— Смотри ты!

— А как же, иначе мне не удалось бы получить приз, — начал хвастаться Релу. — Ты, наверно, слышал, как оценили мою скульптуру...

— Жабу...

Релу снисходительно хмыкнул:

— Как ты неразвит! Я вижу, тебе неизвестно, что каждую тварь на земле, даже самую безобразную, может облагородить искусство, творец...

— Это ты-то творец?

— Разумеется...

— Другими словами, ты задумал облагородить жабу, — ехидничал Дан, — сделать из нее ни много ни мало царевну-лягушку... Bravo!

Но Релу как будто не замечал насмешек. Он давно мечтал усть Дана, задиру и невежду, в разговоре об искусстве и не хотел упускать момент для нотации.

— Видишь ли, Дан, искусство — вещь деликатная, оно требует тонких пальцев, а не кулака...

— Да ну! Гм! А я-то думал, оно требует таланта... Конечно, тебе виднее, ты ведь у нас Нобелевскую премию отхватил...

— Ага, тебе, значит, завидно! — В голосе Релу прозвучало торжество.

— Мне — завидно?

— Признайся, признайся. Вы все мне завидуете!

Дан недоумевал:

— Из-за лягушки?

— Мой успех вам покоя не дает...

Дан растерялся. Эти зазнайки все умеют поставить с ног на голову. Спорить с ними — так, по крайней мере, знать, о чем речь. И Дан попросил показать нашумевшее произведение искусства. Релу просиял:

— Ты что, серьезно?

— А как же? — ответил Дан, не моргнув глазом.

— Ну, ладно! — произнес Релу тоном человека, которому предстоит в скором времени открыть непосвященному двери сокровищницы.

Он подошел к стеллажу, где в ящичке с прозрачной целлофановой крышкой помещалось **произведение**, получившее столь высокую похвалу: параллелепипед с парой выпученных глаз по бокам.

— Хочешь взглянуть поближе? — Релу благоговейно открыл крышку ящичка.

Дан схватил **скульптурное изображение лягушки** и, мельком взглянув, выпустил из рук.

— Что ты наделал! — Ошеломленный Релу бросился подбирать осколки.

Но Дана, казалось, интересовало совсем другое:

— Как, она даже не каменная? Неужели просто из гипса?

— Ты нарочно!.. Я тебя знаю! Ты нарочно! — повторял Релу.

— Подумаешь, произведение искусства! Гадость пучеглазая, только в кошмаре может такая присниться! Бр-р-р! Слава богу, разбилась.

Его понесло, и он принялся поучать безутешного Релу:

— Какого черта тебя потянуло на лягушек? Ты что, не знаешь, что я не выношу эту мерзость? Займись-ка лучше, приятель, серьезным делом: лепи Иляну Косынзяну¹ или там лебедей, а жаб своих брось...

— ...Я хотел изваять ее в мраморе...— В глазах у Релу стояли слезы.

— Да ты что! Тратить мрамор на такую пакость!

— ...Она так и просится в камень...

— Нет, вы только послушайте! Просится в камень! Она тебе что, на ухо нашептала: «Релу, миленький, хочу в мрамор»? Кончай ерундить! Если у тебя есть кусок мрамора, делай лебедя. Это я тебе говорю!

— Чтобы ты его тоже раскокал... Спасибочки! — И, чуть не плача, выдавил из себя: — Ты... ты...

Напружинившись, готовый к нападению, Дан ждал:

— Ну, говори! Скажи раз в жизни, кто я такой! А ну, быстро, нет у меня времени дожидаться!

— Ты... ты...— струхнув, залепетал Релу и, не подобрав нужного слова, разразился: — Ты против изобразительного искусства! Да, да, против! Это я и от Таке слышал.

— Собака лает — ветер носит,— рассмеялся Дан.— Релу Жми-Камень² делает жаб, а Таке Гни-Деревья — драных кошек, щенят и змеюк...

— Он и птиц делает! — вступился Релу за товарища.

— Хороши птички. Курицы одни небось, да еще из коряг. Умора!

— Из корней, что ты понимаешь! — крикнул оскорбленный скульптор, дрожа от негодования.

¹ Иляна Косынзяна — сказочная красавица румынского фольклора.

² Жми-Камень — великан, персонаж румынских сказок.

— Это я-то не понимаю? — угрожающе надвинулся на него Дан.

Но Релу, кипя возмущением, не отступил и, к удивлению Дана, резко выкрикнул:

— Да, да, да! Ничего не понимаешь! Ни в скульптуре, ни в искусстве вообще! Вот тебе!

Высказавшись, Релу вдруг почувствовал облегчение. В его облике снова появилось превосходство, что не ускользнуло от Дана.

— Мне очень жаль! — Дан поклонился с деланным разочарованием. — А я-то думал, ты умный парень, хотя пустяками и занимаешься... — И добавил насмешливо: — Прошу меня простить, я ошибался...

Его тон задел Релу:

— Может, ты хочешь сказать, что у меня по физике не десятка, а у тебя не восьмерка?¹

— А хоть бы и семерка, это ничего не меняет в нашем разговоре: ты не разбираешься в людях, старик.

— То есть?

— То-то и есть. Угадай, куда я сейчас направлюсь.

— Куда тебя еще понесет? — ужаснулся Релу.

— Поскольку я всегда был и остаюсь большим почитателем искусств, я загляну в балетный кружок, — напыщенно изрек Дан. И, помолчав, прибавил: — Что скажешь?

— Куда, куда? — переспросил Релу не без сарказма. — В балетный? Но там на каждом шагу зеркала! Не ходи, не надо, я тебя умоляю! — И прибавил со скрытым коварством: — Если уж у тебя руки чешутся, так разбей лучше вот эту штуку. — И он протянул Дану что-то вроде каменного яйца.

— Тоже твоя работа?

— Моя.

— А что она изображает? — Дан взял вещь в руки.

¹ В румынских школах оценки ставятся по десятибалльной шкале, высшая оценка — десять.

— Голову ребенка,— сказал Релу, так зловеще понизив голос, что Дан вздрогнул.

— Я детей не трогаю! — Он сорвался на крик: — Ты с ума сошел! — И добавил негодуя: — Я думал, ты меня лучше знаешь... а ты...

3

«Ну и язва этот Релу... Хоть у балерин отвести душу. Хорошо, что танцы обходятся без слов. А то просто как назло: куда ни приду, обязательно на ссору нарываюсь». Кое-кто, может быть, считал, что он сам виноват: первый начинает. Вот и старший брат не принимает его всерьез. Дан попросил брата сконструировать для него пару миниатюрных аппаратов приема-передачи, чтобы он мог из своей комнаты разговаривать с мамой на кухне: «Чай готов, мам? Нет? О господи, я с голоду умираю!» А брат взял да и высмеял его перед домашними, так что даже младшая сестренка Лили стала над ним подтрунивать:

«Павел мне сказал, что ты теперь жить не можешь без аппарата **получи-сдачу**».

«Прием-передача, дурочка! Слышала ты звон, да не знаешь, где он. Давай лучше я тебе помогу с арифметикой...»

Если с Павлом и Лили он легко ссорился и так же легко мирился, то с другими, особенно с одноклассниками, дело обстояло сложнее. Кто старался к нему не обращаться, а кто и вовсе откровенно избегал. Поговаривали к тому же, что он большой врун. Положим. Но если мама пошлет вас за хлебом, а вы встретите по дороге знакомого, неужели вы не скажете ему, что идете за билетом на фильм «до шестнадцати»? А называть вруном Дана было еще меньше оснований; просто в классе на него злились и придирались к чему угодно. Однажды учитель математики Вишан обнаружил у него в тетрадке по геометрии на последней странице постороннюю запись.

«Что за грязь ты развел в тетради?»

«Это стихотворение...»

«Чье?»

«Эминеску»¹.

«Ах, Эминеску? Прочти-ка его вслух, пожалуйста!» — Вишан улынулся так, как умеют улыбаться только учителя.

И Дан прочел наизусть весь сонет «Промчались годы...», хотя и учитель Вишан, и весь класс знали, что в тетрадке у него стишок собственного сочинения. Учитель, поклонник Эминеску, довольно кивал головой, став как бы соучастником фарса, но класс обмануть не удалось, и, когда урок кончился, все набросились на Дана:

«Ну ты и врадь!»

«И хитрюга!»

«Ты должен был честно признаться, что пишешь стихи!»

«А он струсил — как бы ему четверку не вклеили по поведению...»

«Его надо на пионерском собрании обсудить!»

Дан схватил портфель под мышку и выскочил из класса. Пошел бродить по парку, и сами собой сложились стихи, в которых речь шла почему-то о говорящей гвоздике. За эту несчастную гвоздику ему тоже влетело: ведь он прогулял урок французского.

Живо припомнив все свои обиды Дан вскипел и в сердцах взялся за ручку двери в балетный зал. Раздался металлический скрежет, и ручка развалилась надвое. Релу, следовавшего за ним по пятам, как водой смыло, а тихая музыка за дверью смолкла.

— Не пойму, как это могло случиться, — обратился Дан к Анке, вставшей на пороге. На ней был воздушный балетный костюм Красной Шапочки. — Вдруг взяла и разломалась! — И поскольку девочка молча не сводила с него насмешливого взгляда, добавил: — Наверно, в ней трещина уже давно была... Но как ее угораздило расколоться именно у меня в руках?

¹ Миханл Эминеску — выдающийся румынский поэт XIX века.

— Вот и я думаю — как? — неодобрительно отозвалась Анка.

— Ты еще скажи, что я нарочно оторвал...

— И скажу.

В другой раз Дан, без сомнения, рассвирепел бы и начал крушить все, что под руку попадется: уж, по крайней мере, саданул бы по самому большому зеркалу, сломал станки для упражнений и выбросил в окно магнитофонную кассету. Но сейчас он почему-то только кротко вздохнул:

— Ты что разучиваешь, Красная Шапочка?

— *Pas de deux*¹

— Чего-чего? Ну, это ты брось, а то я все-таки обижусь. Намекаешь на мой французский? Подумаешь! По устному отстаю, зато по письменному...— Но, опомнившись, что опять встревает в ссору, поспешил переменить тему: — Что-нибудь новенькое разучила? Покажи какой-нибудь танец. Или ты веришь болтовне про меня Жми-Камня?

— Что еще за Жми-Камень?

— Да Релу!

— Ага, он Жми-Камень, а ты Чудо-Юдо...

— Нет, я Змей Горыныч. И я готов в огонь и в воду ради балета... Так что вы новенького прошли?

— Кошачий шаг.

— Ты шутишь, я вижу...

— Я же не говорю *pas de chat*², и потом, насколько мне известно, с французским письменным тебе тоже не везет...

Дан изо всех сил старался сдерживаться, но дальше не отвечать на уколы было невозможно.

— Ну-ну, Красная Шапочка... Лучше займись своими пируэтами и помалкивай! А то найдется и на тебя Серый Волк...

— Какой еще волк? Это из седьмого-то «А»?

¹ П а - д е - д е — балетная фигура.

² П а - д е - ш а — балетная фигура «кошачий шаг».

Дана развеселило такое сочетание:

— Волк из седьмого «А»? Здорово!.. Нет, настоящий, из сказки! — И добавил великодушно: — Испугаешься — позови меня, я приду тебя спасать. — Он рассмеялся: — Как тебе эта хохма?

— Не очень, Горыныч!

— Куда уж нам, не мастера мы вензеля всякие выписывать!

— А я слышала, ты стишками балуешься.

— Кто? Я?

— Так говорят.

— Клевета. Я верный поклонник балета... Ну, мне пора...

— И куда же ты теперь, Горыныч? — спросила Анка, с удивлением замечая, что огорчена.

— В царство спорта!

— К кому?

— Да ни к кому. Может, встречу какого-нибудь завалищего Фэт-Фрумоса¹ — поразмяться в тринте².

4

Объявляя Анке о намерении пойти в физкультурный зал, Дан знал, что там он уж точно никого не застанет. Все были на футбольном поле — болели за команды шестого «Б» и шестого «В». Может, потому-то ему и захотелось в зал — побыть одному. Одному в большом и пустом пространстве. Парк тоже большой и безлюдный, но там на каждом шагу глаза и уши, Дан не раз убеждался. Сидишь, например, на лавочке под каштаном или под липой, точно знаешь, что вблизи ни одной живой души — ты проверил, оглянувшись украдкой, когда нагнулся к ножке скамейки за крохотным голубым цветком, — и все же ты не один: за тобой подглядывает козьявка или старый пенёк, изъеденный жучком-древоточцем, или стрелка

¹ Фэт-Фрумос — добрый молодец, доблестный сказочный герой.

² Тринта — вид национальной румынской борьбы.

побега, только-только вылезшего из земли. Но самые смешные — цветы: знай себе подмигивают и не желают оставить человека в покое. Так что если хочешь побыть наедине с собой, иди в спортзал. Там — только баскетбольные корзины и волейбольная сетка, глаз у них нет, и они совсем нелюбопытны.

Дан осторожно нажал на ручку двери — не потому, что боялся по свежим следам повторить печальный опыт по проверке дверных ручек на крепость, — просто он не хотел спугнуть тишину. Полумрак зала в самом деле не отозвался ни звуком, ни малейшим подозрительным шорохом.

— Вот и хорошо... Наконец-то тихо, — произнес Дан, вздохнув с облегчением и вполсилы крикнул: — Ти-ши-на!

— Ты — в дверь, тишина — за дверь, — раздалось из недр зала.

— Что? — вздрогнул Дан и невольно потянулся рукой к выключателю.

Зажегся свет, и у дальнего окна Дан увидел новенького, Габриэля, верхом на гимнастическом козле, за шахматной доской. Решив взять на испуг, Дан двинулся к нему, грозно вопрошая:

— Ты что здесь потерял, Фэт-Фрумос?

— Я тренируюсь, — спокойно ответил Габриэль.

Дан не рассчитывал на такую реакцию.

— Как ты смеешь тренироваться в моем царстве? — прорычал он. И, отметив, что его противник мал и тщедушен, продолжал с вдохновением: — С твоей стороны опрометчиво было проникнуть сюда без спросу...

— Во-первых, мне разрешил отец — как тебе известно, он с прошлой недели преподает здесь физкультуру, — все так же невозмутимо ответил Габриэль, — а во-вторых...

— Нечего меня страшить, я не из пугливых, — перебил его Дан.

— ...во-вторых, — продолжал Габриэль, — перестань верещать, меня этим не возьмешь. А хочешь со мной сразиться — пожалуйста.

— Бокс? — загорелся Дан.

— Шахматы для начала.

Дан расхохотался:

— Со мной — в шахматы? Ай да Фэт-Фрумос! Ты что, добрый молодец, с луны свалился? Не знаешь, с кем дело имеешь? С чемпионом седьмого класса «В»!

— А я, к вашим услугам, претендент на этот титул.

— Кишка тонка, добрый молодец! Я ведь в один присест съедаю четырех коней, восемь ладей и тридцать две пешки...

— Ишь, какой аппетит — как у Змея Горыныча, — улыбнулся новенький.

— Смотри-ка, прямо в точку. Передо мной все трясутся, знаешь ты об этом?

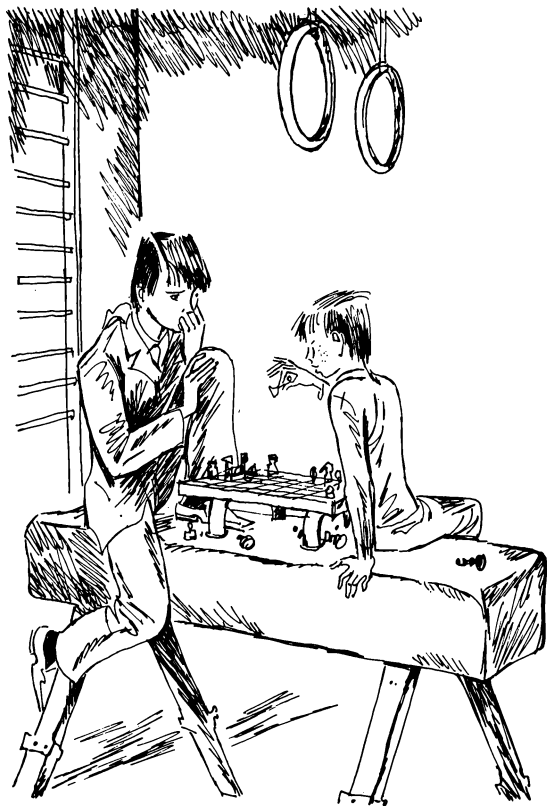
— Не знаю и знать не хочу... А если будешь играть, так давай. — И Габриэль пошел с пешки.

— Кто ж так ходит? — поморщился Дан.

— Индийская атака, — серьезно пояснил Габриэль и спросил: — Может, ты будешь белыми?

Дан с любопытством посмотрел на новенького — так энтомологи разглядывают интересные экземпляры букашек. Он недавно видел по телевизору передачу про одного ученого — тот целых пять лет изучал каких-то жучков в Центральной Африке. Чтобы изучить новичка, Дану понадобилось куда меньше времени. Худышка, на щеках и на кончике носа веснушки и лукавый взгляд из-под ресниц. Другими словами, вполне симпатяга, и Дан искренне обрадовался, что не начал разговор с удара под дых. И потом — сын нового физкультурника! Дану-то это, конечно, что — ведь он сам незаменим: он и надежда баскетболистов класса, и вратарь у гандболистов, и член команды гимнастов, и чемпион по прыжкам в длину, и суперчемпион класса по футболу...

— Вы слишком долго раздумываете над первым ходом, маэстро, — поторопил его Габриэль и добавил: — Возьми себе правда белые...

Дан вздрогнул, очнувшись от мысленного бахвальства, и, протянув руку, которая наводила робость на всех и каждого, отечески похлопал новенького по плечу:

— Я дал тебе время собраться с духом, дружок; мне все равно, какими играть — в любом случае мат на одиннадцатом ходу! Прошу! — И в расчете на эффект он небрежно пошел пешкой из-под ладьи.

— Ага! Вариант защиты Капабланки...

— Ничего подобного, атака собственного сочинения!

— Вот как? Тогда я вывожу коня...

— Клячу, ты хочешь сказать — едко ухмыльнулся Дан.

— Клячу? Не знаю, не знаю. Советую тебе смотреть в оба, это конек норовистый, я его объезжал, когда он еще был жеребенком...

Дан не понял:

— То есть?

— Может лягнуть!

— И только-то? А я думал, конь бежит — земля дрожит, — засмеялся Дан. — Туго ему придется... Что ты скажешь о таком вот ходике? — И он пошел пешкой из-под короля, открывая слону простор для действий. — Грандиозно, а?

— Да нет, слабб, Горыныч. Слон в опасности... Но не волнуйся, меня пока что интересует ладья. — И он пошел конем. — Прошу!

— Это еще что? — вздрогнул Дан.

— Ничего, — просто ответил Габриэль.

— Как — ничего! Ты съел мою пешку без объявления.

— А чего объявлять, пешка же не король.

Озадаченный прытью новенького, Дан задумался, но уже через минуту весело воскликнул:

— Держись, Прысля¹, я вынужден съесть коня!

— Как положено Змею...

Прысля — герой румынских народных сказок, хитрец и пройдоха.

— Змею или скромнейшему из шахматистов,— важно сказал Дан.— Итак, я ем твою клячу.

— Смотри не подавись.

— Эх, не часто удается на закуску так полакомиться!.. Славный будет пир!

— Пир, говоришь? — переспросил Габриэль, и живые искорки промелькнули в его глазах.

— А что?

— То-то я думал: зачем мне этот слон? — сказал Габриэль, убирая с доски черного слона.— А теперь понял: прекрасное жаркое!

— Как, ты съел слона? — удивился Дан.

— И не поморщился. А на каком ходу, ты считаешь?

— Да чего там считать...— Дан облизнулся.— Сегодня я питаю странную слабость к коням. Жаль, их у тебя только два... Не знаю, наемся ли... Как тебе такая вот атака?

— Хромает твоя атака, но это вообще, кажется, твой стиль жизни,— задумчиво проговорил Габриэль.

Дан обомлел.

— Что-что? — только и мог он вымолвить.

— Что слышал...

— А, Фэт-Фрумос ударился в мораль! — пришел в себя Дан.— А мы вот возьмем вашу ладью, чтобы она не торчала у нас над душой...

Габриэль и ухом не повел.

— Проверь левый фланг, через три хода тебе мат.

— Так уж и через три? — хмыкнул Дан.— Ты что, хочешь уверить меня, что умеешь считать до трех?

— Причем с двух лет!

— Какое сходство! Растет целое поколение математиков... Хотя я с тех пор не очень в ладу с тройками.

— А у тебя их много?

— Ни одной, почтенный Фэт-Фрумос... А единственная четверка — по географии, потому что учитель застал меня на уроке за партией в шахматы.

— С кем?

— С самым собой... Соперников у меня нет. Понял? И ходи давай, даже на мировых чемпионатах столько не думают!

— Раз! — провозгласил Габриэль, раззадоренный его самохвальством.

— И я съедаю пешку.

— Два! — торжественно объявил Габриэль.

— Если ты так любезен, что безвозмездно отдаешь мне королеву, почему бы мне не взять ее? — ликовал Дан.

— Три! И мат.

Дан вскочил взбешенный:

— Как ты смеешь? Я так шутить не позволю!.. — И вдруг ахнул: — Но это и правда мат!

— А ты что думал?

— Ты смотри, всамделишный мат....

— А ты думал, понарошку? Я сказал, что в три хода... Мог бы и в два, но раз дал слово...

Дан, не веря себе, разглядывал фигуры на доске и повторял:

— Да... да... ничего нельзя сделать...

Наконец он оторвался от доски. Теперь его интересовал только мальчуган, что сидел перед ним. Росточком невелик, но, кажется, крепыш. Он сидел на козле в напряженной позе, и Дану показалось, что под свитером у него скрываются порядочные мускулы.

«Да, да, отец небось его здорово натаскивает каждое утро, неужели можно надеяться...»

— Трынту не хочешь? — вдруг просто спросил Дан.

Сначала Габриэль было оживился:

— Трынту?

— Да, так, слегка, неофициально...

— Право, не знаю...

— Что, неужели да?

— Нет, нет.

— Может, все-таки схватимся, а? — В голосе у Дана появились просительные нотки.

- Нет!
- Ну разочек!
- Нет, на сегодня достаточно.

5

- Алло! Раз-два-три-четыре-пять? Я... это...
- Знаю, ты расстроен и хочешь со мной поговорить.
- Но я не расстроен, ни капельки.
- Нет, расстроен, иначе к чему тебе звонить мне в субботу, когда по телевизору третья серия?
- Я думал, что разговор важнее, чем телевизор...
- Так. Ну, я слушаю.
- Нет.
- Вот видишь, у тебя что-то стряслось.
- Вы, может, думаете, что это из-за Габриэля — что он отказался от трынты со мной...
- Габриэль? А кто такой Габриэль?
- Один из нашего класса.
- Ага, он струсил.
- Не пойму. Может, он воображала?
- Смотри, это болезнь заразная!
- И вы туда же — мораль читать?
- Я? Разве я что-то такое сказал?
- Намеки еще обиднее.
- Я просто думал, что если он отказался от трынты...
- Вы считаете, он просто неженка?
- Он — не знаю, а ты — нет, в этом я давно убедился, ты гоняешься за сильными ощущениями.
- Ошибаетесь. Я, например, не читаю детективов, меня они совершенно не волнуют.
- Потому что тебе нужны приключения в жизни.
- А вам?
- О, мне хватает и телефонных.

В понедельник к Дану на переменке подскочил один четвероклашка и сказал, что его вызывают в учительскую. Такого с Даном еще не случалось, и по дороге он строил самые мрачные предположения. Первым делом пришла на ум контрольная по географии. Может, он и хватил через край, но как было не высказать свое мнение по поводу заданной темы: вулканов. Так, Дан не мог взять в толк, почему некоторые отроги Восточных Карпат называются вулканическими, если над ними ни малейшего дымка никогда не покажется? Вот Везувий — это да! Тут уж никаких разногласий. Настоящий вулкан со всеми своими старческими капризами. Даже фильм такой есть — как у него из кратера лава течет в долину... этакая огненная змея, Дан сам видел. Каждый день она проползает всего несколько метров, но сжигает все дотла. Контрольную Дан закончил припиской:

«Уважаемый товарищ учитель!»

Мне очень жаль, но я не слишком силен в вулканах. Я подозреваю, глядя на своих соседей, которые уже полчаса строчат не переводя дыхания, что это предмет захватывающий. Я тоже взялся за перо, потому что Нина Продан посматривает на меня с укором. Но мне нечего сказать — ведь вулканы вы объясняли на том несчастном для меня уроке, когда я получил четверку. Конечно, это не оправдание. И я искренне признаю свою вину. Я твердо уверен, что и сейчас получу соответствующую оценку. Я ее как нельзя более заслужил и хочу лишь, чтобы вы приняли это письмо как свидетельство несомненного к вам уважения.

Дан-Овидиу Родеску».

Он помнил свое послание наизусть, потому что от нечего делать перечитывал его до конца урока. И сейчас, анализируя

каждое слово, никак не мог понять, что же тут обидного для учителя Думитреску. С какой стати его вызывать в учительскую и отчитывать при всех? За то, что он так смело, по-мужски, можно сказать, признал свою ответственность за проявленное легкомыслие?

С некоторой дрожью в сердце Дан открыл дверь в учительскую и не смог скрыть удивления, когда навстречу ему поднялся преподаватель физкультуры, отец Габриэля:

— Спасибо, что пришел, Дан... У меня к тебе мужской разговор.

— Ко мне?

— Да, а что тут такого? Я решил, что здесь нам будет спокойнее.

Поведение учителя показалось Дану несколько странным, но, по правде говоря, оно не могло и не польстить ему, тем более что в глазах сидящего поодаль географа Думитреску ему почудилась ирония.

— Есть предложение,— начал физкультурник без оценок, что пришлось Дану по душе.

— Предложение? — переспросил он, все еще не веря, что рассеялся кошмар нагоняя от географа.— Какое угодно!

— Вернее, не совсем предложение,— поправился учитель,— скорее, просьба, я рассчитываю на твою добрую волю...

— Пожалуйста,— ответил Дан, раздумывая, в какую спортивную команду его хотят завербовать.

Учитель вдруг замаялся — он предпочел бы сначала подготовить Дана, но на это уйдет, пожалуй, не один час, ведь придется рассказать и о трагедии с дедушкой Габриэля, к которому мальчик был так привязан...

— Мне бы хотелось, чтобы ты сидел с Габриэлем..

— С кем? — Дан притворился, что не понимает: надо было выиграть время.

— С моим сыном.

— Но.. я сижу с Ливиу!

— Знаю. Я с ним уже говорил. Собственно, тогда мне и

пришла в голову эта мысль: он сказал, что ему с тобой трудно...

— Вот дурак! — начал было Дан, но осекся. — Простите, но обижаться на шутки...

— Я слышал, что ты его здорово разыграл... Но это как раз то, что надо... То есть... Видишь ли, не знаю, как сказать... Мне кажется, именно этого недостает Габриэлю. Он, понимаешь, слишком робкий у меня, что ли...

— Он — робкий?

— Ну да. То есть, я хочу сказать, он такой замкнутый... Мне кажется, рядом с тобой он изменится... Ты меня понимаешь, надеюсь. С тобой ведь можно говорить открыто...

— Но почему вы думаете, что я... И потом, вы знаете, у меня по географии...

— Неважно... Я уверен, что это простая случайность.

— А контрольная?

— Гм! Зачем эта излишняя щепетильность? У Габриэля — ты, может, заметил — нет проблем с уроками... я хочу, чтобы он сидел с тобой за одной партой совсем по другой причине.

— По другой?

— Ну да. Ты знаешь, как некоторые ведут себя с новичками. А Габриэль у меня не богатырского сложения.

— Зато в шахматы он меня разбил в пух и прах. На одиннадцатом ходу... А если честно, то на девятом...

Учитель физкультуры глубоко вздохнул:

— В шахматах-то он силен, но... Понимаешь, у него были тяжелые переживания, и если теперь новые трудности... не знаю, как он выдержит... новые товарищи... Я слышал, что Релу...

— Ну, Жми-Камня я приструнил.

— А Take?

— О, тут будьте спокойны. Гни-Деревья не способен и муху обидеть. Подаришь ему какой-нибудь паршивый корень, он будет твой по гроб жизни... Вот от Раду можно ждать гадостей.

— Видишь, как ты в них во всех разбираешься. Я же знал,

кого просить. Прошу тебя, позаботься, чтобы все было в порядке. Я на тебя очень надеюсь. Обещаешь?

Что Дану оставалось? Он пообещал.

7

С тех пор как Габриэль перебрался к нему за парту, Дан не узнавал себя — таким он стал ворчун и придирой. Он никогда не одобрял мелких стычек матери с соседками, но теперь сам убедился, как трудно обеспечить тишину и покой для своих близких, если не работаешь целый день языком. Раньше его не интересовало, чем занимается класс в отсутствие учителя, но сейчас, когда на нем лежала ответственность за товарища, он превратился в эксперта по досугу одноклассников. От него ничто не ускользало, и при желании он мог бы составить классификацию; например: одни бесцельно слоняются от парты к парте, другие по крайней мере шестьдесят четыре раза на дню изрекают: «Слушай, ты», третьи обожают стянуть чужой ластик или карандаш — точно такой же, что лежит у них в пенале. Тут надо быть настороже. Вот Кулай подбирается к тетрадкам Габриэля, начинает листать. Дан распрямляется, как пружина:

— Ты что хватаешь тетрадки моего друга? Кто разрешил?

— Я хотел посмотреть, какой у него почерк, — растерянно бормочет Кулай.

— Ага, ты хотел убедиться, хорошо ли у него получается заглавное «О» в слове «отвали»?

Кулай багровеет, как будто его застигли на месте ужаснейшего злодеяния.

— Если хочешь знать...

— Поди-ка прогуляйся по бульвару между парт, а не то сейчас без телескопа увидишь туманность Андромеды!

Габриэль, впервые присутствовавший при подобной взбучке, запротестовал:

— Но почему он не может посмотреть мои тетрадки, а, Дан?

Такая наивность позабавила Дана. Сосед по парте не представлял, что значит подпустить Кулая к своим тетрадкам: через минуту за его спиной вырастет Раду и начнет комментировать твою орфографию, за ним подскочит Санда, знаменитая специалистка по графологии, и не отстанет, пока не выкопает какие-то там росчерки пера, которые бесспорно указывают на самые неприглядные стороны характера... Но Габриэль, кажется, не на шутку обозлился, и Дан сказал примирительно:

— Это все тонкая политика. Предоставь уж лучше мне решать, что и как.

— Но я и сам могу разобраться...

— В этом тупице Кулае? Ты не представляешь, на что этот зубрила способен...— И добавил с гордостью: — Но в моем присутствии он и пикнуть не смеет.

Новенький смерил его явно ироническим взглядом:

— Гм-м-м! Не знал я, что ты так держишься за славу Змея Горыныча...

— А вот и держусь! И еще я привык держать слово, если уже дал...

— Какое слово?

Дан сконфузился:

— Не твое дело!

— Как не мое, если речь обо мне?

Дану с трудом удалось замять разговор. Но в классе назревало недовольство новой ролью опекуна, избранной Даном, и Релу первым попытался поставить точку:

— Мы с Габриэлем как-нибудь сами договоримся.

— Дудки! — парировал Дан.

— Это почему еще? — не отставал Релу.

— Потому! Говори, чего ты от него хочешь...

Хотя положение няньки ему не доставляло большого удовольствия, но он чувствовал, что, стоит сейчас отступить на шаг, и потом все время придется пятиться. Итак, он угрожающе двинулся на Релу, и тот был вынужден сдаться.

— Меняю свое яблоко джонатан на его айву.

Дан вспыхнул:

— Если ты еще раз подойдешь к нам с такой мурой, я тебя... я тебя так отколошмачу!.. Бергамот из тебя сделаю, если джонатан тебе надоел. Понял?

— Да ты что? — недоумевал Релу.

— Ничего. Габриэль не любит джонатана.

Сам Габриэль, онемев от изумления, наблюдал эту сцену. Как только Релу, пожав плечами, поплелся прочь, он посмотрел прямо в глаза соседу:

— Если хочешь знать, джонатан я как раз люблю.

— Ну и люби на здоровье. Только не вмешивайся, когда я с Релу говорю. Я знаю, что делаю. Сегодня яблоко, а завтра он захочет выменять у тебя вот этот значок,— Дан ткнул Габриэля в грудь,— а значок-то небось редкостный.

— Смотри-ка, углядел уже!

— А ты как думал?

— Ничего я не думал. Мой значок, мне его отец дал, захочу — и сменяюсь!

— Неужели сменяешься? — не поверил Дан.

— А почему бы и нет? — с вызовом отозвался Габриэль.

— Я могу получить за него пять обычных,— заверил Дан,— только скажи — тебя-то самого запросто обжулят... Они только меня и боятся,— прибавил он в пояснение.

— Боятся? — удивился сосед.— Почему, не понимаю?

— Как это — почему? — вздернул брови Дан.— Ты что, не видишь, какие у меня мускулы? Потрогай.

Дан согнул правую руку, и Габриэль с любопытством встал за мышцу большим и указательным пальцами.

— М-да... неплохо... Ты культурист?

— Не-а!

— Тогда поздравляю! Браво!

— Вот так, старик,— покровительственно сказал Дан.— Держись за меня, и никто тебя пальцем не тронет. Понял?

— Конечно, нет! — рассмеялся Габриэль, обхватив его за плечи.

Все потихоньку улеглось бы, но Дана, как назло, осенила идея.

Идеи, к вашему сведению,—своего рода разноцветные молнии; они появляются в любое время, но чаще всего — среди ясного неба.

Так вот, к Дану явилась идея, круглая, как шаровая молния, румяная, как яблоко.

— Хочешь посмотреть, как мы слопаем у Релу его джонатан без всякой мены?

— Хочу,—заинтересовался Габриэль. По правде говоря, он потому и занял с удовольствием место рядом с Даном, что ему нравились эти внезапные сумасбродные идеи.— Скажи скорее, что ты задумал?

— Потерпи — увидишь,—загадочно отвечал Дан.— Только сначала дай мне свою шариковую ручку.

— Какую ручку? — насторожился Габриэль.

— Что значит — какую? У тебя же есть!..

— Нет у меня ничего!

— Что ты отпираешься, — удивился Дан, — когда я ее сегодня у тебя сам видел в портфеле, в среднем отделении, в коричневом кожаном футляре! Да что там видел — я ее даже пощупал...

— А кто тебе разрешил? Это дедушкина! — Габриэль сверкнул на него недобрым взглядом.

— Чего ты? — недоумевал Дан.

Но Габриэль вдруг не на шутку разошелся:

— Ты зачем шарил у меня в портфеле?

От такого бестактного вопроса Дан утратил обычное самообладание и, заикаясь, промямлил:

— Я... я искал... мне надо было... этого... ну, как его... чтобы...

— Чтобы это было в последний раз! — выкрикнул Габриэль так громко, что все обернулись на них.

Впервые в жизни Дана унижали перед всем классом, и он попытался спасти положение:

— Как ты со мной разговариваешь?

— Так, как ты заслуживаешь! — отрезал Габриэль.

Ребята зашумели.

— Эх, сказаноул, не в бровь а в глаз! — удивлялся Таке.

— Ай да Габриэль, силен! — ахал Кулай.

— Вот уж от кого не ожидала! — изумлялась Нина.

— Ого, неужто нашлась управа и на Змея Горыныча? — мстительно ликовал Релу.

Их слова, как копы, просвистели над ухом у Дана, а в глазах запрыгали острые наконечники стрел.

— Ах ты пигалица несчастная, ты с кем задумал тягаться? — загремел он вне себя от ярости, надвигаясь на Габриэля. — Может, эти завистники не сказали тебе, малявке, что я чемпион города по трынте? А ну, давай схватимся! У тебя, верно, поджилки трясутся, так я тебя мигом успокою!

И произошло неопишемое: сначала Дан обхватил Габриэля поперек живота и завертел его на одном месте, потом послышалось «ох», и Змей Горыныч пролетел по воздуху и грянул об пол.

— Ай-я-й! — запрыгал Таке. — Уложили чудище лапчатое!

— Во дает!

— Сила!

— Ну и ну!

Только Дан, казалось, лишился дара речи. Наконец, приподнявшись, он спросил, как во сне:

— Что это было?

— Да так... — пожал плечами Габриэль.

— Потрясающе! — Дан, придя в себя, не почувствовал ни стыда, ни растерянности. — Как это тебе удалось, ума не приложу!

— Ума здесь много не надо! — Габриэль помог соседу по парте встать.

— Да?

— Да. Сила-то у тебя есть, а с ловкостью хуже. Неповоротливый ты!

— Нет, потрясающе! С ума сойти, как здорово! — восторгался Дан, ничуть не огорченный. — Что это за прием, где ты научился?

— Как-нибудь расскажу.

— А сейчас?

— Нет, после, — шепнул ему Габриэль, взглядом показав на ребят, что окружили их плотным кольцом.

Разговор продолжился на уроке химии:

— Ну, говори! Где ты взял этот прием?

— От дедушки!.. Даже отец не знает... А меня дед выучил...

— Ой, вот бы с ним познакомиться!..

— К сожалению, это невозможно, — сказал Габриэль, и на глаза у него навернулись слезы.

Дан не стал расспрашивать — пусть сам расскажет, когда захочет, что случилось с дедом.

— Нет, ты просто чудеса творишь, теперь тебя никому не побороть...

— Дедушка хотел, чтобы я стал чемпионом...

— Ну, и... — И быстро добавил: — А меня не научишь?

— Нет! — твердо сказал Габриэль. — Я подумаю, — добавил он пять минут спустя.

9

Дан набрал знакомый номер, но звонок напрасно надрывался в пластмассовой коробке. Раз-два-три-четыре-пять, видно, вышел погулять... Грустно. Грусть непонятная, без слез.

...Когда он пришел домой к обеду, мать сразу взяла его в оборот за то, что явился перепачканный с ног до головы.

— Где ж это ты вывалялся, трубочист ты этакий! А мокрехонек-то — ну весь до нитки! Скорей раздевайся, пока не поздно, горе мое...

— Но мне, мам, жарко!

— Может, у тебя уже температура?

Да, если уж мать разошлась, успокоить ее нелегко. Он спасся бегством в свою комнату и решил позвонить — как всегда по пятницам. Но вот никто не отвечает. «Рано. Ладно. Ну, а если позвонить попозже, то что? Что мне сказать своему другу? Правда, скорее в тебе разберется кто-нибудь со стороны, чем ты сам... В общем, я решил: бог с ним, с Габриэлем и с его дедушкой, я возвращаюсь к своим тренировкам — совсем забросил их в последнее время. И в кружок электроники... Габриэль не изволил, видите ли, в него записаться, ну и не надо. А то еще подумает, что я व्यось вокруг него, раз он меня тогда уложил на обе лопатки. А что ему оставалось, с другой стороны? Не он меня, так я его... Теперь-то он на вершине славы... И очень даже хорошо: может, повеселеет, а то ходит всегда как в воду опущенный. Я его спрашивал, что с ним, но он вечно отмалчивается... Наберу-ка я еще разок номер... М-да, никого, длинные гудки. А вдруг Раз-два-три-четыре-пять уехал в отпуск? И бросил меня... А я ему столько хотел сказать! Вот хотя бы про всякую ерунду, которая лезет в голову. Ни с того ни с сего. То я играю в теннис с Нэстасе¹. Гоню его налево, теперь направо, к сетке, гас в лоб, фу-ух, прямо пот прошиб от удовольствия!.. А то я — Михай Храбрый, сражаюсь с Синан-пашой...² под водой. И воздуха мне не надо! Хоть десять часов подряд могу биться, пока не захвачу знамена... Или нет: горит дом... Да, да, это обязательно надо ему рассказать...»

— Алло! Раз-два-три-четыре-пять?

— Да! Прости, я опоздал...

— Ничего... Я не скучаю в своем собственном обществе.

— Как! Ты снова остался без компании?

¹ Нэстасе — знаменитый румынский теннисист.

² Михай Храбрый — господарь Валахии (1593—1601). Речь идет о битве 1595 года у реки Няжлов, в которой Михай Храбрый одержал победу над турецкой армией под предводительством Синан-паши.

- Разве непонятно?
- Но ты же говорил, кажется, что нашел себе друга.
- Габриэля? С ним все кончено!
- Так быстро? Не иначе, как он тебя и в трынте тоже одолел.
- А вы откуда знаете?
- Ничего я не знаю... Просто иногда кое-что мне приходит в голову, само собой...
- Синан-паша?
- Нет, а что — Синан-паша?
- Да просто и мне тоже иногда всякие штуки лезут в голову...
- Вот как? Ну, и что сейчас, например?
- Горит дом... Мать кричит: «Сыночек!» Какой-то человек вбегает в дым, в пламя... Находит ребенка наверху, на втором этаже... Ребенок смеется... Человек смеется вместе с ребенком... Берет его на руки... Огонь расступается, и они выходят из дома целые и невредимые... Человек передает ребенка на руки матери, хватает свой портфель и убегает... Что вы скажете о такой истории?
- На ночь можно придумать сказку и покрасивее!
- А эта чем вам не угодила, интересно знать?— крикнул Дан и бросил трубку.

10

Только спустя несколько дней учитель Крестя совершенно случайно узнал о стычке между Габриэлем и Даном и о том, что его сын владеет приемами дзюдо. Учитель Думитреску, вожатый отряда седьмого «В», уверил его, что весь конфликт яйца выеденного не стоит. Конечно, учитель географии Думитреску не прочь был бы поделиться с коллегой своими сомнениями — так ли уж положительно влияет Дан на Габриэля, — но, боясь показаться назойливым, предоставил события их естественному ходу. Через два дня седьмой «В» потрясла еще одна

буря: конфликт между новым председателем отряда — Ниной и прежним — Даном. Правда, и на этот раз все кое-как уладилось, и учитель физкультуры мог только радоваться, что круговорот повседневных дел класса поможет его сыну наконец встряхнуться: ведь он уже целый год ходит как потерянный — с тех пор, как во время экспедиции без вести пропал полковник Кристя, его дед.

Если Габриэль и в самом деле начал потихоньку «оживать», то Дан, напротив, впал в апатию, и многим хотелось объяснить это его поражением в трынте и потерей славы «непобедимого», доставлявшей ему раньше, что правда, то правда, немало удовольствия. Теперь мальчишки, проходя мимо, кивали на бывшего чемпиона, подталкивая друг друга локтями, а вредные девчонки, завидя его, прыскали со смеху и с самым радостным видом скакали на одной ножке. Но Дан не слишком остро переживал «крушение» своей славы, его мучило другое: жажда узнать секрет Габриэля.

Однажды утром перед уроками Нина, запыхавшись, ворвалась в учительскую, вытащила в коридор учителя Думитреску и выпалила:

— Знаете, что Дан сделал?

В первое мгновение у вожатого чуть не вырвалось: «Достукался!» Но он сдержался и строго спросил:

— Что?

Только тогда Нина поняла, что ее стремительный налет на учительскую, чего доброго, может произвести совсем не то впечатление, на какое она рассчитывала.

— Ой, вы только не бойтесь, ничего плохого. Наоборот!

— Да?— В голосе учителя послышалось облегчение.

— Да. Он спас ребенка из горящего дома...

Весть огорошила учителя:

— Неужели? Откуда ты знаешь? Он что, сам похвастал?

— Нет... Он не признается.— Девочка печально опустила голову.

— Так, может, это все выдумки?

— Нет, нет, точно не выдумки! Спросите у Анки...

— У какой Анки?

— У Красной Шапочки!— пояснила Нина, совсем запутав учителя.— Мы так зовем Анку Испас,— сконфузившись, про-
бормотала она.

— А, теперь понятно... Но откуда ты взяла, что она знает наверняка?

— Потому что она ходит сама не своя который день. Если бы они с Даном не были в ссоре, она бы мне давно сама все выложила...

— Но разве можно такие вещи скрывать, хоть ты с кем-то трижды в ссоре, а?

Нина с сомнением покачала головой:

— Нельзя, наверное, в отношениях между людьми, а у нас...

— Что, что?— изумился учитель.— А вы что, не люди?

— Нет...

— Нет?!

— Мы же дети и...

— Ага!— расхохотался учитель.— А то у меня прямо душа в пятки... Теперь понял... кажется... Надо будет как-нибудь обсудить эту проблему на собрании отряда!

— Не надо, товарищ вожатый. И так уже все говорят, что, с тех пор как меня выбрали, мы только... языком мелем...

— Ну, а как же, Нина. Ведь только в разговоре и можно установить истину.

— В простом разговоре? Истину?

— В простом... в сложном... не знаю... знаю только, что спрашивать и отвечать...

— Вот и спросите у Габриэля...

Услышав свое имя, Габриэль, который как раз шел мимо, остановился и, вежливо поздоровавшись, спросил Нину:

— О чем речь?

— О Дане, про пожар, ты знаешь...

Габриэль взглянул на нее исподлобья:

— А помолчать ты не могла? Если Дан не хочет, чтобы знали, зачем...

— Видите, видите, товарищ учитель!— чуть не закричала Нина.— Вот он, разговор, попробуйте с ними договориться...— И, чуть не плача, добавила:— Как выбрали меня в председатели, так говорить приходится только с самой собой.

На Габриэля произвела впечатление эта вспышка, он наклонился к Нине и, глядя ей прямо в глаза, сказал с ласковым укором:

— Что ты, не видишь, даже Анка рта не открывает, не хочет...— И тут же поправился:— Просто она тоже ничего не знает.

— Не может быть, она живет как раз на той улице, она все видела...

Учитель Думитреску не вмешивался в перепалку. Ситуация представлялась ему предельно простой, и он не понимал, из-за чего тут копыа ломать.

— Ты спрашивала мать ребенка? — сказал он наконец.

— Конечно! — оживилась Нина.— Но она, к сожалению, ничего не помнит... Она даже говорит, что не узнала бы спасителя в лицо... Одно точно: дом сгорел, а пионер спас ребенка. Если б Анка как свидетель...

— Но, может, она ничего и не видела?— предположил учитель.

— Тут самое важное, по-моему,— твердо сказал Габриэль,— что Дан не хочет, чтобы знали!

Учитель Думитреску задумался на секунду и согласился:

— Пожалуй, ты прав. Раз человек не хочет, оставим все, как есть.

— Объявили бы ему благодарность перед всем отрядом, вот здорово было бы!..— мечтательно протянула Нина.

Габриэль решительно запротестовал:

— Ни в коем случае! Нехорошо так грубо влезать в чужую душу... все-таки у него возвышенные побуждения. Не хочет,—

значит, не надо насильно... Он молодец, Дан, хоть мы и ругаемся по сто раз на дню...

Нина бросила на него иронический взгляд:

— Тебе-то что, теперь можешь им восхищаться сколько влезет, ты ж его уже побил и в шахматы, и...

— А с каким трудом, если бы ты знала!— перебил ее Габриэль и добавил мягко:— Ты, Нин, неправа: если бы он меня побил, а я в этом ничего невозможного не вижу, я бы его любил все равно. И он меня любит. Он настоящий друг, понимаешь?

— Друг, а даже тебе не признается,— подковырнула Нина.

— А он знает, что мне не обязательно все выбалтывать... Я ведь ему тоже не все говорю,— заметил Габриэль, как бы отвечая на свои мысли.— Я его люблю, конечно, хоть он и приятель не из «удобных»... Нелегкий он, вот его и обходят стороной.

— Так я потому и хочу, чтоб благодарность... Пусть все видят, что он стал хорошим мальчиком.

Наивность девочки рассмешила учителя. Все же он счел нужным сказать и свое слово:

— Может, Дан как раз этого и боится — стать «хорошим мальчиком». В том смысле, в каком ты этого хочешь — да, признаться, и я тоже...— Он вздохнул.— Напридумывали мы, Нина, сами себе шаблонов и хотим в них втиснуть любой характер. Давайте пока что оставим Дана в покое. Сделаем вид — как и он,— что ничего не случилось. Идет?

11

Но были и такие, что вовсе не избегали Дана. Релу Жми-Камня, например, притягивало к нему, словно магнитом, хоть Дан и круто обошелся с его лягушкой. И Релу втихомолку, никому не признаваясь, подражал ему во всем. Дан — в гандбол, и Релу за ним, Дан — собирать марки, и Релу тут же в филателисты. Следя чуть ли не за каждым жестом Дана, Релу после

происшествия на пожаре почуял в нем какую-то перемену. А отметив странности в поведении Анки, незаметно взял и ее под контроль и наконец понял, что в ее руках все нити загадки. Не зная, в чем дело, и желая на всякий случай предостеречь Дана, а заодно показать, что он настоящий товарищ, Релу однажды на большой перемене подстерег Дана у двери в химическую лабораторию и, сделав вид, что они встретились случайно, сказал как можно беззаботнее:

— Привет, старина. На тебя вся надежда, разгадай загадочку, распутай, будь добр.

В его тоне Дан почуял какой-то подвох. Но поскольку серьезных причин для недоверия пока не было, он решил откликнуться:

— А на сколько узлов она завязана?

— Не об узлах речь, а то их и Габриэль смог бы развязать, он ведь у нас числится в клубе находчивых... А он не справился.

«Что за намеки? Дело нечисто»,— решил Дан, но прикинулся, будто ничего не подозревает:

— Смотрите! Габриэль не справился!

— И Йоргу тоже...

— Первый ученик, похвальная грамота... Свихнуться можно! Что ж это за штука такая? Из какой хоть оперы?

— Не знаю, может, не стоило тебе говорить...— вдруг замялся Релу.— В общем, это насчет одной фотографии.

— Прямо как в детективе!..

В самом деле, Дан уже несколько дней подмечал вокруг себя какое-то таинственное движение. Он догадывался, чем оно вызвано, но не знал наверняка. Поэтому, не давая Релу увильнуть, он добавил:

— Тайны и загадки — моя стихия.

— Знаю, ты тогда здорово с физической лабораторией... как это тебе в голову пришло...— попытался отвести ему глаза Релу.— Мы-то, дураки, ломались в открытую дверь, ключи подбирали...

— Тогда что,— сказал Дан с нарочитой небрежностью. Он уже был настороже, хотя и не подавал виду.— Это разве загадка была? Так, пара пустяков.

— Нет, потрясающе!— разошелся Релу.— Ума не приложу, как это ты сразу догадался, что она не заперта.

— А очень просто,— поддался Дан.— Я рассуждал так: если дверь заперта, зачем нужна сверж того еще и бечевка?

— И ты поступил, как Александр...— воскликнул Релу с преувеличенным восхищением.

— Какой еще Александр?

— Александр Македонский, мой любимый герой, помнишь — разрубил гордиев узел... Ты великий человек, Дан. Ты неподражаем. Я твой слуга навек,— добавил он с хорошо разыгранным восторгом.

Дану стало неловко. Он понимал игру Релу, но поддерживать ее в таком тоне не собирался и решил слегка охладить его пыл:

— Ну-ну, вернись лучше к тому, с чего начал.

— Это к чему?— даже не сообразил сначала Релу.— Ах да, это насчет фотокарточки, что Анка сняла...

— Красная Шапочка? Сама фотографирует?

— Она уже три дня, как не Красная Шапочка. Завязала с балетом.

Дан задумался.

— У нее был талант...— И колко добавил:— Не то что у тебя или у Таке, только и знаете, что мучить понапрасну гипс и деревяшки...

— Ладно, хватит,— болезненно поморщился Релу.

— Ничего не хватит... Анка должна вернуться в балет.

— Какое там! Теперь у нее другая идея-фикс — фото.— В голосе Релу слышалось торжество: наконец-то он добрался до цели разговора; но он тут же сменил тон и вкрадчиво заявил:— Таинственная стала — сил нет, нас к себе не подпускает...

— Вас? Кто это «вы», скажи на милость?

— Ну, я и Таке.— И прибавил скороговоркой:— Мы бросили свои кружки, тоже занялись фото.— И, почувствовав необходимость объяснений, уточнил:— Это проще. Снимаешь себе что хочешь, идешь в лабораторию, проявляешь пленку, печатаешь карточки... и привет. Просто и мило.

— Вот-вот. То-то я думаю: чего это меня совсем не тянет в кружок по фото? А теперь вижу: слишком уж там все просто и мило. «Улыбнитесь, деточки!»— клац! «Станьте в позу!»— готово! Рутину, дорогуша ты мой. Даже взрывов у вас не бывает, как в микроракетах. Если б не блицспышка, сидели бы вы во тьме крошечной по уши! А Красной Шапочке нужен свет! Огни рампы... Ее талант должен блистать на сцене...

— Ха, огни рампы! Да она уже три дня не выходит из камеры-обскуры!— ввернул Релу.— И хоть бы знать, чем она там занята!.. Ни искорки, ни лучика... полная тайна...— понизил он голос.

— Да, да, тайна в кружке по фото,— подхватил Дан.— Не смейся людей!..

— Постой-ка, я тебя сейчас сниму,— вдруг загорелся Релу, расстегивая футляр фотоаппарата.

— Брось,— запротестовал Дан,— ни к чему. Скажи лучше, в чем тут загадка? Мы ее сейчас шелкнем в сотую долю секунды, как говорится.— Он притворялся беспечным, хотя понимал, что все не так просто.

Релу ликовал, он добился своего:

— Значит, ты берешься мне помочь?

— Я же сказал.

— Ну слушай. Неделию назад Анка записалась в фотокружок. Одну пленку отсняла, потом вторую... Все шло нормально. Она снимает, а мы с Таке работаем в лаборатории: проявляем, печатаем, размножаем и все такое... Она смотрит и учится. А последние три дня...

— Три дня, говоришь?— перебил его Дан.

— Да. А что?

— Так, чтобы знать обстоятельства... Значит, последние три дня...

— ...Анка отказалась от нашей помощи!

— Вполне естественно. А вы ждали, что она всю жизнь будет у вас в подмастерьях ходить?— заметил Дан.

Но Релу не задела ирония.

— Ничего мы не ждали. Мы даже похвалили ее, что она сама взялась проявлять... Загвоздка в другом!

— Ну?— спросил Дан, не понимая, куда он клонит.

— Почему она все держит в тайне?

— Можешь считать, что загадка разгадана. Во-первых, Анка испортила пленку, и ей стыдно ее показывать. Во-вторых, ей надоели ваши морды: строите из себя художников...— Дана так и подмывало говорить гадости.

— Если бы мы ей надоели,— с непробиваемым спокойствием возразил Жми-Камень,— она не пошла бы с нами покупать фотобумагу — пачку в двадцать пять листов... Да, да, если хорошенько подумать, бумага — это еще одна тайна...

— Еще одна?— фыркнул Дан.

— Вот именно! Почему в стопке не хватает двенадцати листов — именно столько, сколько надо на одну пленку?

Пытаясь подавить овладевшее им беспокойство, Дан выдвинул новое предположение:

— Она не уверена, что правильно установила выдержку и поэтому...

— Ничего подобного!— горячо запротестовал Релу.— Она вышла — рот до ушей, глаза горят, будто сняла обратную сторону луны...

— Черт возьми, тут что-то есть!— Дан с явным интересом кивнул. Удалось все же Релу вызвать его на откровенность.

— погоди, еще не все. Четверть часа назад я заметил пропажу — посудина для проявления снова испарилась. Что ты теперь скажешь?

— Скажу, что берусь за этот случай, и сию же минуту!— И Дан во весь опор припустил к фотолаборатории.

Он без стука распахнул дверь.

— Дверь! Дверь!— грозно крикнул голос из темноты.

Дан не спеша прикрыл дверь и застыл, прислонясь к косяку и ожидая, пока глаза привыкнут к рассеянному красноватому свету. На его фоне двигались какие-то смутные тени, и одна из них, явно рассерженная, опять заворчала:

— Что за осел врывается без спроса в фотолабораторию?

— Я,— мирно отвечивал Дан.

— Кто это — я?

— Йо-хо-хо, Меткий Глаз, своих не узнаешь?

— Аолеу! Дан!— испуганно ахнул голос.

— Змей Горыныч!— вторил ему другой.

— Ой, что делать?

— Вот напасть!

Слушая эти отчаянные голоса, Дан на секунду смешался. «Неужели одно мое появление наводит на всех ужас?» Но он тут же сосредоточился и оценил ситуацию. Кроме его одноклассника, очкарика по прозвищу «Меткий Глаз», в комнате было двое-трое пятиклашек. Дан напряженно блуждал глазами по красноватому сумраку в поисках Анки, ради которой, собственно, и влетел сюда. Напрасно. У него вдруг пересохло во рту, и он невольно спросил:

— Водички у вас не найдется?

— Вот, выпей,— с издевкой пискнул кто-то, протягивая ему бутылку необычной формы.

— А тут что? Пепси-кола?— доверчиво осведомился Дан.

— Оксетил-парафенилен-диамин,— хихикнул насмешник.

Как ни был Дан занят другими мыслями, но в долгу оставаться не захотел.

— Что, хорошо действует на мозги?— процедил он сквозь зубы.

— М-да...— промямлил голос.

— Значит, как раз для тебя!— гаркнул Дан.— Пей, да поживее... Но только не здесь. А ну пошли... пошли, не выводи меня из терпения!— И, ухватив за руку неизвестную тень,

он потащил ее за дверь, приговаривая: — Эй, кажется, нас стало меньше. Трое, считая меня. Так? Меткий Глаз, этого я знаю. А ты, несчастный призрак, кто таков?

— Костэкеску...

— Ага, надежда седьмого «Б»... День-деньской лопают глюкозу... А ну, приятель, не отыщешь ли у себя в портфеле чего-нибудь сладенького погрызть?

— Пожалуйста: гематосульфат натрия,— нашелся Костэ-кеску.

— Великолепно! Пошли с нами, покажешь, с какого бока его есть.— Дан подтолкнул шутника к двери.

— А я сам уйду.— Меткий Глаз попытался протиснуться мимо них.

— Отлично. Но не раньше, чем скажешь, куда делась Анка.

— Пленку проявляет... вон, за занавеской.

— А я-то разиня!— Дан искренне огорчился. Выходит, она слышала все это безобразие. Вот так-то.— Пока, товарищи эксперты,— добавил он тихо.— А если вы меня попробуете еще раз записать в ослы...— продолжать не было надобности, фотолюбителей и след простыл.

Глубокая, давящая тишина ватой обволокла комнату. И Дан поспешил разбить ее:

— Слишком тихо у вас, а, Красная Шапочка?

— Тихо? — удивленно откликнулась Анка из-за занавески.— Какое там тихо — ты ворвался, как волк в овчарню...

— Волк?— переспросил он, и на душе вдруг стало легко.— Это что-то знакомое. А что здесь делает Красная Шапочка?

Анка старалась говорить спокойно, но голос ее невольно задрожал:

— Хочу показать людям, что и волки бывают ручными.

— Ручные волки?

«Вот оно что,— с горечью подумал Дан,— значит, для Анки я что-то вроде затравленного зверя, который места себе не находит и шатается всюду как неприкаянный».

— Тебе хочется выставить меня напоказ, Красная Шапочка? А ты знаешь, что даже в детском садике меня не могли заставить петь при всех?.. А на доске Почета всегда вывешивали только ваши физиономии... И я никогда не жалел об этом. Клянусь тебе! Волки должны оставаться волками, Красная Шапочка! Ясно?

У Анки стучало сердце, и ком подступал к горлу.

— Бывает, что волки сами на себя напраслину возводят... не так они плохи. Одна волчица, например, выкормила двух человеческих детенышей...

— Легенда.

— А есть еще такие — прирученные. «Овчарки» называются. Они нападают не на всех, а только на кого надо. Ты из их породы, Дан, я знаю.

— Откуда ты знаешь?

— Я видела... и теперь знаю.

— Что же ты видела?

— Это было вроде извержения вулкана. И один храбрый ручной волк тащил из огня ребенка...

Дан не шелохнулся. Лампочка замигала: красные всполохи, дрожащие тени, он снова переживал пожар во всех подробностях. Опомился в надежде, что Анка ничего не заметила. Но девочка в камере-обскуре видела в темноте.

— Так вот в чем загадка!— И Дан повернул выключатель.

Желтый свет, будто клейкий пчелиный мед, расплзся по всем углам комнаты.

— А-а! Ты мне засветил пленку!— вскрикнула Анка, отдергивая черную занавеску в сторону, будто занавес.

И разрыдалась, всхлипывая, роняя тяжелые, словно капли весеннего дождя, слезы.

Дан тоже рад был бы зареветь. Поникший, подошел он к Анке и погладил ее по руке — как много лет назад, в детском саду, когда он гвоздем выколол стеклянные глаза ее кукле Белле: «Я хотел посмотреть, почему она моргает!»—«Больше ей моргать не придется!»

— Ты помнишь Беллу, Анка?

— Помню,— всхлипнула она.

— Да, я всегда был разбойник, с малых лет. Верно?

— Нет! Тогда ты просто из любопытства. А вот сейчас...

У Дана ком подкатил к горлу. «Попробуй заплачь, шут несчастный!»

— Что сейчас?.. Что ты обо мне знаешь, Красная Шапочка?.. Слушай, хватит плакать. Волк купит тебе другую пленку, пойдешь в лес, к своей бабушке, и снимешь ее и вообще наснимаешь все, что твоей душе угодно...

— Таких снимков у меня больше не будет! Никогда!

— Ну, другие будут, еще лучше...

— Как же, будут!.. Ты мне засветил уникальные кадры, да, да... Как один человек очертя голову бросается в огонь и выносит ребенка!— захлебываясь слезами, проговорила Анка.

Подчеркнуто небрежно Дан заметил:

— Подумаешь, большое дело! Так получилось, что этот парень оказался рядом. Если бы на его месте был другой — Релу, например, или хотя бы даже Меткий Глаз со всеми его диоптриями,— неужели бы они стояли сложа руки? И даже ты, Красная Шапочка, слабосильная девчонка... Каждый. Разве нет?

— Да... да... да.

— Ну вот, и пусть этот парень останется как был — неизвестным. Так будет лучше... Тем более, он и сам еще не знает, кто он такой...

12

Может, если бы Нину, которую Дан считал чересчур осторожной и бесцветной, не выбрали в председатели отряда, он не стал бы к ней и придирааться. И, главное, ведь не только сам за нее голосовал, но и других агитировал. А теперь вот отказался участвовать в предложенной Ниной дискуссии

«Мужество и наша эпоха». По этому поводу у него был крупный разговор с Габриэлем.

— Тебя, Дан, просто завидки берут, вот что,— уличил его Габриэль.

— Что-что? Я, кажется, ослышался. Ты это про кого?

— Ладно, не прикидывайся.

— Пожалуйста! Выходит, я завидую, потому что, когда мы идем строем и она мне командует: «Смирно!» — я должен слушаться?

— Вполне возможно!

— Гм! А разве не я сам выбирал ее в председатели?

— Так что тебе тогда от нее надо? Зачем ты ей то и дело палки в колеса вставляешь?

— А потому, что она мои надежды не оправдала...

— Ты ее тоже, не беспокойся!

— Но я-то не председатель,— нашелся Дан,— от меня не требуется быть заводилой.

— А чем она тебе не заводила? Один ты из себя недовольного строишь.

— Да ей не под силу ничего мало-мальски интересного придумать!— не сдавался Дан.

— А тебе будто под силу!— поддел его Габриэль.

— Как, а операция «Волшебная удочка»? Скажешь, плохо?

Габриэль только отмахнулся:

— Подумаешь, «Волшебная удочка»!

— По крайней мере, оригинально. Ты что-нибудь подобное слышал за последние пятнадцать лет?

— Не приходилось.

— Вот видишь!

— Вижу, что ты просто фантазер: дело ведь не только в интересе, а и в пользе для учебы.

Дан вспыхнул:

— За Ниной повторяешь!

— А чем плохо то, что она говорит? Не нравится — ну и сказал бы ей прямо, что ж ты молчал на собрании?

Чувствуя, что пойман с поличным, Дан покраснел до кончиков ушей.

— Чего я ей буду говорить? Что она только тоску наводит своим казенным языком?.. Лучше ты мне за нее объясни: какая польза для учебы в конкурсе рисунков, почему она его так проталкивает?

— Охотно объясню. Для рисования нужны и способности и знания.— Габриэлю нравилось злить приятеля, ведь он так яростно спорил, особенно если видел, что неправ.

— И знания, говоришь?— встрепнулся Дан.

— Да. Ничего удивительного: подбирать цвета — это целая наука.

— А удочку выбирать — не наука? Думаешь, у рыб нет своих капризов? Нет, друг, послушай старого морского волка: рыбалка — вот где настоящая наука!— Дан победоносно посмотрел на собеседника.

— Наука, говоришь?— в свою очередь переспросил Габриэль и вдруг хлопнул Дана по плечу:— Ну ты даешь, Дан! Это надо Нине рассказать, про науку.

И он в самом деле подозвал Нину и ребят к своей парте. Выложив довод в пользу операции «Волшебная удочка», Габриэль ожидал возражений и споров. Но ничего подобного не произошло. Нина первая дала себя переубедить и призналась без всякой задней мысли:

— Зря я тогда, Дан... Мне надо было голосовать за рыбалку, правда...

— Ерундовая затея,— проронил Дан, к полному недоумению Габриэля.

— Хорошенькое дело! Только что ты говорил наоборот! — ошарашенно воскликнул тот.

— Говорил смеха ради,— отрезал Дан.— Если хочешь, я тебе сейчас в этой затее насчитаю двадцать два недостатка. Во-первых, в ней мало движения — пока начнет клевать, всякая охота пройдет. Во-вторых, занятие это временное — рыбу круглый год не ловят. В-третьих...

— Хватит, хватит! — замахал руками Габриэль. — Разыграл, значит? Ты на это мастер. Ну да ладно, я все равно не обижаюсь...

— Этого еще не хватало! — пробормотал Дан.

Нина пристально посмотрела на него, но тут же отвела глаза. Она не понимала подоплеку спора, и ей вдруг подумалось: что, если мальчишки позвали ее не просто так, а с намеком — ведь она уже добрых две недели не проводит с отрядом никаких мероприятий. Ни на кого не глядя, она робко сказала:

— Конечно, странно, что Дан свою собственную идею забраковал... Но у меня есть новое предложение, могу сказать, раз мы тут сейчас все собрались...

— Ну-ну, какое?

— Послушаем!

— Валий!

Ребят, кажется, и в самом деле разобрало любопытство, и Нина приободрилась:

— Я хочу вам предложить пойти всем отрядом на экскурсию в лес...

Дан оживился — сейчас он им покажет.

— На экскурсию? — переспросил он с деланным восхищением.

— Да, — ответила простодушная Нина. — Я и в «Отважных» читала, что надо ходить в походы...

— Даже в «Отважных»? — изумился Дан. — И какая же польза для учебы от похода?

Радуюсь случаю блеснуть своими активистскими познаниями, Нина принялась увлеченно перечислять:

— Поход нас закаляет, развивает у нас инициативу и смелость...

Серьезную мину смыло вдруг с лица Дана, он расхохотался:

— Чего, чего развивает? Смелость, говоришь? Ступай в поход смело, коли дома нет дела, да?

— Не нравится — сам предлагай! — осадил его Габриэль.

За время недолгого знакомства он успел разглядеть и полюбить другого Дана, а этому — забияке и скандалисту — не спускал.

— Да я вам двадцать два предложения подброшу, только попросите! — похвастался Дан.

— Хоть одно подбрось, больше не надо, — решительно потребовал Габриэль.

Пожалуйста... — Но с ходу ничего не приходило в голову. Вообще-то можно и поход, конечно... — промямлил он наконец.

— Вот видишь? — Габриэль взглянул на него с укором.

Зато до самой охотничьей сторожки! — вдруг воспрянул духом Дан.

Ребята молчали. Первым заговорил Релу:

— Далековато...

— Я слышал, там оборотни шастают, — пробормотал Таке.

— А мне кажется, это идея, — поддержал друга Габриэль.

— И неплохая, — откликнулась Анка.

Нина позволила себе усомниться:

— Не вижу смысла — зачем нам идти до самой охотничьей сторожки?

Но Габриэль поспешил ее успокоить. Ему хотелось броситься Дану на шею — ведь друг с честью вышел из тупика, куда попал не без его помощи.

— Нет, ты подумай, Нин, как это здорово — поход до сторожки! Надо его непременно включить в программу! Дан прав — мало ли с чем мы можем столкнуться в походе, вот и развивай в себе инициативу и смелость на здоровье... Молодчина, Дан!

— Спасибо на добром слове, — вдруг обиделся Дан. — Не знал я, что ты так ехидничать умеешь...

- Алло! Это Раз-два-три-четыре-пять?
- Да.
- Я с вами больше не разговариваю!
- А зачем же ты звонишь?
- Чтобы вам это сказать!
- Ну что ж, прекрасно! Пока!
- Ага, обрадовались. Нет, так просто от меня не отделае-
тесь!
- Я всегда избегал бесполезных трудностей.
- Трудность — это я?
- Полезная.
- Играете в слова?
- А ты — в телефон.
- Это совсем другое дело. Все равно, что тянуть лотерей-
ный билетик.
- Выигрышный?
- Пока что я проиграл. И все из-за вас. Вы говорили, что
на ночь хороши сказки. А я потерял друга.
- Еще одного?
- Как это — еще? Единственного!
- А я? Или я уже не в счет?
- Вы мне не можете быть другом, вы — голос!
- Не понимаю.
- Я так и думал. Вы всегда в самый нужный момент
отказываетесь понимать. Как нарочно.
- Я просто пытаюсь завязать разговор...
- Да, и все у меня вывести! По правде говоря, мне непонятно, чего я вам дался.
- Вот и я себе задаю тот же вопрос.
- Вы хотите сказать, что со мной неинтересно?
- Напротив. Скажу тебе откровенно: с тобой даже слишком интересно!
- А это хорошо или плохо?

- Потеря времени...
- Что-что?
- Запланированная. По пятницам...
- Но сегодня четверг.
- В самом деле. Я как раз себя спрашивал: с чего бы это он вдруг звонит?
- С того, что на завтра у нас назначен этот проклятый поход!
- Говори яснее!
- Это я из-за вас влип...
- Все равно непонятно!
- Разве вы не говорили, что ночью все красивее?
- Не передергивай. Я сказал, что на ночь люблю красивые сказки...
- Сказки... А вот мы из-за вас идем в поход на ночь. Знаете, сколько я мучился, пока маршрут проложил!
- Ну, если ты все переворачиваешь с ног на голову, то можешь считать, что я, например, Царь — Удалая Голова.
- А я — Змей Горыныч!
- Знаю.
- Кто вам сказал?
- Кто мне мог сказать?
- Да, правда. А откуда же вы знаете?
- Я тоже был когда-то Змей Горынычем...
- Не так-то это легко, правда?
- Смотря в какой сказке...
- То есть?
- Иногда может попасться на пути и Фэт-Фрумос!
- Байки! Все от меня разбегаются...
- Может, ты их сам отпугиваешь?
- А какая разница?
- Надо уметь бороться честно!
- Бороться? Даже за проигранное дело?
- И проигранное может обернуться выигрышем.
- Как же?

- Если постараться загладить то, что натворил...
- Не люблю, когда читают мораль.
- Знаю, ты любишь ночные походы... В темноте как-то легче...
- Только если ты не трус!
- А это что — не мораль?
- Да, только я ее на собственной шкуре испытал!
- Шкура в твоём возрасте очень тонкая, как пергамент...
- Пергамент? И чем на нём можно писать?
- Ветром и солнцем.
- А облака не пишут?
- Только не дождевые...

14

Поход в самом деле обещал тьму неожиданностей. Дан, который взялся проложить маршрут сквозь «заколдованный лес», ушел вперед и подготовил ребятам чуть ли не на каждом шагу по сюрпризу. Во-первых, перепрыгнуть через яму, замаскированную ветками. Тут спасовал даже Нику по прозвищу «Верзила-Птицелов»¹, знаменитый своими спортивными рекордами.

— Ишь, Змеище, как круто завернул с самого начала! Что, другой дороги у него не нашлось?

— А ему лишь бы над нами поизмываться, — мстительно процедил Кулай. — Давайте возьмем и вернемся... Мы ведь даже водителю не объявили про поход, — добавил он.

— Дан насоватова, — съехидничал Ливиу.

Габриэль почувствовал, что сейчас взорвется:

— А вам что, нянька нужна?

— Все-таки объявить бы не помешало, — задумчиво протянула Нина.

Но когда Нику, напружинившись, с большим запасом пере-

¹ Верзила - Птицелов — великан, персонаж румынских народных сказок.

прыгнул через яму, все вздохнули с облегчением и стали друг друга подначивать:

— Яма называется!

— И хоть бы еще с водой была...

— Да я через десяток таких запросто перемахну!

Пройдя километра три по тропке, ребята притомились и тут на лесной прогалине наткнулись на колодец.

— Ура! Ура! — И все разом, нарушив строй, бросились к воде.

— Кто зачерпнет? — спросила Нина.

— Я, — вызвался Раду.

Но Дору Меткий Глаз, неожиданно оправдав свое прозвище, углядел, что к бадье, стоящей на краю колодца, привязан клочок бумаги, и прочел дрогнувшим голосом:

— «Вода отравлена».

— Дановы выкрутасы! — скривился Таке.

— А если и правда отравлена? — зловеще сказал Габриэль. — Кто будет отвечать — ты?

— Я? Почему я? — испугался Гни-Деревя.

— Тогда пошли, — решила Нина.

Но тут возникла новая заминка. От прогалины расходились сразу три дороги.

— Ну и ну! — развел руками Габриэль. — Задача. Куда пойдем?

— Я думаю, налево, тут тропка, кажется, самая хоженная, — высказалась Санда.

— Лучше по средней, — возразил Релу.

— Да, да, — пробурчал Верзила-Птицелов. — Ты всегда держись посередке, я давно заметил...

— Что ты хочешь сказать? — разозлился Жми-Камень. — Ишь, какой выискался!

— Хоть бы нам что-нибудь выискать! — жалобно сказала Нина, которую все больше и больше тяготила ответственность. — Вот уж не думала, что с этим походом столько маеты будет!..

«Дан знал, что делает!» — с непонятной гордостью за Дана подумал Релу и обратился к Анке:

— А ты что думаешь, Красная Шапочка? Ты ведь свой человек в лесу.

— Я думаю, Дан оставил нам какой-нибудь знак. Иначе быть не может! — ответила Анка.

— Да, да, конечно, — поддержал ее Габриэль.

— В таком случае, остается только искать, — заключил рассудительный Йоргу.

И в самом деле, в ветвях дерева на обочине левой тропинки они нашли стрелу.

— Все предусмотрел! — одобрительно воскликнул Габриэль, когда метров триста спустя прямо у себя под ногами они обнаружили выложенную из белых камушков стрелу, что призывала их смело идти вперед по сказочному лесу.

— Ага, теперь все ясно! — сказал Нику, как будто ничуть не удивившись.

— Что тебе ясно? Куда тропинка ведет? — в волнении прошептала Санда.

— На луну она ведет, — выпалил Раду. — Или, может, в пустыню, к фата-Моргане...

— Или во дворец к Змею, — невольно вырвалось у Нины. Только на Нику ничего не действовало:

— Вот разошлись! Придите в себя, балаболки. Вы в походе, а не на литературной викторине. Через десять минут мы будем у охотничьей сторожки. Если Дан поджидает нас там с жареной медвежатиной на вертеле, я его друг навек!

Но на дверях охотничьей сторожки они нашли замок и кусок бересты, на котором карандашом было небрежно нацарапано нечто загадочное: «Я напал на их след. Будьте начеку!»

И больше, сколько ни искали, ни знака, ни следа. А главное, не было самого Дана. Они договаривались встретиться у сторожки, что бы ни случилось, и вот пожалуйста, его нет как нет.

— Этому Дану лишь бы поиздеваться! — снова сказал

Кулай, он заметно нервничал.— Мстит нам, что мы его первую идею не приняли.

— Эт-то какую? — дрожа, спросил Таке.

— А ту, ловить акул...

— Бр-р-р! Непременно надо было про акул вспомнить! — вздрогнула Санда.

— Если еще Таке Гни-Деревья отыщет здесь какую-нибудь змеюку,— несколько принужденно засмеялся Раду,— будет полная картина: заколдованный лес и избушка на курьих ножках.

Они расселись — кто на завалинке, кто прямо на траве. Тишина нависла — тяжелая, прерываемая странными шорохами, тонкими вскриками ночных птиц, едва уловимым шелестом крыльев.

— Похода им захотелось! — вдруг с осуждением произнес Дору.

— Кому это им? — удивился Нику.

— Спали бы мы сейчас в свое удовольствие в теплых кроватях,— вздохнул Ливиу.

— Слушайте, ребята,— подпрыгнул Релу,— а ведь тут дельное предложение недавно было.

— Какое еще?

— Что-то не слышали.

— Ну-ка, напомни!

— Вернуться домой и лечь спать,— раздельно выговорил Релу.

Кое-кто вскочил с готовностью:

— Так чего мы ждем?

— Пошли!

Но порыв заглох, и стало так тихо, будто они спугнули всех птиц, будто даже букашки убрались восвояси, оставив людей в полном одиночестве и страхе. Внезапно раздался зловещий хруст.

— Дан? — вздрогнула Нина.

— Не... Это Гни-Деревья,— нехотя обронил Дору.

— Взялся за дело? — пошутил Габриэль.

— За Релу я взялся, — пояснил Таке.

— Не кости же это у него так страшно захрустели... — выразил надежду Йоргу.

— Не исключено. — Голос Релу дрожал. — Что-то меня холод пробирает...

— А меня — страх, — призналась Санда.

— Была же мысль вернуться, а, Нина? — гнул свое Кулай.

— А как же Дан, бросить его? — тихо молвила Нина.

— Ему что? Его страх не берет... Втравил нас в авантюру... — посетовала Санда.

— На то он и Змей Горыныч, — с насмешкой изрек Нику. — Пошли, Нин...

На этот раз Нина решительно запротестовала:

— Нет. Нельзя. Дан сказал, что будет нас ждать здесь. Значит, он где-то неподалеку... Только бы не заблудился, — прибавила она озабоченно.

— Кто, Дан? — удивилась Анка. — Ты его не знаешь, он сквозь огонь пройдет... — Но, вовремя спохватившись, повторила: — Да, да, ты его не знаешь...

— Я его зато знаю! — объявил Релу важно. — Кому он разбил скульптуру? Да еще какую прекрасную! Можно сказать, царицу лягушек...

— А мне, — не захотел отставать Таке, — мне он сломал, как щепку, роскошную змею из коряги... — Он насторожился, уловив ухом подозрительный шорох. — По-моему, тут настоящие змеи кишмя-кишат...

Девчонки повскакали с визгом. Но и у мальчишек, видно, тоже душа ушла в пятки.

— Лучше убраться подобру-поздорову...

— Поздно уже.

— Пора по домам...

Нина подошла к Габриэлю:

— А ты что скажешь?

— По правде говоря, я от Дана такого не ожидал... Бросить нас посреди леса без всяких указаний...

— А береста?

— Ну, он мог и пошутить... Ты ведь его знаешь не хуже меня.

— Лучше всех его знаю я! — вмешался Релу. — Точно вам говорю, этот негодник уже дома и храпит себе под теплым одеялом... А мы тут околачиваемся, как дураки!

Нина чуть поколебалась:

— Не знаю, правильно мы поступаем или нет... Но если вы все «за», то давайте вернемся. — И окрепнувшим голосом скомандовала: — Стройся!

В приливе необычайной бодрости ребята, наверное, так и отмахали бы без остановки весь путь до дому, если бы у самой ямы, прикрытой ветками, Санда не вскрикнула, как ужаленная:

— Ай, Анки нет!

— Как нет? А где ж она? — перепугалась Нина.

— А-а! В яму свалилась? — вскрикнул кто-то.

— Нет, — успокоила его Санда, если можно назвать успокоительным следующее сообщение: — Она шла рядом со мной, и вдруг...

Раздались всхлипывания: кое-кто из девочек не выдержал. Мальчишки столпились вокруг Нику.

— Ребята, прежде всего спокойствие, — призвал он и шепотом добавил: — Габриэль тоже испарился.

— Габриэль тоже? — громко переспросила Нина, незаметно подошедшая к ним. — Ну, теперь все понятно!

— Ты хочешь сказать, что тут пахнет изменой? — истолковал ее слова Кулай. — Довели нас до ямы, убедились, что все в порядке, и смылись обратно к сторожке?..

— Они, выходит, думают, что мы трусы, — с горечью заключил Таке. — Тихо, кажется, я что-то слышу.

— Это просто у меня зубы стучат, — признался Релу.

— Неужели от холода? — удивился Нику.

— Или от страха...

— А-а... Так что мы надумали? — спросил Нику.

— Нечего думать: возвращаемся все к сторожке, покажем им, что мы тоже не лыком шиты, — расхорохорился Релу.

— А ты, Нина, какого мнения?

— Тут другого мнения и быть не может. Возвращаемся!

Габриэль и Анка в самом деле не поверили, что Дан их разыгрывает. И когда они, не сговариваясь, встретились у выложенной камушками стрелы, оба рассмеялись с облегчением. Ведь как ни храбрись, но поодиночке все-таки страшно идти в крошечной тьме среди загадочных шорохов. Ночной лес жил своей жизнью: шуршание и треск, протяжный крик и грозная тишина.

— Неужели ему не страшно? — с раздражением спросил Габриэль.

— Ему-то? Змею Горынычу? — недоуменно отозвалась Анка. — Да он ничего на свете не боится.

— Пожалуй, что и так... он не робкого десятка.

Анка поспешила оговориться:

— Если он кого и боится, это тебя. Ты его тогда здорово отделал.

— Тогда было совсем другое дело... Я просто застал его врасплох... А потом я его научил своим приемам. Так что больше этот номер не пройдет.

— Да, он страшно сильный! — с жаром сказала Анка.

— Сильный? Я тоже раньше так думал. А позавчера вечером он в кино слезы лил в три ручья, я сам видел. Вот тебе и сильный...

— Ну, и что ж тут такого? Ты, что ли, никогда не плачешь?

— Я? Вот еще! Хотя тут завоешь — ночью посреди леса!

— Нет, ты Дана не любишь!

— Еще и любить такого! — возмутился Габриэль.

— Он мой лучший друг... И твой...

— Скажешь тоже! Какого черта он нас заставляет с ним в прятки играть?

— Не знаю. Может, он хотел испытать нашу дружбу?— предположила Анка.

— Ага, ты потому и вернулась, чтобы его не разочаровать?

— А ты разве не поэтому?

— Нет. Я — чтобы задать ему перца. Отчихвостить в пух и прах... Воображала несчастный!

— Воображала? И он тебя тоже так называл... Можешь ты мне объяснить, почему вы все время друг на друга нападаете?

— Почему? Да потому. Он считает, что надо быть или лучше всех, или хуже всех, нормальные люди его не устраивают! А мне это противно!

Габриэль разошелся; он размахивал руками и кричал на весь лес. Миновали сторожку, а он все никак не мог утихнуться:

— Глядите какой! Змей Горыныч нашелся! Сам себе прозвище выдумал и нос дерет!

— Тс-с-с! — цыкнула на него вдруг Анка.— Смотри! Вон там, на полянке, где луна!

— Что там еще такое?

Габриэль повернулся туда, куда указывала Анка, и замер: стадо косуль играло на весенней траве.

— Косули! — восторженно прошептал он.

Анка ласково дотронулась до его руки:

— «Я напал на их след!» — напомнила она берестяное послание.— Это про косуль. Понял?

— Ага,— обронил Габриэль.— Вот красотища! Смотри, и детеныши с ними...

— Дан должен быть где-то здесь. Какая ночь! Сказочная...

— А он нарочно спрятался, чтобы устроить нам ночной кошмар,— снова взорвался Габриэль.

— По-моему, ты придираешься...

— Если я придираюсь, то что другие скажут? Ведь все до одного, и Нина первая, уверены, что это просто его очередное коленце, что он потешается над нами.

— Да,— вздохнула Анка.— Если б они сами увидели ко-
суль, тогда другое дело. Дан ясно сказал в своей записке...

— Хорошенькая ясность! Ты, Анка, не представляешь,
сколько мне приходится с этим типом ломать голову. Он
каждую минуту задает тебе задачу еще почище сегодняшней!

— А я его понимаю...

Габриэль взглянул ей в глаза:

— Ах, понимаешь? Может, скажешь, с какой стати он нам
устроил этот ночной спектакль?

— Не знаю, не знаю,— тихо сказала Анка и добавила
мечтательно: — Но я видела косуль...

— Романтика! — фыркнул Габриэль.

— Ну и что, все мы романтики, не я одна.

— Кто — все? Таке, Релу или, может, Нику?

— И даже Йоргу.

— Не беспокойся, они уже все сидят по домам как милень-
кие.

— Если ты приложишь ухо к земле, ты услышишь, как они
идут сюда,— сказала Анка, сверкнув глазами.— Ты еще не
знаешь себя, Габриэль, и нас не знаешь. Послушай: топот,
как от стада косуль...

— Кажется, правда. А этот болван, как назло, где-то
шляется!

...Когда в конце концов они добрались до дому, Габриэль,
взвинченный до предела, набрал номер Дана.

— Ах, ты дома? Посиживаешь себе, значит, спокойнень-
ко! — обрушилось на Дана, как только он взял трубку.

— Я вижу, ты не в духе,— без всякого выражения отклик-
нулся Дан.

— И не я один.

— Значит, моя затея провалилась,— сухо подытожил Дан.

— Ты почему нас не дождался? Отвечай.

— Я увидел, как вы дали тягу от сторожки, противно мне
стало.

— Но мы ведь вернулись! — крикнул Габриэль.

- Чтоб меня проверить! Спасибо!
- Так вышло...
- Ну и ладно! — рявкнул Дан в трубку. — Оставь меня в покое!
- Спокойной ночи!
- Издеваешься?

15

- Алло?
- ...
- М-да! Все еще в обиде?
- Я? С какой стати?
- Мне показалось, что ты не хочешь разговаривать...
- А зачем же я тогда звоню? Нет... Я просто подумал о косулях...
- Надо понимать, что экскурсия прошла блестяще и ты в зените славы?
- Врагу не пожелаешь такого зенита.
- Но ты же видел косуль!
- Они тоже видели...
- А ты разве этого не хотел?
- Хотел. А они решили, что я не хотел...
- А что же ты им прямо не сказал?
- Не сказал... Сами должны соображать!
- Ты так думаешь?
- Я так чувствую.
- С чувствами сложнее, попробуй их распознать...
- Они просто любят поиграть в прятки!
- Ты неправ! Они сидят глубоко — в глазах, например, и ни за что не поймешь...
- Веко прозрачное, все видно.
- Ну, в крови...
- Когда я краснею, я будто голышом выхожу на люди...
- Ну, в слезах.

- Вот плакать я не плачу!
- Нет слез?
- Охоты нет!
- Странно: и косули плачут...
- Может, потому, что они никогда не спорили с Габриэлем.
- С Габриэлем? Кто это такой — вожак стада?
- Да нет, мой сосед по парте, я же вам говорил...
- Тоже фантазер?
- Нет, он не фантазирует, он меня учит жить...
- А сам-то он понимает, что к чему?
- Еще бы! Вы его не знаете! Он тебя в темноте насквозь видит!
- Ну, такие обычно не видят при свете...
- Только не Габриэль!
- Ты так его любишь?
- Как вам сказать...
- Что, ссора на носу?
- Уже была...
- Из-за чего?
- Он мне пожелал спокойной ночи.
- Что ж тут такого?
- Он знал, что я не засну.
- Ну, а ты?
- Я взял да и опоздал на рисование...
- Ага, прогул. Ты ему объяснил из-за чего?
- Я с ним не разговариваю.
- Ты его наказал. Прекрасно! Найдешь, с кем поговорить, мало ли ребят в классе!
- Как бы не так. Они со мной не разговаривают. Надулись как мышь на крупу.
- М-да... Как же ты обходишься?
- Играю в теннис... самое милое дело... Никаких разговоров...
- Но даже для тенниса нужен партнер!
- А у меня есть — 1-35-79.

- Ага, мой коллега.
- Как Тудорел может быть вашим коллегой, он ведь только в четвертом классе!
- Коллега по телефону, я имел в виду...
- А, это точно, я с ним познакомился в тот же вечер, что и с вами.
- Я так и подумал. И он здорово играет?
- Даже ракетку держать не умеет.
- Так давай я приду, устроим матч...
- Нет! Ни в коем случае! Хватит с нас и телефонных матчей. И так мощная тренировка.
- Я предпочитаю тренировки на твердой почве. Хотя если тебе всего тринадцать лет...
- Тринадцать лет и десять месяцев!
- Это меняет дело... Надо бросать игры... В четырнадцать лет я расклеил свои первые листовки...
- Настоящие листовки?
- Самые настоящие.
- А что в них было написано?
- «Долой фашизм!», например.
- Ага, это мы проходили по истории! Я историю очень люблю!
- И косуль... Знаю.
- Но больше всех Михая Храброго.
- А что же ты не вступаешь в поединок с Габриэлем?
- Я же вам сказал, что он мой друг... Хотя он мне не все говорит...
- Значит, не настоящий друг... Почему вот я от тебя ничего не скрываю?
- Ну, вы большой.
- А маленьких людишек опасайся, Дан... Конечно, Габриэль — особая статья, он вырастет...
- Точно, он растет на глазах... Не знаю, как вам сказать, но мне кажется, у него на душе камень, хоть он мне не признается...

— Интересно...

— Я думаю, это связано с его дедушкой. Дедушкой по фамилии Кристя.

— Полковник Кристя?

— Как, вы его знаете?

16

Тудорел явился на теннисную площадку без ракетки, но с удочкой.

— Как же ты хочешь побить Нэстасе,— встретил его Дан,— если приходишь на тренировку без оружия?

— У меня зато есть... боеприпасы,— лукаво подмигнул ему Тудорел.

— Что еще за боеприпасы, а?

Тудорел не раз ошарашивал Дана своими выдумками. Вот так скажет что-нибудь, когда совсем не ждешь,— и хоть стой, хоть падай. Однажды на переменке он подошел к Дану, загадочно улыбаясь.

— Ага, «отлично» небось отхватил,— растолковал Дан его улыбку.

— Не-а...

— Нет? А какой у вас был урок?

— География. Новый материал.

— Да? Ну, так все же, что случилось?

— Знаешь, что я сделал?

— Откуда же мне знать?

— Я привязал Оану к парте! — И такое искреннее удовольствие в голосе, хоть дери его за уши.

— Вербкой?

— Меридианами и параллелями!

Тудорел расхохотался до того заразительно, что Дану захотелось тут же достать из кармана подарок — мечту заядлого рыбака. Но Тудорел сегодня не отставал от старшего товарища по части сюрпризов:

— Отгадай, какие у меня тут боеприпасы? — Мальчик вытащил из кармана пластмассовую коробочку из-под пилюль.

— Ментоловое драже?

— Холодно.

— Шоколадное?

— Теплее. Цвет уже угадал.

— Сдаюсь. Не люблю, когда меня поджаривают на медленном огне.

— На медленном огне я зажарю окуня, — засмеялся Тудорел, взмахнув удочкой.

— Все понятно: у тебя там всего-навсего жалкие червяки!

— А вот и нет, у меня там отборнейшие мухи!

— Мухи? — поморщился Дан.

— Фантастические! Три часа за ними гонялся. Знаешь, как их трудно сцапать? Но раз окуни любят мух, я должен идти на жертвы...

— Дай-ка я взгляну, — преувеличенно ласково сказал Дан. — М-да, неплохи! Ползают...

— Еще бы! Ты таких живучих во всем городе больше не сыщешь!

— Ах, так? Ну-ка, давай посмотрим, как они летают!

И Дан с ухмылкой раскрыл коробочку. Мухи разлетелись во все стороны, только их и видели.

— Ты что? Ты что? — завопил Тудорел. — Что ты наделал? С чем я пойду на рыбалку? — Он чуть не плакал.

— Вот с этим, — спокойно улыбнулся Дан, протянув ему кусочек картона, на котором была прикреплена роскошная искусственная муха.

Тудорел вытаращил глаза, потом бросился на шею другу:

— Ой, как я тебя люблю!

— Как рыба — крючок?

— Нет, правда...

— Если б ты меня любил, пришел бы с ракеткой...

— Да с ракеткой и так Габриэль придет! — проговорился Тудорел.

— Как — Габриэль? Ты что, не знаешь, что он со мной разругался?

— А он говорит — что ты с ним...

— Как он смеет! Пусть только появится!

— А вон он уже идет! — Тудорел показал пальцем на входящих в калитку Габриэля с Анкой.

— И ты туда же! Предатель! — Дан с горечью взглянул на Тудорела.

— Ах, так ты про меня думаешь? Бери назад свою муху.

— Пропади она пропадом...

— Забирай, забирай, видеть ее не могу!

— А я тебя не могу видеть! — И он зашагал к другому выходу.

Но Габриэль не растерялся и крикнул вдогонку:

— Что, трусил? Боишься, проиграешь?

Дан в ярости остановился.

— Ну ты, недоросток! — И, достав из кармана мяч, кинул его через сетку. — Твоя подача!

Матч начался при полном превосходстве Дана. Он был по мячу с таким остервенением, что Габриэль не успевал отражать удары. К тому же за Габриэля болела Анка, тихая и несмелая, а Дана сиплым петушиным голоском азартно подбадривал забывший про обиду Тудорел:

— Срежь, срежь его, пассингшут налево!.. Гоняй, гоняй его, пусть побеждает!.. Погаси ему в нос, а ну!

Через двадцать минут Габриэль в изнеможении опустил ракетку:

— Все, сдаюсь!

— А как же иначе? — презрительно бросил Дан. — У вас короткое дыхание, маэстро!

— Можно подумать, что ты так уж ровно дышишь! — огрызнулся Габриэль.

— По крайней мере, я не испугался славы горе-спортсмена!

— А я рад, что узнал цену твоей дружбе!

- Воображала!
- От такого слышу!

Анка, которой была в тягость вся эта сцена, бросилась к выходу, не замеченная друзьями, которые самозабвенно переругивались:

- Ехидина!
- Враль!
- А ты...
- А ты...

— Вот и договорились! — смеясь, подошел к ним Тудорел. — А я и не знал, что вы за птицы, и никогда бы не узнал. Спасибо, сами назвались.

Он направился к выходу, но, приостановившись, добавил:

- И прощайте!
- Это еще что за штучки? — первым опомнился Дан.

— Он нас на смех хочет поднять, — подхватил Габриэль, — эта мямля!

- Кривляка!
- Склочник!
- Осел несчастный!

Но Тудорел остановил поток нелестных оценок, подскочив к приятелям с поцелуями:

- Что и требовалось доказать!
- В каком смысле? — ошалело спросил Дан.
- Как это? — в недоумении уставился на него Габриэль.
- А так. Раз вы эдакие-разэдакие, берите и меня в свою компанию. Друг я вам или нет?

17

Анка неслась на велосипеде, изо всех сил нажимая на педали. Она опаздывала в школу. Ее новое нарядное платье не вязалось ни с велосипедом, ни с косичками, ни с разбухшим портфелем и, уж конечно, не с классным номером, в спешке кое-как прицепленном к рукаву. У Дома культуры ей сделал

знак остановиться учитель пения Буюску. Анка притворилась, что не замечает его, и проскочила было мимо, но он крикнул вслед:

— Постой, Анка, куда же ты?

В полной уверенности, что сейчас получит замечание за платье, Анка остановилась чуть поодаль, сошла на землю и подвела велосипед назад.

— Простите, я вас не заметила,— соврала она.— Да я и спешу к тому же.

— Я понял, потому тебя и остановил.

— Да? — удивилась Анка.

— Конечно. Упадешь, сломаешь руку, и некому будет играть на виолончели в оркестре.

— А Радугу?

— Он для нас потерян: теннисистом заделался.

— Как, и он тоже?

— Все сбежали! Но ты-то придешь вечером на репетицию?

— Приду, приду! — торопливо пообещала Анка, вскакивая на велосипед.

В класс она вошла боком, чуть дыша. Только бы сразу не заметили обновку, иначе все пропало — насмешек не оберешься. Начинается так: кто-то ахнет, кто-то присвистнет, а там держись! Остряки записные, только попадись к ним на язычок! А ведь Анке и так уже досталось с утра. Она тайком надела новое платье, но, выходя, все-таки попала на глаза матери.

— Ты что, дочурка, в театр собралась?

— Нет, в школу,— ответила Анка самым естественным тоном. Что ей еще оставалось? — А почему ты спрашиваешь?— добавила она, притворяясь, будто не понимает, в чем дело.

Мама оглядела ее с головы до ног, качая головой:

— В школу — в таком наряде?

— Но, мам, нам велели одеваться аккуратно и красиво,— в отчаянии попыталась оправдаться Анка.

— Я тоже читала обязанности учащихся... Где твоя форма?

К этому вопросу Анка готовилась, ответ был продуман:

— Сушится в ванной, я ее выстирала.

— А другая?

— Какая другая?

— Прошлогондя...

Такой жестокости Анка от мамы не ожидала.

— Ну мамочка, она же мне мала...

— Наденешь, какая есть...

— Она с прорехой. Пока зашью, опоздаю на урок...

Еле-еле удалось выкрутиться. К классу Анка подходила сжавшись, опустив голову, словно не новое платье ловко сидело на ней, а болтались самые затрапезные лохмотья. Если бы она могла предвидеть, какие душевные муки ее ждут, она не стала бы спорить с мамой и влезла бы в старенькую форму. Но весь ужас ждал впереди — она поняла это в тот момент, когда нажала на дверную ручку. В единый миг ей вспомнилось, как остер на язык Релу Жми-Камень и какой злючкой бывала иногда Санда. Она так и слышала голос Релу: «Глядите-ка, явилась Красная Шапочка в желтом чепчике...» «О, какой туалет! Натуральный шелк, шитье золотое?» — конечно, съехидничает Дору Меткий Глаз. «Крой французский, а?» — не отстанет от них Таке Гни-Деревья. И так далее и тому подобное. А от Санды тоже жди чего угодно, вплоть до карикатуры в «Семафоре» с подписью: «Новая модель школьной формы, представленная сегодня, 5 мая, нашей модницей, небезызвестной Анкой Испас».

Сконфуженная, не смея поднять глаз и в любой момент ожидая удара, Анка проскользнула между рядами. Однако добралась до своей парты благополучно: каждый занимался своим делом, не подозревая о ее мучениях. В изнеможении опустившись за парту, она почувствовала себя в надежном укрытии и скоро справилась со смущением. Но тут же ее стал подтачивать крохотный червячок досады: «Неужели никто не заметил, что у меня новое платье?»

С задней парты к ней перегнулся Габриэль:

— Ты что опоздала?

Она нехотя пожала плечами, машинально разглаживая руками вышитый подол платья: «Конечно, оно не расшито золотом, но цветы сделаны с большим вкусом... И ворот довольно изящный... Бесчувственный народ...» Она приподнялась, чтобы засунуть в парту портфель, но от резкого движения он раскрылся, и на пол вывалились учебники, карандаши и три струны для виолончели.

— Ты что, купила новые струны? — полюбопытствовал Раду.

— Вот еще! (Неужели и теперь заметили только струны?) Я эти несчастные струны вытащила из виолончели, чтобы сделать теннисную ракетку, — заявила она с вызовом.

— Ого, для ракетки они в самый раз, — прищелкнул языком Нику, подбирая струны с полу.

— Блеск! Дашь одну? — подскочил к нему Дору.

Все в возбуждении сгрудились вокруг Верзилы-Птицелова — он держал три струны над головой, как победный флаг. Анка осталась одна в своём новом платье. Слезинки пробежали у нее по щекам.

— Я тебе добуду другие струны, — чуть конфузясь, сказал ей Дан и добавил с искренним восхищением: — Когда на Красной Шапочке такое красивое платье, ей нечего куситься...

— После обеда я тебя жду на площадке... Идет? — обратился Габриэль к Дану.

— У меня больше нет ракетки, — улыбнулся тот в ответ.

— Потерял?

— Нет, подарил...

— Что, что? — не поверил Габриэль. — Лучшую ракетку в школе!

— Охладел к теннису, и точка.

— Неужели всерьёз занялся рыбалкой? — засмеялся Габриэль.

Дан притворился, что не понял иронии:

— Я же тебе как-то сказал, что не желаю дохнуть от скуки на рыбалке.

— Подыскал себе другое занятие втихомолку?

— Точно.

— И ты мне говоришь об этом прямо в лицо без зазрения совести?

— А что мне остается? У тебя ведь тоже есть от меня секреты...

— Какие еще секреты?

— Разве ты не говорил, что покажешь мне одно письмо?

Габриэль вздрогнул:

— Это не секрет, это гораздо больше.

— И я недостоин знать...

— Молчи!

Дана настолько поразила резкость окрика, что он тут же дал себе слово никогда не затевать разговора на эту скользкую тему. «В конце концов, что у него там в душе копошится, не мое дело... Не доверяет мне. А жаль. Вообще-то он неплохой парень...»

— Знаешь, Габриэль, у меня гениальная идея.

— Вроде той — с ракеткой? — усмехнулся Габриэль.

— Да, и с ракеткой неплохо, — смущенно пробормотал Дан.

— Тебе виднее, конечно... Кому ты ее отдал?

— Анке. — И добавил твердо: — У нее верная рука, я перебрался с ней парой мячей.

— Она сегодня в новом платье...

— И ты заметил?

— А что ж ты думаешь, я ничего вокруг себя не вижу?

— Да нет, я не то хотел сказать, я... знаешь... я устраиваю бега...

— Ого!

— Да, мышинные бега.

Габриэль опешил:

— Как — мышинные?

- Так. Вот и Тудорел мне помогает...
- То-то вы всё в последнее время с ним шушукаетесь...— покачал головой Габриэль.— Ты не в своем уме!
- Если б ты видел этих зверушек — они такие уморительные, когда бегут,— ты бы так не говорил!.. Я назначил один лей за вход, билеты будем продавать за три дня...
- Как я понимаю, Тудорел у вас на главных ролях?
- Первая скрипка...
- Анка Красная Шапочка — на виолончели, а ты...
- Анка вообще не в курсе,— насупился Дан. .
- Ну, все равно, ты — дирижер с волшебной палочкой. А вырученные средства пойдут, конечно, в фонд торговли, в кафетерий «Медовое царство»...
- В фонд бродячих собак...— желчно возразил Дан.
- Как трогательно! Ах, непрошенная слеза...
- Спрячь ее в платочек, может, еще пригодится...
- «Честное слово, сколько можно терпеть! — с раздражением думал Дан.— С какой стати он цепляется к каждому слову?.. Эх, не надо было трепаться! Сделал бы сначала, а потом уже...»
- И где же ваши бега будут проходить? — насмешливо поинтересовался Габриэль.

18

Часа через три в кирпичных лучах заходящего солнца у полуразрушенного здания, доживающего свои последние деньки, появился Габриэль со свертком, упакованным в газету. Глядя под ноги, он прошел по доскам — тут готовилось строительство нового квартала,— остановился у двери, подгнившей от дождей и снега, и постучал четыре раза. Открыл курносый мальчуган с белобрысым чубом.

- Пароль!
- Микки-Маус!
- Входи!

Габриэль скользнул в дверь, прижимая к груди сверток. С десяток ребят, среди которых он узнал нескольких четвероклашек, а также Йоргу, отличника из своего класса, стояли в очереди к Тудорелу; он сидел за столом и, надувшись от важности, никого не узнавал. Когда к нему подошел Йоргу, Тудорел пробурчал, не моргнув глазом:

— Ты, кажется, новичок? Что-то я тебя не узнаю!

— Да, я первый раз,— робко ответил Йоргу.

— Билет стоит один лей.

— Какой билет?

— За вход!

— Но я участник...

— А, тогда проходи.

Йоргу, с облегчением вздохнув, прошел в другую комнату.

С Габриэлем Тудорел, увлеченный ролью, повел себя так, как будто они вовсе не были приятелями, но скидку все же сделал:

— Пол-лея за билет!

— Но я тоже участник...

— Проверим! — Тудорел сделал ему знак распаковать сверток.

Габриэль в расчете на эффект начал медленно разворачивать газеты, и, когда последний газетный лист полетел в сторону, все увидели клетку с крупной морской свинкой, белой, в коричневых яблоках.

— Это еще что такое? — вытарашил глаза Тудорел.

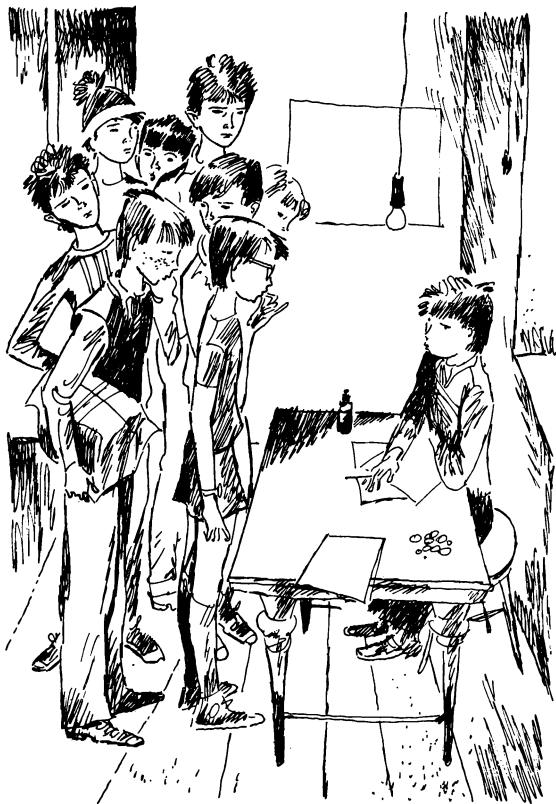
— Как — что? Сам не видишь?

— А зачем ты ее выкрасил?.. Не знаю, не знаю... Надо показать шефу...

— Пожалуйста...

Свинку с грехом пополам записали на состязание крыс.

В бывшей гостиной на двух пятиметровых беговых дорожках в проволочном вольере бегали крысы: участники конкурса подкалывали их острыми палочками. Но Габриэлева морская свинка, когда очередь дошла до нее, не пожелала сдвинуться с

места, как он ее ни понукал. Она разошлась только во втором забеге и даже вышла на первое место. Однако по общей просьбе зрителей ее дисквалифицировали как самозванку, проникшую в ряды крыс.

На другой день на уроке географии Габриэль — конечно, в шутку — принялся укорять Дана за несправедливость.

— Прошу прекратить мышиную возню,— обратился к ним учитель Думитреску.— Вы не на бегах.

Мальчики, зардевшись, вскочили. Пришлось перейти на записки:

Г. Намек понял?

Д. Конечно: только Йоргу мог наябедничать...

Г. Нет, он на такое не способен!

Д. Не понимаю. Отчего?

Г. Потому что Йоргу — вылитая библиотечная крыса... Он не мог бы предать собратьев...

19

Тудорелу нравилось вырезать из дерева всякие головы и фигурки, одна другой занятнее. Ребята хвалили его поделки; Таке Гни-Дерева во всеуслышание превозносил его талант и воображение. Даже Дан, который обычно был скуп на похвалы, однажды заявил Тудорелу серьезно и убежденно:

— Тудорел, ты настоящий художник!

— Да что ты! Я так, для забавы...

— Однако ж ты забавляешься с умом, не то что Таке.

Но Тудорел с ним не согласился:

— Ошибаешься! У Таке особый талант. Он не рукой творит, он ищет, что сотворила природа. У него с ней общий язык. Это не каждому дано.

— Ты говоришь как по писаному,—фыркнул Дан.

— Ну, и что же? Так нам преподаватель говорил на кружке.

— У тебя хорошая память...

Но иногда Тудорелу и доставалось от Дана. Однажды, когда он принес в школу деревянного коня с крылышками, Дан строго сказал:

— Ты зачем взялся копировать классиков?

— Классиков? — удивился Тудорел. — Не понимаю.

— Так ведь это же у тебя Пегас, крылатый конь поэтов.

— Я не знал.

— Не может быть!

— Нет, может! — надулся Тудорел, сразу став похожим на капризного малыша, и спрятал в портфель смешную клячу с воробьиными крылышками.

Дан пожалел о своей суровости и тут же преподнес Тудорелу перочинный ножичек. Этот ножичек подарил ему сегодня утром дед Антон, продавец в скобяном магазине. Идя в школу, Дан всякий раз останавливался поздороваться со старым продавцом и поглазеть на витрину. И вот сегодня дед Антон расщедрился. Тудорел весь урок вырезал на крышке парты национальный орнамент. Нельзя сказать, чтобы он остался доволен собой, но все же на переменке подскочил к Дану и за руку потащил его смотреть на свое произведение.

— Какая гадость! — удивился Дан.

— Вот и я так говорю, — поддержал его Митруш, сосед Тудорела по парте. — Но разве он слушает кого-нибудь?

— Да, я тоже заметил: что-то он стал нос задирать, с тех пор как попал в директора крысодрома...

— Что мне ваши крысы? Меня дух соревнования интересует! — петушился Тудорел.

— А это ты от кого слышал?

— Грамотные, читаем!

— Читаешь, только вверх ногами. Я вижу, тобой надо заняться серьезно — дальше так дело не пойдет! — И, отозвав Тудорела в сторонку, добавил: — Тем более, я подумывал учредить клуб детективов...

— Значит, будем читать детективы!

— Тебе пока еще надо читать пионерский устав, чтобы ты

знал, как беречь общественное имущество! — Дан ткнул пальцем в изрезанную парту.

Тудорел взглянул на него с досадой:

— Знаешь что? Брось читать мораль, это тебе не идет. И вообще крысодром — твоя идея, и нож, которым я изрезал парту, тоже ты мне дал. Что, съел?

— Скушай сам.— Дан повернулся к нему спиной и вышел из класса.

Только под конец занятий Тудорел понял, что его старший товарищ в самом деле обиделся. Он прождал целый лишний урок, чтобы вместе с Даном пойти домой, но Дан, завидя его, отвернулся и ускорил шаг.

— Слушай, это несерьезно! — затараторил Тудорел.— Ссориться из-за того, что я чуть-чуть попортил парту!

Дан не оборачивался. Тудорел забежал сбоку, но тот не удостоил его взглядом. Тогда Тудорел обогнул его и пошел впереди. Вот и скобяной магазинчик на углу: Тудорел, слыша за собой шаги Дана, думал: «Он тоже жалеет, что мы поссорились. Будь у меня нож с острым концом, как на витрине, я бы вырезал на крышке парты такую красотищу, что мы бы не поругались».

Ножи за стеклом заманчиво сверкали, и Тудорел уже мысленно держал их в руках, вырезая фигурки из липы, из дуба, из тиса. Ему безотчетно захотелось одобрения — ласкового взгляда продавца, деда Антона, который всегда радушно смотрел на него из окна магазина. Но, подняв голову, Тудорел встретился с колючими глазами, следившими за ним с беспокойством. «Это еще что за явление? — подумал Тудорел.— И чего он на меня уставился? Да так злобно! Что я, не имею права разглядывать витрину! Эх, то ли дело дед Антон! Тот умеет посмотреть на человека! У нас в классе все без исключения у него покупают: кто ножичек, кто лобзик, кто отвертку.. Да, но где же дед Антон? Гм! И во втором часу магазин обычно бывает закрыт на обед... А этот тип что там потерял? Да еще уставился на меня, как на зверя!» И Тудорел невольно

припомнил фильм, который он видел по телевизору: там вор проник в магазин незадолго до закрытия, спокойноенько дождался, пока все уйдут, а потом вволю похозяйничал. «А что, если и этот тоже...»

— Слушай, Дан,— подскочил Тудорел к приятелю.

Тот стоял чуть поодаль, у другой витрины, и искоса поглядывал на Тудорела.

— Чего тебе? — резко откликнулся Дан, полагая, что настал момент объяснения.

— Что делается, Дан! Неслыханное, невиданное и небывалое! — выпалил Тудорел.

— Нет, такого я от тебя не ожидал,— не слушал его Дан.— Тоже мне детективы, сами-то мы, как относимся к народному добру?

Тудорел вертелся как на иголках:

— Ох ты горе-детектив! Закатываешь мне эту идиотскую лекцию как раз тогда, когда я хочу защитить народное добро...

— Что? — рассвирепел Дан.— Ты еще будешь надо мной насмехаться! Больше ко мне не подходи, 1-35-79!

Но Тудорел набросился на него чуть ли не с криком:

— Слушай! В скобяном магазине — подозрительный субъект! Полвторого, обед, а он почему-то оказался внутри...

Дан невольно улыбнулся:

— В герои тебе захотелось?

— Нет, честное слово!.. Ты меня знаешь...

— Так мне казалось, а теперь сомневаюсь...

— Нет, ты посмотри на замок!

— Замок как замок...

— Ничего подобного! Ты что, не видишь — он для проформы повешен...

Под столь стремительным натиском Дан стал сдавать позиции:

— Так ты говоришь, деда **Антоня** там нет?

— Поди сам убедись!

Будущий руководитель клуба детективов взглянул на Тудорела с презрением:

— Растяпа! Элементарных вещей не знаешь. Хочешь привлечь внимание преступника?

— А как же быть? — в отчаянии спросил Тудорел.

— Надо подумать,— медленно произнес Дан.

Через три секунды Тудорел нетерпеливо топнул ногой:

— Долго ты еще будешь думать?

— Кажется, уже придумал.

— Ура! Я всегда в тебя верил! Значит, так. Мы входим в магазин, угрожаем ему револьвером...

— Откуда револьвер?

— У меня есть тут один, с пистонами, в портфеле... Потом его арестовываем. Я отгадал? — с жаром спросил Тудорел.

— Нисколько,— невозмутимо ответил Дан.— Ты идешь на перекресток за милиционером, а я остаюсь здесь на страже.

Сначала милиционер не хотел идти:

— Как можно обокрасть магазин среди бела дня?

— Бывает, и банки обкрадывают,— возразил Тудорел.

— В Техасе...

— Даже и поближе...— убеждал Тудорел.— Можете спросить у моего товарища.

— Какого товарища?

— Того, что стережет вора.

— Значит, дело серьезное, раз вы так хорошо организованы...

— Тут еще не все наши... Открылся клуб детективов. Это наше первое дело...

— Ты что так плетешься? — издали крикнул Дан Тудорелу.

— Еле уговорил! В другой раз дашь мне удостоверение.

— Какое еще удостоверение?

— Нашего клуба,— серьезно пояснил Тудорел.

Дан пожал плечами и поспешил за милиционером. У магазина тот обернулся к ребятам и приказал:

— Вы остаетесь на месте. Я иду один.

Напрасно Тудорел пытался протестовать:

— Но это я его обнаружил!

— Стойте здесь, дети!

Через пару минут милиционер показался на пороге вместе с подозрительным типом из магазина:

— Позвольте, ребята, представить вам нового завмага товарища Григоре...

— А? — только и мог пискнуть Тудорел.

Дан опустил глаза, он был готов сквозь землю провалиться.

— Если б вы видели, товарищ милиционер, как он на меня смотрел, — стал оправдываться Тудорел, кивая на нового заведующего, — вы бы меня поняли. Как на злейшего врага!

Заведующий покачал головой:

— У тебя так горели глаза, когда ты смотрел на ножички... Я подумал: чего доброго, он сейчас разобьет витрину...

— Из-за ножа? — изумленно спросил Тудорел и локтем подтолкнул друга, который не знал, куда деваться от стыда. — Смотри, Дан, — он вытащил из кармана ножичек, изящный, с костяной ручкой, — мне его вчера привез дядя из Брашова, бери, дарю!

20

Вечером Дан снова набрал знакомый номер. Занято. А как ему хотелось узнать мнение телефонного друга о клубе детективов! Однако порыв угас так же быстро, как вспыхнул. Тем более, что брат Павел пришел домой с каким-то свертком и сунул его Дану:

— Ты мне обошелся в сто двадцать один лей и пятьдесят бани.

— Я? Это что, штраф? — спросил Дан, наскоро перебирая в памяти свои провинности за последнее время: улицу перебежал не по переходу — так никто не засек; цветы нарвал с

клумбы, но с разрешения воображаемого сторожа: «Знаете, это для гербария»; по форме сверток не напоминал и вольтметр, у которого Дан нечаянно раскокал корпус; к тому же учитель физики обещал его сам починить.

И все же для полной уверенности Дан спросил еще раз:

— Неужели штраф?

— Штраф за век электроники,— объявил Павел.

— Грандиозно, только ничего не понять.

— Был разговор про два аппарата или нет?

— Ура! Ты их сделал! — подскочил Дан от радости.

— Ничего подобного. Сделаешь сам...

— Дьявольщина!

— Что за выражения!

— «Шестипалая рука», глава три, страница семьдесят девять...

— Bravo! Вижу, ты всерьез взялся за учебу,— съязвил брат.— Когда же ты сдашь кандидатский экзамен на живо-
дера?

— Чего-чего?

А ничего, наставил по всем углам мышеловок и еще спрашивает! Чуть Лили не покалечил. Она сегодня утром в темноте на одну наступила. Отец сказал сегодня утром, что надерет тебе уши...

Дан возмутился:

— Я-то тут причем, если она себе под ноги не смотрит? Да я у вас всех мышей переловил, целых шесть штук, и одну крысу! Сколько времени убил, пока смастерил мышеловки! Я, что ли, виноват, что дом старый? Вот переедем в новый...

— Ну, это еще когда будет... А пока брось мышей, займись лучше аппаратами приема-передачи.

— Как это — займись?

— А так. Я купил тебе транзисторы, диоды, сопротивления...

— Я, что ли, электронщик в доме?

— Ничего не знаю. Выжручивайся сам.

— Да, это тебя вполне устраивает. Я сделаю, а ты: «Мамочка, кофе с молоком готов?»

— Твоя идея, ничего не делаешь!

— Хотя схему мне дай...

— Эдисону никто не давал никаких схем.

— Ты что, хочешь, чтобы я снова велосипед изобретал? И пожалуйста, избавь меня от нотаций. Как сговорились все: учат и учат меня жить! Можно подумать, что сами умеете... Даже и этот... по телефону...

— Который?

— Да голос один, тень...

— Не понимаю.

— А я понимаю? Ну ладно, это уже другой разговор... Так сделаешь схему?

— Сам сделаешь!

— О господи! По крайней мере, ты все купил, что нужно?

Брат рассмеялся:

— Ну, вот и молодчина. Одной детали не хватает...

— Что, не по карману пришлось?

— Наоборот, она очень дешевая...

— М-да... снова мораль,— раздраженно пробормотал Дан и прибавил колко: — Когда это ты успел заделаться великим педагогом? Ведь я точно знаю, что по истории ты из четверок не вылезал.

— Один раз даже до переекзаменовки дело дошло...

— Думаешь, я забыл? Я даже помню победные вопли...

— Это когда отец меня дубасил ремнем?

— Вот была история!..

— Да, влетело мне тогда.

— По «холмам детства»...

— Это уже из области географии. Кстати, как у тебя с ней дела?

Дан посерьезнел:

— Отец что-нибудь проведаль?

— Ты что ж думаешь, он не знает?

— Как, всё?

— И больше того,— заверил его Павел.

— Значит, и дело с крысодромом... Пора заняться йогой — ты знаешь, «страданием укрепляй дух»!

— По-моему, на этот раз можешь отложить тренировку; только смотри не заводи с отцом разговор о крысах: он забил гвоздями дверь в тот дом...

Дан присвистнул:

— Первоклассная работа! А мы-то с Габриэлем бились-бились над дверью... Остается попробовать в окно...

— Еще не бросили свою затею, выходит?

Но из Дана больше ничего не удалось вытянуть. Теперь он считал болтовню своим врагом номер один. И соблюдение тайны поставил первым пунктом в уставе клуба детективов. Может быть, только с одним человеком он мог обсуждать что угодно. Без всяких церемоний. Интересно, почему? Впервые Дан задал вопрос самому себе. До сих пор он спрашивал взрослых. И вот сейчас «почему» прозвучало в нем, как в огромном пустом зале, и разбилось у купола на тысячу осколков — постепенно замирающее эхо вопросов, которые накопились в нем за долгие годы. Когда-нибудь его перестанет мучить это дурацкое «почему», придется самому отвечать почемучкам, но до тех пор...

«Почему все-таки только с этим телефонным голосом я могу говорить на равных? Почему не с ребятами? Чего я трушу? Может, у меня такие черные мысли, что стыдно смотреть людям в глаза?.. Нет, ерунда на постном масле. Вот возьму сейчас и позвоню, скажем, Анке. Да, так и сделаю. Сколько уже я с ней не говорил по телефону? Несколько недель, наверное. А почему, спрашивается? Позвоню, и все тут!»

Он лихорадочно набрал номер Анки, но, когда услышал: «Алло! Кто говорит? Почему ты не отвечаешь?», бросил трубку на рычаг, будто обжегшись.

«Одно слово — кретин!» — и вздрогнул, когда вдруг пронзительно затрезвонил его собственный телефон.

- Да?
- Алло, это Анка. Э-э, слушай, это ты сейчас звонил?
- Я? — с раздражением переспросил он. — Чего это я буду звонить?
- Так. Набрал номер, а потом бросил трубку...
- Хорошенькое дельце! Что я тебе, Тудорел — баловаться с телефоном?
- Он тоже звонил, но он-то со мной поговорил. Попросил один кулинарный рецепт...
- Какой-какой рецепт?
- Кулинарный! — нервно повторила Анка. — Что, незнакомое слово?
- У него мама захворала?
- Нет, просто он хочет угостить как следует щенка.
- Кого-кого?
- Щенка! — прямо в ухо крикнула ему Анка. — То молчал в трубку, как немой, а теперь к тому же еще и оглох.
- А вы... с ума вы все, видно, походили. Тебе звонки мерещатся. А этот молокосос со своим щенком... Всяких шавок с улицы тащит в дом! А то самую чесоточную в городе кошку приволок ночевать на крысодром!
- А меня ты туда никогда не приглашал...
- Все бланки с приглашением вышли! — отрезал Дан.
- Ну и пожалуйста! — Анка нажала на рычаг.
- Дан кипел от досады. Он стоял с трубкой в руках, глядя на нее, как на живое существо, и спрашивал в отчаянии: «Почему?»

21

- Я вам звоню, чтобы спросить: «Почему?»
- Что — почему?
- Почему я все время и себе и другим задаю этот вопрос?
- Потому что ты все еще ребенок!
- Тоже мне нашли ребенка!

— А кто же ты?
— Вот и я спрашиваю — кто?
— Когда я первый раз задал самому себе этот вопрос, времени отвечать уже не было...

— Почему?
— Опять?
— Черт, никак оно от меня не отвяжется! Извините.
— Да нет, можешь ко мне приставать с любыми вопросами. Детям так положено. И потом, мне иногда кажется, что мы с тобой ровесники. Наверное, потому, что я с тобой заново переживаю все, чего у меня не было в твои годы...

— А что было?
— Революция!
— С баррикадами?
— И такое бывало.
— Баррикады из чего строят?
— Перегораживают улицу телегами и всякой рухлядью, что под руку попадет.

— А если ударят из пушки, баррикада рухнет и люди погибнут?

— Чтобы другие жили счастливо...
— И не страшно вам было?
— Еще как страшно. Я за одну ночь стал взрослым.
— Это в четырнадцать-то лет?
— А что ты удивляешься? Мало ли «неизвестных героев» — мальчишек?

— И вы — из них?
— Нет, я в живых остался, как видишь. А вот ты когда-нибудь спрашивал своего приятеля о его дедушке, полковнике Кристя?

— Его спросишь, как же... Он сразу туча тучей — и ни гугу, будто не слышит. А что, дедушка Габриэля был герой?

— Вдвойне.

— Как это?

— А вот как. Давно, когда была война, он ничего не боял-

ся — лез в огонь и в воду. И в мирное время тоже отыскал опасность. И пропал без вести...

— Без вести? Но Габриэль что-то знает!

— Что именно?

— Не знаю. Он один раз проговорился про какое-то письмо...

— Да, да... Это значит, полковник все-таки подал о себе весточку...

— Вы думаете?

— Наверное, он написал любимому внуку...

— Но Габриэль никому письма не показывает. Даже лучшему другу!

— Даже отцу...

— Эгоист!

— Большое горе немо...

— Горе? Значит, Габриэль думает, что...

— Пока надеется — нет!

— Жить одной надеждой?

— «Как на орлиных крыльях, несет тебя надежда...» — сказал один поэт.

— А растает надежда?

— Тогда уже у тебя самого вырастут крылья, и ты полетишь...

— А если устанешь?

— Когда летишь вперед?.. Ну, да ладно, занесло нас в серьезные материи, детям там нечего делать... Как у тебя в школе?

— Переэкзаменовка по географии...

— Вот это действительно серьезно!

22

Клуб детективов наконец открылся. В него записались четверо: Дан, Габриэль, Тудорел и, как ни странно, Таке Гни-Деревья. С Таке была целая история.

В один прекрасный день, попав в компанию четвероклашек, он совершенно случайно узнал, что Тудорел завел себе щенка — немецкую овчарку. Известие косвенным образом подтвердила и Анка: она спрашивала у каждого встречного-поперечного поваренную книгу для собак. «Неспроста,— решил Таке,— тут, ясное дело, тоже замешан щенок Тудорела: небось он хочет его выдрессировать по всем правилам искусства». Придя к такому заключению, Таке на переменке пулей ворвался в четвертый «Б» и — прямиком к Тудорелу.

— Что, в детективы записался? — ляпнул Таке, не подозревая, как он близок к истине.

Тудорел окаменел: кто из двух друзей, Дан или Габриэль, нарушил главный обет — молчание?

— Куда-куда?

— Брось, думаешь, я не знаю? От меня не укроешься, я все выведал.

— Так-таки и все? Ну, скажи, например, где у нас штаб.

Вопрос о штабе решили только сегодня утром, и Таке не мог ничего пронюхать.

— У тебя дома,— молниеносно выпалил Таке, сообразив, что щенку быть больше нигде.

Удар попал точно в цель: троица детективов на самом деле постановила отвести под резиденцию клуба чердак Тудорела, где его отец, когда был жив, устроил себе мастерскую. Таке, видя, что не промахнулся и что Тудорелу трудно дальше отпираться, поднажал:

— Видал — мне все известно!

— М-да! От кого же ты узнал — от Дана или от Габриэля?

— От Анки...

— Как, она тоже в курсе?

— Само собой! Да она-то больше всех и суетится, болтает направо-налево...

— О нашем секретном клубе? — вырвалось у Тудорела.

— О клубе? — дернулся Таке. — Как! Открыли клуб дрессировки — и мне ни слова? — возмутился он. — А вы знаете,

кто самый главный спец по дрессировке овчарок, почтовых голубей, говорящих ворон и вообще всякой живности?

— Н-нет...

— Ваш покорный слуга. Запомни. Вы меня должны избрать почетным президентом, иначе провалитесь... Кстати, смотри не корми свою моську...

— Я тебе дам «моську»!

— Ну-ну... Смотри не корми ее мясом. Глисты заведутся.

— Ленточные?

— Хватит с тебя и обыкновенных.

С тех пор как милиционер, который поднял ребят насмех у скобяного магазина, подарил Тудорелу месячного щенка овчарки, мальчику не стало покоя: он купил самый лучший ошейник, пожертвовал своему питомцу подушку, на которой спал еще малышом, а по утрам вскакивал в шесть часов и бежал за молоком и свежим творогом, потому что прослышал, будто в твороге много кальция и он способствует укреплению костей. Тудорелу хотелось, чтобы его пес вырос самым сильным, самым быстрым и самым красивым в мире. Ни о чем другом Тудорел думать был уже не способен, и, когда Дан принял его в клуб детективов, он не успокоился, пока не нашел и для щенка роль в грандиозном замысле Дана.

— Во-первых,— рассуждал Дан,— мы будем базироваться на новейших достижениях техники. Нам понадобятся детекторы звука, лупы, электронные средства связи, чтобы мгновенно сообщать ситуацию...

Габриэль добавил от себя: электромагнитный аппарат для определения металлов, осциллограф для измерения интенсивности тепловых лучей и велосипед с мотором в качестве транспортного средства. С таким оборудованием клуб детективов, несомненно, зашагает в ногу с веком.

Тудорел, прислушиваясь к планам двух старших друзей, с огорчением думал о том, как ему далеко до их знаний. Разве

он сможет управляться с такими замечательными аппаратами, требующими специальной подготовки, когда по физике еле-еле натягивает на шестерку и никак не возьмет в толк, почему большой шарик проходит в кольцо меньшего диаметра, если последнее нагреть.

И все же, день и ночь ломая себе голову, он тоже родил интересную идею:

— Нам нужен НОС — аппарат для различения запахов!

Дан и Габриэль отнеслись к предложению со всей серьезностью.

— Ты прав,— сказал Габриэль.— Всё мы продумали, кроме запахов...

— Сколько я понимаю, нам нужен химико-электронный анализатор, а я не знаю, как мы его построим при наших возможностях...— заметил Дан.

— Да, да,— согласился Габриэль.— Другие приборы ерунда по сравнению с НОСом. Ай да Тудорел! Вот так фантазия! Поздравляю!

— Браво! — похлопал его по плечу Дан.

Тудорел растаял:

— Да что там...

— Подростем — построим,— заключил Дан.

— А до тех пор возьмемся за другие,— бодро подхватил Габриэль.

— Как, ну разве все-таки нельзя попробовать...— робко вякнул Тудорел.

Друзья взглянули на него строго.

— Сказано — нельзя, значит, нельзя,— отрезал Дан.

— Непонятливый какой! — прикрикнул Габриэль.

— А я все-таки вам кое-что предложу! — Глазенки Тудорела загорелись.

Дан покачал головой:

— Смотри, какой прыткий!

— Напрасно мы его хвалили.

— Он нам хочет просто нос утереть, вот что!

— Я про нос и хочу сказать,— торжественно заявил Тудорел.— Вместо электронного нам послужит нос Бребенела¹...

Прятели уставились на него:

— Бребенел? — переспросил Дан.

— Бребенел, насколько мне известно,— это цветок,— недоумевал Габриэль.

— Бребенелом зовут моего щенка,— расхохотался Тудорел.

Но сегодня, когда Таке здорово припер его к стенке, Тудорел, осознавая, какого дал маху, чуть не заплакал. Со всех ног кинулся он к Дану и во всем ему признался. Дан смерил его суровым взглядом и велел вернуться в класс.

— Посоветуюсь с Габриэлем, посмотрим, как можно поправить дело...

— Если Таке начнет болтать, беда! — захныкал Тудорел.

— Раньше надо было об этом думать, болтушка! — прикрикнул на него Дан.— Иди!

Только Тудорел ушел, как появился Таке и начал, с кривой улыбочкой:

— Я слышал, ты с мышами покончил, на собак перекинулся...

Дан пристально поглядел на него, но промолчал. Точно неизвестно, что Таке знает, надо выиграть время.

— Ага, молчишь! Думаешь, я по вашим шушуканьям не догадался, что вы замышляете? Ошибаетесь, мои цыпочки! Я, правда, еще не все детали выяснил, но теперь-то уж от вас не отстану, вам от меня ничего скрыть не удастся!

— Ты еще по звездам почитай! — усмехнулся Дан.

— Да чего там по звездам. Стоит на ваши рожи посмотреть — и все станет ясно.

— Ну ты даешь!

¹ Бребенел — так по-румынски называется цветок хохлатка.

— Напрасно смеешься! Если б ты видел, какая у тебя сейчас физиономия...

— Ты это брось, какая там еще физиономия?

— А вот какая! — И Таке набросал на листке бумаги несколько штрихов.

Дан взглянул и обмер: с листка смотрело его лицо, настоящее и ироничное, своевольное и чуточку смешное. Он знал, что Таке — мастер отыскивать сучки и коряги, похожие на разных зверушек и птиц, он допускал в нем способности или даже талант подправлять и дополнять природу, но вот так, несколькими линиями, схватить сходство — потрясающе!

— Тебе надо идти в художники, — серьезно сказал ему Дан.

— Да что там, это ерунда! — воскликнул Таке, разрывая листок. — Я буду дрессировать собак... Так ты мне скажешь на-
конец?

— Что?

— Про ваш клуб.

— Какой такой клуб?

— Ну, этот... у которого штаб в доме у Тудорела...

— И что тебя так заело?

— Хочу знать, стоит мне в него вступать?

— Не стоит, не беспокойся.

К ним подошел Габриэль:

— О чем речь?

— Таке взбрело в голову вступить в какой-то там клуб, блох дрессировать, что ли...

— Ну, много он не надрессирует...

— Вот именно, — согласился Дан. — То он скульптор, то фотограф... Теперь метит в дрессировщики, а у самого талант к рисованию...

— Да? Не знал...

— Он меня изобразил в два счета.

— Не может быть! — Габриэль нарочно подзадоривал Таке.

А тот словно только этого и ждал, и его карандаш с легко-

стью набросал на листке мордочку Габриэля: упрямый подбородок и грусть в глазах.

— Неплохо! — одобрил Габриэль, внимательно рассмотрев набросок.

— А если неплохо, что же вы, черти, тянете? Экзамен устроили! — занервничал Таке. — Не затем я к вам в клуб хочу, чтобы малевать всякую дребедень, а чтобы помочь вам выдрессировать овчарку. А то у меня еще идея есть: можем свое почтовое агентство открыть — голубиное! Что скажете?

— Насчет чего? — Дан сделал вид, что пропустил его речь мимо ушей. — Как ты думаешь, — обратился он к Габриэлю, — Таке может по памяти сделать портрет этого типа из скобяного магазина?

— Слабó ему! — подмигнул Габриэль.

— Что-о? — разъярился Таке. — Смотрите! — И в мгновение ока из карандашных линий возник завмаг.

— А это что за пятно? — спросил Габриэль.

— Так я и знал, что вы не заметите, — торжествовал Таке. — У него бородавка под левым ухом.

— Да-да, — подтвердил Дан.

— Вот кто Зоркий Глаз. Ай да Таке! — Габриэль пожал ему руку. — Надо еще с Тудорелом поговорить, и тогда...

— Не обязательно, он его как раз и привел на мою голову! Таке вспылил:

— То есть как это — на твою голову? Очень мне нужен ваш клуб! Обойдусь!

— Зато теперь мы — я хочу сказать, клуб детективов — не обойдемся без тебя, — торжественно, словно приговор, произнес Дан.

23

Бребенел оказался на редкость одаренным щенком.

— Эх, что за псина! Фэт-Фрумос, одно слово, — убежденно сказал Таке однажды.

— Да, хорош,— с гордостью подтвердил Тудорел.

— Я не то имел в виду,— возразил новый член клуба: — на что другим щенкам нужен месяц, у Бребенела уходит день...

— Зачислим его сразу в пятый класс! — засмеялся Габриэль.

Бребенел и в самом деле под руководством Таке развивался поразительно быстро. Тудорел раньше баловал щенка и раскормил его. Зато в руках у Таке щенок стал стройным, поджарым, что, по ученым объяснениям его дрессировщика, означало: эластичная шкура, мускулы, сила.

— Может, лучше дать Бребенелу порезвиться еще немножко, он ведь совсем еще маленький,— попросил жалостливый Тудорел.

Но Таке категорически возразил:

— Пусть учится играя!

— Это известный педагогический метод,— поддерживал его Дан.— Я как раз о нем вычитал в журнале неделю назад и хотел вручить статью Нине.

— А почему Нине? — заинтересовался Габриэль.

— А ты что, не видишь — она никакой работы не проводит с отрядом!

— По-моему, она готовит нам сюрприз,— вступился за Нину Таке.

— Какой еще сюрприз?

— Откуда я знаю, я только слышал, как они секретничали с Йоргу.

Дан махнул рукой:

— Тоже мне нашла советчика-эрудита! Теперь ясно, что получится! Попросите только этого Йоргу определить различие между *campanulla sibirica* и *campanulla abietina*¹: он вам тут же отбарабанит: число тычинок, лепестков и чашелистиков. Куда там, в цветочках за ним не угонишься. Шапки долой! Но в остальном...

¹ Латинские названия разновидностей колокольчика.

Габриэль задумчиво спросил:

— Он правда так силен в ботанике?

— Вот я вам сейчас расскажу одну штуку.— Таке зачем-то понизил голос, хотя в комнате, кроме них, никого не было:— Раз на экскурсии он заткнул за пояс самого учителя естествознания. Он ему подсунул такую траву, что тот, как ни бился, не смог ее угадать. Я думаю, у него есть определитель редких растений и он по ночам знай себе зубрит...

— Ну, ты уж слишком,— засомневался Габриэль.

— Ни капли не слишком! — вскинулся Таке.— У него сила воли железная, не сойти мне с этого места! Ты знаешь, что он выучил наизусть четверть телефонной книги?

— Да ты что? — изумился Габриэль.— Смеешься. Как можно выучить телефонную книгу?

— Очень просто: Абурел: 1-28-56. Акатинкэй: 1-57-34. Адамаке: 1-86-45...

— Я как-то пробовал ее читать и заснул на третьей странице,— вспомнил Дан, потом прибавил задумчиво: — То, что он знает телефонную книгу на четверть, сомневаюсь. Но вот что он взялся выучить наизусть латинский словарь, в этом я вас уверяю!

— Байки! — хмыкнул Габриэль.

— Да ты знаешь, как у него идет язык? — вскипел Дан.

— Да, да! Способный как черт,— с жаром подтвердил Таке.— Я его привел однажды к себе домой показать ворону — я ее научил повторять два-три слова,— и знаете, что он соизволил сказать после моей маленькой лингвистической демонстрации?

— Что?

— Вылупился, как баран на новые ворота, и проблеял: «Ах, согvus согах согах»¹.

— А ты что?

— Я его выставил за дверь!

¹ Научное латинское обозначение ворона обыкновенного.

Ребята замолчали. Тудорел поглаживал по брюху Бребене-ла — тот улегся у него в ногах. Дан въедливо изучал детали транзистора, раздумывая, как бы их половчее собрать. Таке уставился в книгу под названием «Разгаданный и неразгаданный язык птиц», в которой не смыслил ни бельмеса. И только Габриэль смотрел в пустоту, вдруг погрузившись. Почему-то ему вспомнился дедушка, полковник Кристя. Последний раз они виделись на перроне крохотного, но очень опрятного вокзальчика с цветочными горшками на окошках. Они пришли задолго до отправления поезда.

«Ты взял бритвенный прибор, дедуля?» — напомнил Габриэль. Он почти каждое утро присутствовал при ритуале бритья.

«В левом кармашке рюкзака».

«А очки?»

«Ай-яй-яй! — Дедушка притворился обиженным. — Ты хочешь мне напомнить, что я старик...»

«Ну что ты, какой же ты старик, дедуля!»

«Ты хочешь сказать, что годы не оставляют на мне следов? Смотри: вот эта глубокая морщина на лбу — это 1938 год. Наш гарнизон стоял в маленьком порту на Дунае. Случилось наводнение, и мы с товарищами бросились спасать тонущих. У меня на глазах утонул ребенок... И я ничего не мог сделать — я плыл к берегу, у меня уже двое других были на руках... А вот эта морщина — 1944 год. Фашисты отступали. Мы шли по их следам через горы, и вдруг рядом со мной упал мой лучший друг. До сих пор ума не приложу, как это могло случиться. Один-единственный выстрел. Сколько я ни смотрел вокруг, — никого, безлюдье полное. Один выстрел. Откуда? Почему?... В 1948 году — национализация: вот эта складка между бровей...»

«Все равно ты у меня совсем молодой, дедуля!» — повис у него на шее Габриэль.

Пришел поезд.

«Ты мне будешь писать, да, дедушка?»

«Я, милый, никогда никому не пишу. Вот вернусь, тогда все расскажу тебе сам».

«Нет, нет, дедушка, я не могу так долго ждать! Ну пожалуйста, напиши мне!»

«Ладно, ладно, напишу».

«Каждый день пиши!»

«Ну, так и быть. Только писем никому не показывай!»

Но прислал он только одно письмо. В него был вложен белый цветок.

Габриэль вздрогнул.

— Что с тобой? — спросил Дан, который уже несколько минут внимательно наблюдал за другом.

— Слушайте, ребята, я должен показать один цветок Йоргу.

— Йоргу?

— Этому зануде?

Таке и Тудорел, как по команде, ополчились на Йоргу. Дан переждал, пока они успокоятся, потом сказал:

— Мне кажется, в данный момент вопрос в другом — о каком цветке речь.

Габриэль побагровел.

— У меня есть один... сухой цветок.

— Наверно, у тебя и еще что-то есть,— заглянул ему в глаза Дан.

— Что может быть еще? — отчаянно отпирался Габриэль.

— Ага! Секреты! А ведь между членами нашего клуба не должно быть секретов, мы поклялись! — наступал Дан.

— Да, да, клятва свята! — поддержали его Тудорел и Таке.

Габриэль, сопротивляясь, отворачивался:

— Но это мой старый секрет... Только мой. Я даже папе не говорил...

— Знаю! — вырвалось у Дана. Но тут же он пожалел об этом.

— Что ты знаешь?

— Вернее сказать, не знаю,— поправился Дан,— а подозреваю. Я давно заметил, что у тебя есть тайна, серьезная тайна... Но разве нам ты не можешь открыться, мы ж друзья тебе! Что мы, не заслужили?

— Но это моя личная тайна... Она к вам не имеет отношения...

— Ты так думаешь?

— Конечно. Я вас тогда еще не знал... Вообще, мне больно вспоминать...

— Но, может, мы тебе поможем? — сочувственно спросил Тудорел.

— Да, да,— присоединился к нему Таке.

— Нет, тут не поможешь... Спасибо, но тут ничем не поможешь... Ничем, понимаете?! Если б хоть знать наверняка... Но никто ничего не знает... Ничего... Ясно вам?

По щекам у него покатались крупные слезы. Габриэль заплакал навзрыд. Притихшие друзья обступили его молча. Дан прошептал, как бы про себя:

— А если все же полковник Кристя жив?

— Нет, нет... он бы мне написал! — выкрикнул Габриэль.— А ты откуда знаешь про дедушку? — взглянул он на Дана.

У того вспыхнули щеки. Не признаваться же в своей дружбе с 1-23-45? Глупо, и никто бы не поверил. «В сущности, это моя единственная тайна. Но раз о ней никто не подозревает, зачем лезть на рожон?»

— Наверно, ты что-то сказал про дедушку, когда пришел к нам в класс... Я даже не помню, когда я слышал,— смущенно забормотал Дан.

Но Габриэль был слишком взбудоражен, чтобы разбираться в тоне приятеля.

— Нет, нет, дедушки нет в живых! Но почему? Почему?!

Такого душераздирающего крика мальчишкам слышать не приходилось. В нем было и безысходное отчаяние, и вызов судьбе.

— Мы должны всё знать! — твердо сказал Дан.

— Должны, должны! — эхом отозвались Таке и Тудорел. Габриэль упрямо качал головой:

— Нечего знать. Дедушка прислал только цветок.

— Тот, что ты хочешь показать Йоргу?

— Да, потому что это странный цветок, я таких никогда не видел. Может, он его узнает... Но вот открытку...

— Еще и открытка? — удивился Тудорел.

— Открытку я никому не покажу... Это я обещал дедушке!

— Но он же сам... — начал было Дан, но вовремя остановился.

А Габриэль повторил с той беспощадностью к себе, какую может породить только жестокое горе:

— Да, дедушки нет в живых... Но я ему обещал...

Хоть ребята и не много вывели на сегодня у Габриэля, но первый шаг так или иначе был сделан. В тот же день после обеда они показали Йоргу цветок, и это дало толчок последующему ходу событий.

Габриэль получил конверт с цветком в один день с открыткой. Таке исследовал штамп на конверте и установил, что он прислан из района Харгит. А открытка, сказал Габриэль, помечена штампом на день раньше конверта. Каково же было удивление наших детективов, когда Йоргу, рассмотрев цветок, произнес свое весьма краткое заключение:

— Это *leontopodium alpinum* cass, то есть вид эдельвейса, который в нашей стране не растет.

— Но он мне прислан точно из Румынии, — возразил Габриэль.

— Исключено: *leontopodium alpinum* cass не растет на юге. Это я точно знаю. — И Йоргу вытащил ботанический атлас, в котором черным по белому был отмечен район распространения этого эдельвейса: действительно гораздо севернее.

— Нет! Неправда! Атлас врет! — крикнул Габриэль.

Йоргу взглянул на него сверху вниз:

— Научные книги пишутся на основе точных данных.

— Но в них иногда тоже вносятся поправки,— вступился за друга Дан.

— Климатические границы давно выверены со всей точностью,— непрерываемо изрек Йоргу.

— Да брось ты, Йоргу, даже телефонная книга, будь она тысячу раз точная, и та может устареть,— попробовал вразумить эрудита Таке.

Тудорел поддержал приятеля:

— Знаешь, например, какой номер у Акатинкэй Василе с улицы Веселой, дом 106?

— 1-57-34,— машинально ответил Йоргу.

— А вот и нет! — рассмеялся Тудорел.— Я проверял,— он подмигнул Таке,— и мне ответили, что у него номер изменился.

Йоргу не принял шутливого тона и заметил важно:

— Ну что ж, от подобных «случайностей» мы не гарантированы.

— А если этот цветок — тоже случайность? — серьезно спросил Дан.

— Ни за что нельзя поручиться,— поспешил оговориться Йоргу.— Надо все проверять...— И добавил мечтательно: — Знаете, что будет в таком случае? Удар по всем атласам: ботаникам придется пересмотреть географические границы этого редкостного цветка. Вероятно, не обойтись без сообщения в академии, потому что этот цветок в самом деле феномен.

— Может, поэтому дедушка мне его и прислал,— задумчиво произнес Габриэль,— хотел привлечь мое внимание.— И, обращаясь к трем детективам: — А может, и в открытке что-то тоже зашифровано?

Дана интересовала не столько открытка, сколько возможность вывести Габриэля из состояния апатии и мрачного упрямства — ведь раньше с ним о дедушке и заговаривать не стоило. А теперь первый шаг сделан, но надо знать больше, чтобы всем вместе разгадать эту тайну. А что в основе всего тут лежала тайна, причем такая, какие редко попадают в жизни, сомневаться не приходилось. К нашим детективам, так

сказать, благоволила судьба, хотя подобное выражение вряд ли уместно, когда у человека горе. Но, может, именно поэтому Дан чувствовал себя обязанным найти ключ к тайне. И когда они вернулись в клуб, он без промедления обратился к Габриэлю:

— Надо исследовать открытку!

— Но в ней всего пара строк, и я, конечно, знаю их на память.

— Ну-ну, давай,— сгорал от любопытства Таке.

— В них нет ничего такого, за что можно зацепиться, но если вы хотите...

— Спрашиваешь! — за всех ответил Таке.

— На открытке изображен горный пейзаж...

— Опять горы! — обронил Дан, которого мороз по коже пробирал при мысли о географии. — Какие горы?

— Вулканический массив Харгиты.

— А написано-то что? — торопил Таке.

— Да я же говорю, очень просто: «Взрывной привет из этих краев, полных воспоминаний!» Может, это были его последние слова! — снова расплакался Габриэль.

Друзья молча переждали этот приступ слез. Растравили только человеку душу, а в открытке и в самом деле никакой пищи для новых предположений. И сколько бы ни ломал себе голову Таке по поводу слова «взрывной», всё тут же признавалось неубедительным.

— Когда я посылаю открытку, я часто пишу: «Пламенный привет!» — вспомнил Дан.

— А я,— сказал Тудорел,— в прошлом году написал маме из лагеря на берегу моря: «Загорелый привет!»

Может, дело так бы и замялось само собой, если бы на другое утро Габриэль не столкнулся у входа в класс с поджидавшим его Йоргу:

— Готово, я все устроил!

— Что устроил? — в недоумении спросил Габриэль.

— Берем тебя тоже в экспедицию!

— Какую экспедицию?

— Ах да, ты еще не знаешь! Это Нинина идея: летом отправиться в экспедицию... Трудновато было, пока не нашли главную цель, но теперь все в порядке...

— В порядке?

— Да! Идем на розыски твоего цветка! — У Йоргу горели глаза. — Превосходная цель для экспедиции, скажешь, нет?

— Скажу, — нахмурился Габриэль.

— Брось, я уже поговорил с учителем Думитреску...

— Когда ж ты успел?

— Прямо вчера вечером! Ты что, думал, я это дело так и оставляю? — разошелся Йоргу. Габриэль никогда не видел его таким взволнованным. — С тех пор как я увидел это чудо, мне на месте не сидится, я как на иголках... Прямо сейчас бы пошел, жаль, что не каникулы.

— Ну и ступай себе на здоровье!

— Мы бы пошли, да не знаем, где ты нашел этот цветок. Вожатый сказал, что согласен быть руководителем экспедиции, только нужно все очень тщательно подготовить...

— Ну и готовьте, кто вам мешает?

Колкости Габриэля озадачили Йоргу:

— Надо так понимать, что ты не хочешь идти с нами в экспедицию?

— Чистая правда. И что ты ее откроешь, я не сомневался, зная твои способности, — съязвил Габриэль.

— Ты что же, не хочешь стать знаменитостью?

— У меня намерения гораздо скромнее, — вдруг погрузнев, сказал Габриэль.

— Но пойдут и Нина, и Релу, и Нику, и...

— Понятно: сливки класса!

— Вот-вот...

— Переэкзаменовщикам нечего там делать, а?

— Конечно, им придется подтянуться! Мы же не развлекаться едем: мы должны исследовать флору, фауну, геологические пласты, этнографию, фольклор...

— Стоп! Не дави меня своим интеллектом, все равно не убедишь...

— Отчего ты не хочешь, Габриэль? — вдруг жалобно спросил Йоргу.— Так было бы прекрасно...

— Вот потому и не хочу, что все у тебя слишком прекрасно, милый Йоргу...

24

— Давненько ты не звонил.

— А это хорошо или плохо?

— Смотря по обстоятельствам.

— По каким?

— Насколько я тебе был нужен...

— Но вы мне вовсе не нужны!

— Зачем же ты звонишь?

— Поговорить...

— Ну, говори!

— Не знаю, как начать. Трудно...

— Значит, я тебе нужен, чтоб тебе было легче?

— А может, чтоб еще тяжелее...

— Ты прав, ссююкать с тобой я не буду, чтобы после тебе не пришлось совсем тяжело...

— Надеюсь, вы не будете мне напоминать про географию, я остался на осень, и точка.

— Хуже, когда переэкзаменовку предлагает жизнь.

— Не понимаю!

— По географии нужно просто повторить материал, а в жизни... надеюсь, в жизни ты перешел в следующий класс?

— Кажется, да.

— А в какой? Или у этих классов нет номеров?

— А что у них есть?

— Там проходят разные предметы. Например, Счастье.

— С большой буквы?

— Только.

— А какие еще предметы надо пройти, чтоб тебя перевели в следующий класс?

— Разные. Смысл жизни, например...

— Тоже с большой буквы?

— Только смерть пишется с маленькой!

— Для Габриэля Смерть дедушки пишется с большой!

— Да, у его дедушки были идеалы... Однажды я слышал, как он говорил еще об одном важном предмете — о Море. Превосходно говорил!

— А нам Габриэль читал его открытку, там только одна фраза.

— Ну-ка, скажи!

— «Взрывной привет из этих краев, полных воспоминаний!» Это его последние слова.

— Вот это да!.. Как же я раньше их не знал! Тут все сказано! ВСЕ!

— А мы, клуб детективов то есть, бились-бились и, ничего не поняли...

— С лупой смотрели?

— Да!

— То-то и оно... А надо было посмотреть между строк. Тут лупа не поможет.

— Тудорел предлагал микроскоп взять в школе...

— Снова все упирается в школу — школу жизни.

— Плохо нас, значит, учили, раз мы ничего не поняли.

— Сами не плошайте. Смекалка-то ваша где? «Взрыв», о котором пишет полковник Кристя, был на самом деле «в краю его воспоминаний»... Ясно?

— Нет.

— Как тебя еще не выгнали из клуба детективов?

— Да я его сам основал!

— Тогда все понятно.

— Смеетесь надо мной!

— Чтобы не заплакать.

— Вы меня совсем в черном теле держите, честное слово!

— Пуховую подушку под головку мама тебе будет подкладывать.

— Но мне всего четырнадцать. Чего вы от меня хотите?

— В четырнадцать можно быть большим пианистом... Или большим поэтом...

— Йоргу у нас ботаник, пусть он все и распутывает...

— А ты? Ты ведь уже не маленький... Чем ты занят, кроме школьных «мероприятий»... и клубов?

— Смастерил два аппарата приема-передачи... Вы в моем возрасте такие штуки делали?

— Я?.. Но тогда и радио не было...

— Я конструирую электромагнитный аппарат для определения металлов... А вы?

— Ты конструируешь, а я уничтожал — эксплуатацию... Эх! Разные эпохи... Ну, прости меня, я думал, тебе бы только в игрушки играть...

— Знаете, вы один мне говорите, что я из детских игр вырос. И на том спасибо!

25

После долгих мучений Дан с Габриэлем смонтировали два аппарата приема-передачи. Сколько было неудачных вариантов, прежде чем они разобрались, что не хватает нескольких диодов — их специально недокупил брат Дана. «Тоже мне воспитатель нашелся! — разозлился Дан. — Хлебом не корми, дай только нас понянчить!» Но вот аппараты готовы, и, пользуясь тем, что мамы Тудорела нет дома, Габриэль с Таке обосновались на кухне.

— Как насчет хлеба с повидлом? — спрашивает Габриэль в микрофон, ласково поглядывая на аппетитную баночку на столе.

— Мы не прочь, — отвечает Дан с чердака. — Пришлите два ломтя.

— Как же мы вам пришлем? — удивляется Таке.

— Через эфир, конечно,— смеется Дан.

А Тудорел, обмирая от восторга, предлагает:

— А что, если изобрести такой аппарат?

— Какой именно? — не понимает Дан.

— Ну, вот такой: посылать еду сквозь пространство.

— Твердую или жидкую?

Главное, сладкую. И побольше. Пусть будет похожа на повидло. Чтобы сама ложилась на хлеб,— облизнувшись, поясняет Тудорел.

Габриэль, прислушивающийся к разговору на чердаке, вмешивается:

— Поторопитесь, чтобы Йоргу успел вам выдать патент, а то они скоро отправятся в дальние края.

— Да, я слышал,— уныло откликается Дан.

— Э, мне кажется, ты жалеешь, что не идешь с ними,— подозрительно замечает Габриэль.— Меня приглашали, я отказался,— добавляет он с гордостью.

— И напрасно,— издали журит его Дан.— Кому-кому, а тебе прямой смысл пойти.

Но Габриэль и слышать не хотел об экспедиции, а когда на него поднажали все вместе, уже собравшись на чердаке, он так обосновал свой отказ:

— Во-первых, всем известно, и Дану в первую очередь, какие «занимательные» всегда мероприятия у Нины.

— Да, но...

— Во-вторых, там заправила Йоргу, а один вид этого академика отбивает у меня всякую охоту к гербариям и тому подобному... И потом, Кулай тоже идет...

— Фью-у-у! — свистнул Таке.— Одни отличники! Вот тоска зеленая будет, как стихи у Раду. Голову даю на отсечение, что он тоже потащится.

— Ну а как же без него? Что ты! А всему голова — учитель Думитреску.

— Ишь, географы-землепроходцы! — усмехнулся Таке и, обернувшись к Дану, заметил: — Если б тебя взяли, с переэк-

заменкой все было бы в ажуре... Заразился бы географией от них...

— Лучше от тебя — и насморком, — мрачно сострил Дан.

— И то больше толку, — пробурчал Габриэль.

Тем не менее Дан не терял надежду отправить его в экспедицию.

— Я бы на твоём месте пошел, Габриэль. Если хочешь знать, Нина — хорошая хозяйка, она чудеса может делать. Она нам раз в походе такую мамалыгу состряпала — пальчики оближешь! С брынзой, с яичницей! А Йоргу тоже... Ходячая золотая фонотека: он Аргези¹ наизусть так и шпарит...

Габриэль пригляделся к другу:

— Я вижу, тебя так и тянет в их теплую компанию...

— Что говорить, меня же все равно не берут...

— А если бы взяли? — поставил вопрос ребром Габриэль.

— Без вас я бы не пошел, — твердо сказал Дан.

У Габриэля глазенки так и засверкали угольками-антрацитами:

— Решено, идем все вместе!

Тудорел даже подскочил:

— Как, и я тоже?

— Само собой!

— Бросьте! — попытался было унять их Дан. — Меня учитель Думитреску не возьмет, даже если я ему всего Гумбольдта² выучу.

— А ну как возьмет?

— Тогда я в придачу вызубрю учебник географии от корки до корки!

— Идет! — засмеялся Габриэль и, обняв Дана за плечи, чмокнул его в лоб. — Ты мне подал классную идею. Я буду не

¹ Тудор Аргези — современный румынский поэт.

² Александр Гумбольдт (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник.

я, если нас не возьмут всей компанией! Айда вниз, я позвоню Йоргу.

Кубарем скатились они вниз и сгрудились вокруг телефона. Начало разговора предвещало удачу:

— Алло, Йоргу? Это Габриэль...

— А, привет! Ну как? Весь в сомнениях?

— Да нет, я уже решил...

— Свое решение ты мне уже докладывал...

— Я решил идти с вами!

— Ура-а! — разразился воплем Йоргу, тут же, как наяву, увидев перед глазами официальную бумагу из академии, в которой выражалась благодарность Йоргу Василеску за вклад, внесенный в установление района распространения растения *leontopodium alpinum cass.*

— Я иду, но при одном условии...

— Согласен на любое! Если хочешь, ты тоже подпишешь сообщение...

— Какое сообщение?

— Да это я так... Говори условие!

— С нами в экспедицию пойдут Дан, Таке и Тудорел...

В трубке установилось тяжелое, гнетущее молчание. Но Габриэлю не терпелось узнать ответ:

— Так что, что ты скажешь?

— Это не условие...

— А что же это, по-твоему?

— Ультиматум... И, кажется, невыполнимый. Может, если бы учитель тоже увидел цветок...

— Мне ему показать ничего не стоит, только я сам с такими занудами, как вы, не хочу связываться! — и бросил трубку.

Дан был убит:

— Смотри, как взъелся! Надо было мне самому пойти с ним поговорить. И с учителем Думитреску. Честное слово, мы нашли бы общий язык...

— Разве так можно — без дипломатии? — попенял Габриэлю Таке.

— Плакала наша экспедиция,— подытожил Тудорел.

Габриэль только улыбался — спокойно, чуть печально, будто зная, что последнее слово за ним.

— Вы ошибаетесь. Главный козырь — у меня! — И он поднес руку к кармашку на груди, чтобы погладить свой дикий винный эдельвейс.

Но не пройдет и часа, как цветок исчезнет...

26

Таке надоело сидеть дома, и он предложил Дану прогуляться и испытать возможности аппарата приема-передачи на улице. Он лелеял еще и тайную мысль: показать друзьям успехи Бребенела. Ребята пришли на площадку перед пустым домом, дверь которого была теперь накрепко заколочена гвоздями, и Таке вынул из кармана два маленьких мячика — белый и черный.

— Известно ли почтенной публике, что Бребенел умеет различать цвета? — важно спросил он.

— А считать он у тебя еще не научился, случаем? — хихикнул Дан.

— Напрасно иронизируете, почтеннейший,— оскорбился Таке.— Всеу свое время. Пока что он умеет узнавать белый цвет, и сейчас вы в этом убедитесь. Итак, парад-алле! — Он размахнулся и метнул черный мяч вперед метров на двадцать.

Бребенел, лежа у него в ногах и чутко прядая ушами, не двинулся с места. Тудорел расстроился:

— Испортил ты мне пса! Он мне всегда приносил все, что я ни брошу...

Таке покровительственно улыбнулся:

— А теперь приносит только то, что белого цвета!

Прятели смотрели на него с таким скептическим видом, что Таке без долгих слов продолжил демонстрацию.

— Ну, глядите! — И в воздух полетел белый мячик.

Но не успел он коснуться земли, как Бребенел, взвившись стальной пружиной, рывком догнал его и как ни в чем не бывало, виляя хвостом, принес к ногам Таке.

— Таке, ты гений! — бросился ему на шею Тудорел.

— Невероятно! Поздравляю! — жал руку дрессировщику Габриэль.

— Одного не понимаю: где это в жизни может пригодиться? — поинтересовался Дан. — Или ты просто из любви к искусству?

Таке расплылся в улыбке:

— Я давно уже об этом думаю, только всё руки не доходили... Теннис по телеку смотрите?

— А как же!

— И ничего вам на нервы не действует?

— Действует, конечно...

— Что, например? — допытывался Таке.

— Как Смиту, бедненькому, достается от Нэстасе... — засмеялся Дан.

— Тебе бы все шуточки! Нет, серьезно. — И, не дождавшись ответа, сказал: — Пацаны, которые бегают за мячом, вам их не жалко? Они, горемыки, десятки километров проделывают за один матч!

— А при чем тут пацаны? — с недоумением спросил Габриэль.

— А при том, тут-то собака и зарыта. А точнее: вместо них будет бегать Бребенел: чем не мальчик на побегушках? — Он глядел на товарищей с видом победителя. — Ну, что скажете?

У Тудорела округлились глаза:

— Моего Бребенела — гонять взад и вперед как проклятого? И думать не смей! — И под общий смех он с досадой выхватил белый мячик из пасти у щенка и отшвырнул его в сторону не глядя.

Мячик с силой ударился в окно заброшенного дома, полетели осколки. Бребенел, решив, что игра продолжается, мет-

нулся вслед за мячом и с легкостью вскочил в разбитое окно. Ребята ждали, но щенок не вылезал обратно.

— Пошли посмотрим, что там с ним приключилось,— позвал Габриэль Таке.

— Пошли!

Дан посоветовал вдогонку:

— Сообщите нам с Тудорелом по радио, что там найдете! — и нажал кнопку «прием».

— Неплохо придумано! — раздалось из аппарата.

Таке и Габриэль нажали на затворы разбитого окна и скрылись внутри.

— В первой комнате никого, это, кажется, столовая,— сообщил через три минуты Габриэль.

— Какая еще столовая? — возразил с улицы Дан.— Столовая должна быть на втором этаже, я помню.

— Тут темень кромешная... Свет только в щели!

— Папа здорово все забил... на совесть. Бребенела-то нашли?

— Как сквозь землю провалился!

— Не мог же он заблудиться, там комнат раз-два и обчелся...

— Ума не приложу...

И тут началось такое, отчего Дан похолодел.

— Стой! — раздался из аппарата чужой хриплый голос.— Ни с места, а не то... Вы одни? Отвечайте!

— Да,— ответил сдавленный голос, в котором Дан узнал Таке.

— А шавка — ваша? Смотри-ка, ворчит, гадина... Не врете, что одни? — После паузы чужой голос зазвучал громче, и Дан понял, что Габриэль нарочно усилил звук.

— Не врем...

— А кто тут еще вякал?

— Никто...

— А чего вы здесь потеряли?

— Мы играем...

— Нашли место! А-ну, красавчики, выворачивайте карманы. Хм!.. барахло... А это что? Ишь, цветочек! А денжат что ж у вас, совсем нету?.. Голодранцы!

Тудорела, который тоже все слышал, забила дрожь.

— Дан, ведь это бандиты...

— Дуй за милиционером... Тащи, кого увидишь! — крикнул на него Дан. — Я остаюсь на стрёме... Ну, по быстрому...

Но Тудорел уже неся во весь опор и перевел дух только в отделении милиции.

— Скорее! — едва мог он вымолвить.

— Что? Опять в скобяной магазин? — улыбнулся милиционер, подаривший ему щенка.

— Нет, нет, пожалуйста, это очень серьезно... Бандит поймал Габриэля и Таке...

— Бандит? И где же?

— В пустом доме!

— А как он выглядит, бандит? — вдруг проявил любопытство милиционер.

— Я его не видел...

— А откуда же ты знаешь?

— Я слышал по радио!

У Тудорела явно не сходились концы с концами, но он просил так жалостно, что милиционер отправился за ним.

Тем временем Дан с замиранием сердца прислушивался к тому, что происходило в недрах заброшенного дома.

— А что у тебя в руке? — хрипло спросил бандит.

— Ничего! — В голосе Габриэля чувствовалась напряженность.

— Хе, да это никак радиоаппарат! Три сотенных дадут за него?

— Не знаю...

— Ну-ка, дай посмотреть!

— Не дам!

Послышался звук удара и тявканье пса.

— Кусается, проклятая!.. Ах вы, ублюдки, вы у меня сейчас попляшете, долго будете помнить... Сперва я вас свяжу, пожалуй...

— Нет!.. Убери руки... Не хочу! Ты слышишь, Дан? Ты понял?

Не в силах больше сдерживаться, Дан нажал кнопку передачи:

— Не бойтесь, ребята, я сейчас подойду!

— Это еще что? — опешил верзила и попятился в угол.

— Ничего! — с досадой ответил Габриэль. «Тут только Дана не хватало, — пронеслось у него в голове. — Раз уж остался на свободе, мог бы придумать что-нибудь получше».

— Но я же слышал... Ага! Вот оно что — по радио переговариваетесь! — изумленно вскричал бандит. — А ну дай сюда эту штуку!

Но поскольку Габриэль не выражал ни малейшего желания расставаться с аппаратом, ворюга схватил его за шиворот... И в этот миг милиционер высадил дверь плечом и ворвался в комнату.

— Стой спокойно, Георге! Все никак за ум не возьмешься!

Через час великолепная четверка снова собралась в комнате клуба детективов. Ребята вернулись вконец вымотанные, но счастливые.

— Наша первая серьезная операция, — гордо сказал Тудорел.

— Как бы не последняя, — тревожно откликнулся Габриэль, обшаривая карман на груди.

Он потерял свой белый эдельвейс...

27

Йоргу решил поговорить с учителем Думитреску на географическом кружке, но он никак не ожидал, что тот так просто согласится на условие Габриэля:

— Пускай идут, почему бы и нет? Раз им так загорелось...

— Но ведь у Дана...

— Знаю: переекзаменовка. До осени подтянется.

— А Тудорел — четверокласска...

— Ну, теперь его уже можно считать и пятиклассником...

А если ты мне к тому же пообещаешь за ним присматривать, то он, я думаю, не доставит нам хлопот.

Йоргу готов был запрыгать от радости. Однако он сдержался и солидно сказал:

— Вы поступаете очень мудро!

— Спасибо,— улыбнулся учитель.

— Все четверо — прекрасные парни. И руки у них золотые.

И потом, они сегодня здорово отличились.

— Чем же они отличились?

— Поймали грабителя в пустом доме...

— В пустом доме, говоришь? — задумчиво переспросил вожатый.

— Да.

— Этого-то я и боялся...

— Чего — этого? — удивился Йоргу. — Их сам начальник милиции похвалил.

— Лучше бы им за книгами сидеть, чем шастать по заброшенным домам! — проворчал учитель и, переменяя тон, спросил: — Как вы будете делить обязанности между участниками экспедиции?

— Я уже все продумал, товарищ учитель: за главного будет Нина.

— А не ты?

— Нет. Я хочу взять на себя ботанику. Раду будет фольклорист, Релу — этнограф. Не знаю вот только, кто будет вести журнал экспедиции. Может, Габриэлю поручить? Анка, конечно, здорово пишет, но она будет санитаркой...

— Серьезный подход к делу,— одобрил учитель. — Я с тобой целиком и полностью согласен.

Но на другой день оказалось, что никто не доволен своей ролью. Даже Нина.

— Что я все время староста да староста. Надоело. Сыта по горло. Я лучше буду фольклор собирать!

— А я буду ботаником,— заявил Раду.

Йоргу посмотрел на него с удивлением:

— А я кем же, по-твоему? Может, мне в повара идти? Предупреждаю: я вас всех отравлю своей стряпней...

— Брось, ты лучше всех на свете знаешь, какие грибы съедобные, а какие ядовитые,— не без иронии заметил Дан.

Всех примирил Тудорел. По плану Йоргу ему предстояло стать метеорологом, и он со страхом обнаружил, что даже просто выговаривать это слово ему не под силу. Итак, Тудорела осенило:

— Давайте тянуть жребий!

— Пустить все на самотек? — возмутился Йоргу, приверженец логики.

— Нет, прекрасно! — воскликнул Дан и в знак уважения пожал руку Тудорелу.— Ты настоящий Прысля, друг!

И вот в день, на который был назначен отъезд экспедиции в дальние края, навстречу неизведанным приключениям, Дан, выскочив из поезда, чтобы позвонить своему телефонному другу, спросил себя, говорить ему или нет, как над ним насмеялся случай.

— Алло!

— А, это ты!

— Я боялся, что вас не застану!

— Ты меня всегда застаешь, если я не в отъезде.

— Теперь мой черед уезжать...

— Вот как? Куда?

— В экспедицию...

— Вся наша жизнь — экспедиция, этим ты еще ничего не сказал.

— В экспедицию... за белым цветком. В края, где пропал дедушка Габриэля.

— И кто едет — клуб детективов?

— Нет, нас больше, но другие толком ничего не знают.

- А если они притворяются; так же как и вы?
- Вы о них слишком высокого мнения!
- Они этого не стоят?
- Они почти все отличники.
- Ну, тогда мне не о чем беспокоиться.
- Зато у меня забот полон рот.
- О себе?
- Вовсе нет, о Габриэле.
- А он об этом знает?
- Он думает, что он один со своим горем.
- Тогда хорошо, что вас много!
- Даже многовато на один цветок...
- Но у цветка хватит лепестков...
- Точно.
- А бывают цветы с колючками...
- Надеюсь не уколется.
- Да, смотри рви их осторожней — колючки бывают ядовитые...
- С нами едет учитель Думитреску...
- Тот, что тебя оставил с переекзаменовкой?
- Он самый.
- Ну, за него я спокоен!
- Не понимаю!
- С ним все в порядке, раз он отстающих с собой тащит...
- Что-то запутанно...
- Не могу же я всегда заниматься с тобой уроками логики.
- Да сейчас и не время. И потом, всю последнюю неделю я читаю только поваренные книги. Я теперь повар. По жребью.
- Вот как? Ну, смотри, ублажай животы как следует!

Слово «повар», четко выведенное рукой Нины, кривилось и подмигивало ему, приглашая войти в ворота буквы «П». Прямо курам на смех! А все этот злосчастный жребий! И черт его

дернул первым засунуть руку в берет к Релу — больше шансов, видите ли! Прочтя свой приговор, в первый миг он почувствовал ярость истинного Змея среди Змеев, потом все закружилось перед глазами: заплясали консервные банки и головки сыра, а в воздухе, только что напоенном духом хвои, запахло свиной отбивной и жареным луком. Но кляни не кляни Тудорела с его дурацким предложением, а сделанного не воротишь. Ничего не остается, как проститься с мечтами. А слава экспедиции достанется другим. Везет же людям! Вот Габриэль, Таке и Тудорел, что бы они ни вытянули: ботаника, зоолога или этнографа,— все равно будут вместе и нить за нитью расплетут тайну белого бархатистого цветка. Члены клуба так верили в успех, что предложили дать экспедиции имя «Победители». Они решили начать маршрут с того места, откуда пришла открытка дедушки Габриэля. Детективы захватили с собой всю свою аппаратуру: радио, детектор металлов, молотки и долота для сбора горных пород, лупы для исследования их разреза и фотоаппараты. Экспедиции, несомненно, предстояло войти в историю. И надо же было ему, Дану, очутиться на самых ничтожных ролях, хоть и не по своей вине. Вот теперь и кукуй. Подогревай фасоль с колбасой, «готовую к употреблению», или артистически — толщиной в три миллиметра — режь помидоры и огурцы в салат. Другим — похвалы от учителя Думитреску за каждую пыльную глиняную посудину, отысканную где-нибудь на чердаке, за каждое облезлое орлиное перо, подобранное в расщелине скалы, а Дану — только одобрительное чавканье Релу Жми-Камня, которому волею судеб выпало быть руководителем экспедиции.

— Хороша уточка и капуста ничего!

— Пошли благодарность консервной фабрике «Красная долина», — в корне пресекал Дан всякую возможность шуточек на свой счет.

— В жизни мне такой чай не удавалось заварить! — восторгалась Нина.

— Вот именно, куда тебе! — ворчал Дан.

Больше всего его раздражал старательный Йоргу в роли геолога. Он последним являлся к обеду, сгибаясь под тяжестью набитого камнями рюкзака, которые каждый раз оказывались пустой породой, и их приходилось выбрасывать.

— Снова Йоргу мельничный жернов притащил,— отводил душу на отличнике Дан.

— Эх, Дан, неудачник я!

— Это ты-то?

И Йоргу поделился с ним своим горем:

— Ничегошеньки у меня не выходит. Я решил: раз уж мне выпала геология, во что бы то ни стало отыщу редкий металл или там камень... Найдешь тут, как же! Анка вон изловила жука-оленья в десять сантиметров длиной, а Раду хвастается направо-налево глиняным черепком 1873 года. Я один хожу в недотепах...

— А мне каково тогда? — с досадой прервал его Дан.

— Тебе? — искренне удивился Йоргу.— Если б не ты, наша жизнь была бы сплошным мучением. А ты сегодня одно придумашь, завтра — другое, и всё вкуснотища! А как на стол накрываешь — загляденье! И вообще у меня теперь одна радость — поесть...

— Ты что, серьезно? — не верил Дан.

— Ох, мне сейчас не до шуток!

У Дана сразу поднялось настроение, он растаял и доверительно пообещал:

— Завтра я сварю в твою честь совершенно особенные щавелевые щи с картошкой. По маминему рецепту, ты такого еще не едал, всю жизнь будешь помнить.

Йоргу при всей своей грусти и усталости приободрился:

— Щи я уважаю... Только где ты щавеля возьмешь?

— Перерою все горы и отыщу!

Но на другой день Дан не нашел щавеля, хоть и исходил вдоль и поперек три долины и две горы. Поиски завели его на известковое плато, сложенное из несметного множества раковин и окаменевших рыбьих скелетов. Мечта геолога — посмо-

треть в лицо времени. Сотни тысяч, миллионы лет расстилаются ковром, только ступай внимательно, не то неловким движением разрушишь двадцать — тридцать тысячелетий, вечность. Потом ее уже не восстановишь. Дан застыл на месте, изумленный, как легко можно коснуться прошлого, перламутровых переливов времени.

Не чуя под собой ног от счастья, он кинулся бежать к лагерю — четырем палаткам, в которых обосновалась экспедиция. Йоргу уже поджидал его, предвкушая обед со щавелевыми щами.

— Ну? — встретил его Йоргу, нетерпеливо облизываясь.

— Изумительно, Йоргу!

— Значит, нашел! — удовлетворенно воскликнул тот.

— Еще как нашел! — захлебывался Дан. — Целая геологическая эра! Да что там эра! Это просто вся геология как на ладони!

— Ты о чем? — опешил Йоргу.

— Я за тобой, пошли, ты, как геолог экспедиции, первым возьмешь образцы, уступаю тебе это право.

— Я в толк никак не возьму...

— Пошли, время теряем. Бери рюкзак, молоток — нельзя такое прозевать.

— А щавель как же?

— Щавеля нет, — терпеливо стал объяснять Дан, — зато я нашел самый удивительный пласт времени, таких больше нет!

Йоргу разочарованно скривился:

— Выходит, плакали сегодня наши щавелевые щи... Только рецептом похвастался...

Ночью, в палатке, когда Дан поведал своим о странном поведении Йоргу, Габриэль задумчиво сказал:

— Я подозреваю, что у Йоргу просто мания величия...

— Но про эдельвейс-то он хотя бы не наврал? — заворочался в своей постели Таке.

— Не наврал, не наврал, — тихонько замурлыкал Тудорел, как сквозь сон. — Я его сегодня сам видел, белый цветок.

— Что, что? — Габриэль вскочил так стремительно, что палатка чуть не обвалилась.

— Говори скорей, не тяни kota за хвост! — прикрикнул на Тудорела Таке.

Но Тудорел, не обращая внимания на переполох, невозмутимо продолжал:

— Мне показалось, что это белая бабочка. Крылышки мягкие, бархатистые, я таких никогда не видел... Я хотел ее поймать, а оказалось — цветок! Торчит из расщелины, глазееет на меня. Я наклонился к нему и погладил.

У Габриэля потекли слезы, он подумал, что, наверно, так же годом раньше нашел цветок и его дедушка. Может, даже на том же месте: было два цветка, а остался один... устоял и в зной и в мороз...

— Покажи,— дрожащим голосом попросил Таке.

— Где он у тебя? — спросил Дан.

— У меня его нет...— чуть слышно обронил Тудорел.

— Тоже потерял? — ужаснулся Габриэль.

— Я его оставил там — жалко было рвать...

— Черт подери! — Дана всего затрясло, он рванулся вон из палатки.

Светила полная луна, и Бребенел глядел на него с любопытством.

29

Когда Тудорел явился на вокзал со щенком, учитель Думитреску нахмурился:

— Как будто нас было десять в группе!

— А нас десять и есть, товарищ учитель,— заверил его Релу.

— Не считая собаки!

Тудорел отчаянно крикнул:

— Без Бребенела я не поеду!

Ребята попытались образумить Тудорела.

— Ну миленький, не упрямясь,— уговаривал его Габриэль.— Хочешь, чтоб нас всех не взяли? — И, отведя его в сторону, напомнил: — Ты что, забыл, зачем мы идем в экспедицию?

— Забыть не забыл, но Бребенела дома ни за что не оставлю. Я его буду все время держать на руках, если он вам мешает.

Вопреки всем ожиданиям, первым сдался сам учитель Думитреску:

— Если Тудорел обещает сам заботиться о щенке...

— Но он нас свяжет,— возразил Нику,— он же совсем махонький...

— И глупый, ты хочешь сказать? — насунив брови, взглянул на него Тудорел.

— Не исключено,— хмыкнул Верзила-Птицелов.

— Ах, так? — таинственно произнес Тудорел и приказал щенку: — Бребенел, сторожи его!

— Нет надобности, я сам себе сторож,— Нику двинулся было с места.

Но щенок весь напряжился и зарычал — вот-вот бросится. Волей-неволей Нику пришлось застыть, как статуе футболиста у ворот стадиона.

— Эй, скажи своей шавке, чтоб она меня оставила в покое! — крикнул Верзила.

Тудорел закипел от возмущения:

— Шавка, говоришь? Как ты смеешь! Вот так и будешь здесь стоять!

— Поезд уйдет...

— И уйдет, если не возьмешь свои слова обратно...

Ребята покатывались с хохоту.

— Ну, беру, беру,— торопливо заверил Нику.

— И обещай приносить ему каждый день молоко,— строго добавил Тудорел.

— А кофе в постель его не устроит?

— Нет, просто молоко. Можно сыворотку от овечьего молока,— стоял на своем Тудорел.

— А, черт с вами! — махнул рукой Нику.

— Дашь честное слово?

— Гм!.. Ну, честное слово...

И с этой минуты Верзила-Птицелов добрую долю своего времени вынужден был тратить на поиски молока для Бребенела. Если экспедиция останавливалась в городе, он вставал чуть свет и бежал в магазин, а потом находил добрую хозяйшку, которая кипятила ему молоко. Прибыли в горы — он мерил версты в поисках загонов для овец и клянчил там сыворотку. Он даже стал входить во вкус добывания пищи для Бребенела, но щенок так и не перестал ворчать на него и скалить клыки.

— Я ж люблю тебя, дурака! — досадливо кричал на него Нику.

«Р-р-р!» — с неприязнью откликался Бребенел.

— Глупая шавка!

«Гав! Гав!» — ожесточенно бросался на него щенок.

— Ну ладно, ладно, душечка, красавчик... пампушечка...

И Бребенел, как по волшебству, утихал. Нику только руками разводил. И однажды решительно подступил к Таке, который в свободное от сбора фольклора время занимался «воспитанием» Бребенела.

— Ты, случаем, не научил его человеческий язык понимать?

— Как знать...

— Я знаю одно: он рывкает на меня как полоумный и норовит слопать со всеми потрохами, если я ему что не так скажу...

— Например?

— Например, он не выносит существительного «шавка».

— В твоих устах оно звучит скорее как прилагательное, а слово-то прекрасное,— расплылся в улыбке Таке.— Сейчас убедишься, как Бребенел радуется, когда его так называют.

И, подойдя к собаке, Таке заворковал самым нежным и любовным тоном:

— Шавочка, шавонька, шавушка...

Пес с выражением полного счастья терся о его ноги и вилял хвостом, как будто его гладили по шерстке.

— Ага, понял,— заключил Нику, — все дело в тоне.— И он медовым голосом стал на все лады распевать слово «шавка».

Но Бребенел в ярости наскочил на него, и только вмешательство Таке спасло штаны Верзилы от починки.

— Ты кудесник, Гни-Деревья! — восхищенно признался Нику.

— Да будет!..— покраснел тот.— Дай Бребенелу кусочек сахару, и вы помиритесь.

Теперь Нику пил чай без сахара, и его запас конфет таял на глазах. А добывать молоко для Бребенела становилось трудней день ото дня. Они обосновались в скалистой местности и редко встречали загон для овец. Настал день, когда Нику сказал Дану с отчаянием:

— Все! Последнее молоко вылил из термоса! А что теперь?

— Поест хлебца с маслом на безрыбье.

— Хлеба? — ужаснулся Нику.— Чтоб он себе испортил желудок? Я пойду на край света и не вернусь, пока не найду овец!

Анка напросилась Нику в попутчицы, но ее то и дело отвлекали бабочки и жуки, а Нику спешил — у него были дела поважнее.

— Я пойду вперед,— решительно заявил он девочке.— Буду ждать тебя на вершине. Оттуда виднее, куда идти.

Нику полез наверх, скрылся из глаз, опять показался и исчез за гребнем холма. Когда Анка добралась до вершины, Нику пропал, как сквозь землю провалился. Сверху раскрывалась панорама редкостной красоты, но Анка лишь судорожно обшаривала глазами окрестности и наконец в панике закричала что было мочи:

— Нику! Ни-ику-у! Ни-и-ику-у-у!

Габриэль, шедший по другой дороге с Таке и Тудорелом, вздрогнул:

— Слышите?

— Эхо? — отозвался Тудорел.

— Кто-то кричит как будто, — заметил Таке.

Они уже добрались до того места, где Тудорел вчера нашел эдельвейс. Но сегодня цветок никак не хотел попадаться на глаза. А тут еще эти крики, и Бребенел так и рвется с поводка!

— Что-то стряслось, не иначе, — мрачно объявил Таке.

— Похоже. Но что там могло стрястись? — заволновался Габриэль.

Таке без лишних слов одним духом взлетел на ближайший холм и включил радио:

— Габриэль, слышишь меня?

— Да.

— Я вижу Анку... далеко, на другом холме. Она мечется как угорелая. Что будем делать?

— Как — что? Пойдем выясним, что случилось.

— А цветок?

— Цветок — потом.

Через несколько минут, добежав до Анки, они застали ее в слезах:

— Нику пропал... Прямо на глазах: был и исчез, — всхлипывала она.

— Не может быть!

— Что значит — на глазах?

— Ах, я сама не пойму! — в отчаянии крикнула Анка. — Я погналась за жуком, а он перевалил через вершину — и вниз.

— Спускаемся, — предложил Габриэль.

И они побежали вниз по склону. Бребенел, вырываясь из рук у Таке, тянул его за собой.

— Что на тебя нашло, дурачок? К ноге!

Но эта команда, обычно так безотказно действовавшая, сегодня не помогла. Бребенел еще пуше засуетился и залаял.

На его лай из-за скалы внезапно выскочила целая свора собак — огромные сторожевые псы, за ними — старик-чабан с дубинкой в руках; он рывкнул:

— Цыц, орлы мои!

И собаки разом угомонились. Старик с белыми усами, закрученными вверх, как рожки подсвечника, подошел к перепуганным ребятам:

— Что, сынки, ищите в наших краях?

— Мы потеряли товарища, — выступил вперед Таке.

— Как он пропал, я даже не заметила, — сетовала Анка.

— А вы его не видели? — спросил Габриэль чабана вроде бы спокойно, но на лбу у него крупными холодными каплями выступил пот.

— Нет! — односложно ответил старик. — Давненько я в наших краях не встречал ни одной живой души, — добавил он.

— Значит, в самом деле он сквозь землю провалился, — прошептала Анка.

— Земля глотает только недобрых людей, — сказал старик. — Что вы его на привязи держите? — заметил он, глядя на Бребенела. — Тоже ведь живая тварь: отпустите...

— А ваши псы нас не кусают?

— Я им приказал вас не трогать. Они послушные.

— Ну, раз так... — покачал головой Таке и отвязал Бребенела.

Щенок, почувствовав себя на свободе, метнулся вперед, остановился у скалы и надсадно залаял.

— Что на него нашло? — недоумевал Тудорел.

Старик-чабан обернулся, посмотрел на щенка и сказал с улыбкой:

— Вот умница, почуял!.. А теперь пойдемте, покажу вам вашего приятеля.

— Откуда вы знаете, где он?

— Земля-то эта старая-престарая... морщин у нее много, вот он в одну и угодил...

— А может, он ранен? — Тудорел вспомнил про свои обязанности санитаря.

— Ничего с ним не случилось. Верно знаю, — твердо произнес старик, словно видел сквозь землю. — Туда иной раз и овечка свалится...

30

— Брынзы не хотите? — спросил чабан по имени Илларион Набольший.

— Мы сыты, дедушка, спасибо! — вежливо поблагодарил за всех Габриэль.

— Что-то не верится, — покачал головой старик.

— Честное слово, сыты по горло, — попытался уверить его Нику.

— Если ваш Бребенел не откажется от еды, значит, и у вас в животах пусто, — решил Набольший.

Таке вмешался:

— Да нет, он не будет, тем более его Нику совсем испортил — приучил к одним лакомствам. — И, заметив, что чабан тоже не прикасается к еде, спросил: — А вы что же не едите?

— А я что? Я утром хлебну сырого молочка, мне и довольно... Цветы вот тоже ем...

— Едите цветы? — вздрогнул Тудорел.

— Глазами, — засмеялся чабан.

— А вот такой цветок, как бабочка... — начал Тудорел.

— Молчи! — с досадой шикнул на него Габриэль.

Но Нику уже подхватил:

— А, вы все про свое! Прямо пунктик какой-то. Уж больно вы самонадеянные. Захотелось им диковинки! Если б он рос в нашей стране, этот цветок, на него бы уж давно другие наткнулись...

— Но я держал его в руках, — нехотя возразил Габриэль.

— Я его трогал... — прошептал Тудорел.

— Бред!

— Я все цветики знаю,— заговорил старик.— Все они хороши, а как же иначе? Знай гляди на них во все глаза. А горячиться не надо, за одним цветком бегать... Все хороши, как на подбор: и небесная роса, и кровь воина, и невестина слеза. А мне больше всего по сердцу цикорий: гляжу на голубые лепесточки — и хоть плачь, тоска-кручина одолевает... И на небе есть цветочки — звездочки... Хорошо, что желтые они, не белые... Никогда, сынки, не рвите белые цветы! Ваш-то цветик белый, как бабочка, так?

— Так! — будто зачарованный, откликнулся Габриэль.

— Мне самому его видеть не доводилось,— спокойно продолжал старик,— но люди сказывали... Кто его увидит, у того сердце занает. Будет он блуждать по свету, время переводить, думу тяжкую думать. Летит он по небу, точно орел, зорким глазом вниз смотрит, бежит по земле, словно муравей, а все в небо глядит... Но, может, это и значит — счастье. Я вот торчу всю жизнь на одном месте, ровно цветик какой...

— Как белый цветок,— пробормотала Анка.

— Нет,— возразил старик.— Цветик-то цветик, да только черный... без дум, хоть и думает, без слов, хоть говорит. Один-единешенек, только скотина со мной — овец и баранов, и коз тысяча душ да псы верные. А души человеческой — ни одной... Жил тут со мной добрый человек... Но он меня не послушался. Может, так оно и лучше... Торчать тут черным цветком да ждать... час расплаты...

Дети смотрели на него расширенными глазами.

— Напугал я вас, что ли? — усмехнулся чабан.

— Нет, нет,— судорожно ответил Габриэль.

— Ну, когда еще ко мне заглянете? — спросил на прощанье Илларион Набольший.

— Может, даже сегодня! — Габриэль не отрывал глаз от блокнота в коричневом кожаном переплете, его краешек торчал из-под форм для брызги на полке.

Вечером Таке, который вел дневник экспедиции, записал всего два слова: «Илларион Набольший».

— Гм! Не густо на сегодня,— заметил Дан, заглядывая ему через плечо.

— Ты думаешь? А по-моему, это имя — Илларион Набольший — может означать трагедию...

— Если не детективный роман! — прибавил Габриэль, не отступно думая о блокноте в коричневом переплете.

То, что он увидел этот блокнот в лачуге чабана под формами для брынзы, казалось ему дурным сном. Он не осмеливался никому признаться в своем открытии, слишком уж оно выглядело фантастическим: «Примут за одержимого, решат, что у меня идея-фикс».

Помолчали. Потом Таке, который не выносил намеков, подозрительно спросил:

— А почему ты говоришь «детективный роман»?

— Не знаю почему,— ответил Габриэль,— но на меня этот старикан навел ужас.

— Да, он какой-то колючий... и огромный, как гора...

— И потом, эта манера не называть вещи своими именами...— поежился Габриэль.

Таке удивился:

— А что он такого сказал? Просто народная философия...

— А черный цветок?

— Необычная метафора! — загорелся Таке.— Чем она тебе не понравилась?

— Страх только навел. Да что страх — ужас: хоть беги и вой.

— Ты, наверно, устал, Габриэль,— сказал Дан и в раздражении отшвырнул прочь тряпку, которой вытирал сковородку.— А я, пока у вас там необыкновенные приключения, жарю здесь лук!

Таке попробовал его утешить:

— Да какие там приключения! Подумаешь, Птицелов-Верзила свалился в яму, а старый чабан рассказал сказку про цветы... только и всего.

Габриэль хотел было возразить, но, заметив, что к ним бежит Нина, сдержался: когда у человека так горят глаза, грех не дать ему выговориться.

В самом деле, Нина возвращалась из села с богатой добычей — она собирала фольклор.

— Я записала, мальчики, самую замечательную легенду про гайдуцкий¹ клад!

— Драгоценные камни небось? — спросил Дан.

— Да, и мешки с золотом...

— Молодец, Нина,— вежливо похвалил Габриэль, хотя был уже сыт по горло подобного рода сказками.

— Только все было на самом деле,— заторопилась Нина, видя, что начало не вызвало энтузиазма.— Где-то здесь, в горах, спрятаны сокровища, сказочные богатства, и никто их никогда не видел.

— А откуда же известно, что сказочные, раз никто не видел? — придрался Таке.— Где логика?

— Как будто в «черном цветке» много логики! — напомнил ему Габриэль.— Сказка — она и есть сказка.

— Ну как вы не поймете, что это вовсе не сказка! — досадовала Нина.— Сколько раз говорить. Эти гайдуки были здесь на самом деле. Однажды они подожгли замок одного графа, который славился своей лютостью. А у графа была дочь, красавица, но она его в глаза не видела, потому что он ее держал взаперти с рождения. И когда замок начал гореть и девушка стала звать на помощь, граф пошел в свои подвалы спасать драгоценные камни...

— И мешки с золотом,— подхватил Дан.

¹ Г а й д у к и — крестьяне-повстанцы, участники национально-освободительного антифеодального движения южнославянских народов в XV—XIX веках.

— Точно... И замок обрушился над ним... А гайдуки нашли под пеплом не тронутую огнем сокровищницу...

— Ну, а девушка? — вяло спросил Таке.

— Девушка? — с торжеством повторила Нина. — Вот тут-то вся соль...

— Странно, — перебил ее Габриэль. — До сих пор все как две капли воды похоже на придунайские баллады про гайдуков. Они еще потом золото раздали беднякам.

Нина таинственно улыбалась:

— Вот я тоже так сказала тетеньке, от которой легенду услышала. А она поглядела на меня, как на ненормальную, и говорит: «Так ведь это золото было окроплено невинной кровью».

— Чьей?

— Да графской дочки...

— Ах да! — воскликнул Таке. — Про дочку-то мы и забыли. Она что, тоже сгорела, да?

— Сгорела...

— Ну, и забрали бы сокровища, раз наследников не осталось!

— Не так все просто. Девушка сгорела, превратилась в белый пепел, а пепел стал цветком.

— Цветком? — хором спросили все трое.

— Да, белым цветком. Лепестки у него нежные, бархатные, и он с тех самых пор стережет сокровища. Говорят, кто эти сокровища найдет, тому гибель. Но пока белый цветок никто не видел.

— Мы видели, — пробормотал Габриэль, опуская глаза.

— Да вы что! — рассмеялась Нина. — Все-таки это сказка!

32

Дан с трудом приоткрыл глаза, в полумраке палатки над ним наклонился Габриэль, приставив палец к губам: «Тс-с». Странное поведение приятеля не слишком удивило Дана. Еще

бы, столько волнений в «этих краях, полных воспоминаний». Габриэль проворно отвязал дверь палатки, и они выбрались наружу.

— Всю ночь глаз не сомкнул,— признался Габриэль.

— А что такое?

— Я никому не сказал, но тебе — ты почти все ведь знаешь — скажу: в хибаре у чабана на полке лежит дедушкин блокнот...

— А ты ему сказал?

— Побоялся.— И добавил дрожащим голосом: — Вдруг этот чабан моего дедушку...

— Не может быть! — ужаснулся Дан.

— Он так странно говорил про белый цветок...— Восходящее солнце заиграло на бледном и удрученном лице Габриэля.— И потом он упомянул про черный цветок тоже...

— Черных цветов же не бывает...

— Я тоже так раньше думал...— Габриэль осекся и сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладонь.

Дан ждал: «Снова тайна. Ну, торопить не буду». Минуту спустя Габриэль заговорил с горечью, но спокойно:

— Прости, что я от тебя до сих пор это скрывал... В том конверте с белым цветком, что мне прислал дедушка, был еще...

— ...черный цветок?!

— Нет, рисунок: контуры цветка с черным черепом посередине и с двумя стебельками.

— Фантастика!

— И это еще не все: листок с рисунком, я точно знаю, вырван из блокнота, который я видел на полке у чабана...

— Господи, так Илларион Набольший знает, что случилось с твоим дедушкой!

— Я в этом убежден.

— Так что ж ты его не спросил, черт подери!

— Я тебе говорю: мне страшно стало. Отчего, не могу объяснить, я рта не мог раскрыть, как последний трус...

— Ну-ну,— остановил его Дан.

— Вообще-то, если хорошенько подумать, я поступил правильно: может, дедушка раскрыл сокровище гайдуков, и чабан...

— Ты слишком далеко заходишь!

— Но ты слышал про клад — Нина рассказывала?

— Пустяки, легенда.

— В легендах обычно есть крупица правды.

Дан задумался:

— А что, если все рассказать учителю Думитреску?

— Чтобы он над нами посмеялся?

— Да, ты прав, скажет: «Стукнутые какие-то, бросает их с зоологии на ботанику...»

— В каком смысле?

— Ну, с мышей на цветы.

— Вот именно.

— «...Только на географию никак не клюнут», — закончил Дан воображаемую речь учителя. — Впрочем, у меня вообще кругом ноль. Я на жратву брошен, — добавил он с горечью.

— Зато ты сегодня с учителем идешь в город...

— Если найду себе сменщика у кастрюль.

Но просить Дану никого не пришлось. Нина, едва проснувшись, прибежала к нему с медовой улыбкой и заискивающе сказала:

— Дан, можно я тебя кое о чем попрошу. Не откажешь?

— Если щавелевые щи, не проси лучше, — сквозь зубы процедил он.

— Нет, нет, никакие не щи, совсем-совсем другое!

— Ну?

— Давай я теперь буду поваром...

— Как это? А жребий? Жребий-то мне выпал...

— Ну и что?

— Моя стряпня тебе надоела?

— Не надоела, просто у самой руки чешутся постряпать.

Дан насторожился:

— Не выйдет!

— А я так мечтала! Отчего ты такой злой? — Девочка заплакала.

— Брось дурить! — не верил Дан, хотя слезы Нины могли хоть кого убедить. — Ты что, всерьез?

— Ну да.

— Ладно, — сдался Дан, — на сегодня, так и быть, уступаю тебе свое место.

— И на завтра. Ну пожалуйста!..

— Это уж слишком! — для порядка возмутился Дан. Он уже овладел ситуацией.

— Ну что тебе стоит?

— Когда так просят, отказать, конечно, нельзя... Но на счет послезавтра мы еще поговорим.

— Я бы тебя с удовольствием подменила вообще.

33

Учитель Думитреску, как человек собранный, за каких-нибудь два часа успел обернуться со всеми делами: купить продукты, отнести письма на почту и даже повидаться с другом детства. В пять вечера, идя по центру города, он, подмигнув, предложил Дану:

— Угостить мороженым?

— Нет, мне надо еще позвонить...

— Так, ты мне отказываешь. Ладно, я тебе это попомню...

— Переэкзаменовка в горах? — засмеялся Дан, а за ним — учитель Думитреску.

Заказав у телефонистки номер 1-23-45, Дан сказал себе: «Неплохой парень наш учитель. Жаль, не любит блинчиков».

Соединили его, на удивление, быстро, но телефон долго долго звонил в пустоте, и никто не брал трубку.

— Не подходят, — объявила телефонистка.

— Ну, еще чуть-чуть подождите!

И тут раздался знакомый голос:

— Алло!

- Алло!
- Это ты звонишь? Я бежал со всех ног.
- А я ждал.
- Хорошо сделал. Как поварские дела?
- Идут: уже умею делать блинчики!
- Я думаю, ты мне хочешь сказать что-то важное.
- Почему вы так думаете?
- Иначе ты не стал бы звонить с края света.
- Да, правда. Мы нашли тут кое-какие следы — в связи с полковником Кристей.
- Какие именно?
- Блокнот.
- В коричневой кожаной обложке?
- Откуда вы знаете?
- Объясню как-нибудь... Где вы его нашли?
- У одного чабана...
- Это очень ценный след.... Смотрите не потеряйте...
- А что нам теперь делать?
- Я вам советую быть очень осторожными.
- Тут еще есть кое-что...
- Что?
- Еще один цветок всплыл...
- Час от часу не легче!
- Да, черный цветок...
- Что-что? Какой? Плохо слышно!
- И мне тоже... Черный!
- Черный цветок? Но это значит... Ни в коем случае не... будьте внимательны... оставьте, не... Теперь я все понял!
- Но я-то не понял ничего...
- Опасность... ничего...
- Что, что? Не слышу!

Страх черной тенью навис над Даном: тень ворочала им как хотела, панически вопила «Нет!», не отставала ни на шаг. Страх не на шутку охватил его, когда на другой день после телефонного звонка, бегая наперегонки с Бребенелом в пахучей траве плоскогорья, он вдруг лицом к лицу столкнулся с маленьким человечком. Человечек казался не старым, хотя все лицо его было в морщинах. Он пристально посмотрел на Дана и захихикал. Бребенел, напряжась, готовый к нападению, зарычал. Тут только человечек заметил пса и захныкал, в отчаянии указывая на большую скалу, видневшуюся неподалеку. Он явно хотел, что-то сказать, но не произносил ни слова. И тогда из высокой травы, пестрившей цветами, возникла старуха.

— Чего тебе здесь надо? — строго спросила она Дана.

А человечек вдруг стал подпрыгивать, как мяч, и все время махал руками по направлению к скале, сверкавшей в лучах позднего заката. Из уст его вырывались нечленораздельные гортанные звуки.

— Чего надо? — повторила старуха.

— Ничего, я просто... играю, — забормотал Дан.

— Здесь играть не положено.

— Но я ничего плохого не делаю, — осмелел Дан, чувствуя поддержку Бребенела.

— Делает: духов будишь... А им лучше спать и не просыпаться никогда! Пусть сидят в своем загоне... Иди, иди отсюда! — крикнула она и занесла руку для удара, но угрожающее рычание Бребенела ее остановило.

Морщинистый человечек приплясывал, как в киндие¹, приговаривая нараспев:

— Ахи... Аху... Аду... Ари...

— Ну, будет, будет, — ласково обратилась к нему женщина, словно понимала его. — Полно! — И снова сердито к Дану: —

¹ Киндие — народный румынский танец.

Убирайся, щенок! — И спокойно, ласково к человечку: — Идем, Илларион Набольший.

Старуха взяла человечка за руку и повела за собой. Скоро они скрылись в еловом перелеске.

Дан стоял ошарашенный, перепуганный, не понимая, было это все наяву или у него помутился рассудок. Но беспокойство Бребенела, рвущегося в ту сторону, куда ушла странная пара, говорило, что все это страшная явь, а не порождение воспаленного мозга. Первой мыслью было бежать в лагерь и исповедаться перед учителем Думитреску, даже если это означает предать друзей, предать Габриэля, который возлагал особые надежды на экспедицию. Решив одним ударом покончить со всеми страхами и тревогами, Дан сделал первый шаг, но тут его взгляд словно магнитом притянуло к скале, на которую указывал человечек. Она пылала в лучах заката, величественная скала, будто замок на возвышении, изобилующий башенками, окруженный гранитной зубчатой стеной. А не спрячутся ли за ней полчища лучников, готовых защищать своими стрелами неисчислимые богатства, груды смарагдов, жемчугов и сапфиров величиной с дроздиное яйцо в сундуках, изукрашенных золотом и серебром? И, как замороженный, он направил свои шаги к этой скале, одетой в пурпур заката. Он поднялся по бесконечным базальтовым ступеням, миновав несколько площадок из черного кремня, и очутился перед огромной расщелиной с ровными краями — будто два великана гигантской пилой разрезали скалу надвое. Он хотел было спуститься, но какая-то сила удержала его. «Страх?» — спросил он себя. «Нет, ты не из пугливых», — возразил внутренний голос. «Но я же трушу». — «Ты просто осторожный». — «А Христофор Колумб был осторожный? Или Нобель, когда он открыл динамит?» — «А если тут пропасть?» — «А если нет? Вот я сейчас брошу камушек, и посмотрим!» — пробормотал он, бросая в расщелину камень. Полетев вниз, камень с гулом ударился о твердое. «Видишь, никакой тут пропасти нет, трусливая моя тень!» — «А если тут живет медведь? Ты же слышал про пещерных

медведей?» — «Их давным-давно нет на свете... И чтобы тебя убедить, смотри, я сейчас брошу туда вот этот белый мячик, и ты увидишь, что даже Бребенел, всего лишь пес — правда, породистый, — храбрее тебя». И Дан, вынув из кармана мячик, которым играл с Бребенелом, швырнул его в разверзшуюся перед ним гигантскую трещину.

— За мячом, Бребенел! — напряженно крикнул Дан.

Но Бребенел с примерным видом сидел, не двигаясь с места.

— Ну, хоть ты-то меня не разочаровывай, Бребенел. Мяч! Мяч! — надрывался Дан. Он много раз играл так с Бребенелом, и пес, обожавший игры, всегда приносил мячик. — И ты тоже?.. — успел еще сказать Дан и застыл, неотступно глядя на человеческую фигуру, показавшуюся из-за выступа скалы.

Фигура подошла поближе и оказалась мальчиком примерно его возраста, одетым в домотканые штаны и рубаху из грубого льна. Он остановился в нескольких шагах от Дана, глядя на Бребенела, который завилял хвостом, как обычно поступал при виде Тудорела или Таке.

— Как тебя зовут? — машинально спросил Дан.

— Илларион Набольший.

35

«И никому ведь не расскажешь, подумают, что я спятил!» — рассуждал Дан по дороге в лагерь. Он рано завалился спать и заснул как убитый.

Проснувшись поутру, он обнаружил в палатке одного только Таке. Тот спал, легонько посапывая.

— Таке, Таке! — затряс его Дан.

— Чего тебе?

— Где Габриэль?

— Не знаю...

— А Тудорел?

— Понятия не имею. Дай поспать. Гулял вчера один целый день, а сегодня мы ему понадобились!

К утру страхи рассеялись, и Дану страшно хотелось поделиться новостью с друзьями.

— Ну ладно, чего ты... — примирительно сказал он. — Только я от кухни избавился, уж и погулять нельзя... — И добавил таинственно: — Знал бы ты, что со мной случилось!

— Что? — со скучающей миной спросил Таке. — Я никак ничего стоящего не могу записать в дневнике. Навязали мне его на мою голову!

— Мы навязали? — удивился Дан. — Жребий!

— Жребий... Но вот тебе же удалось выкрутиться, — позаиводовал ему Таке.

— Может, и ты найдешь себе замену... Раду, например...

— Раду? Не смейся! Он как нашел эту черепушку 1873 года, так уже нос дерет. Только об одном и твердит. Тоже мне ученый.

— Ну и напиши о нем.

— Чего о нем писать?

— Как он на черепке расшифровал надпись. Был же один такой — он расшифровал, что написано на каменном столбе, а о нем потом сотни книг написали!

Таке сердито сбросил с себя одеяло и досадливо заметил:

— Уж Шампольона¹ мы как-нибудь знаем, это тебе не наш разлюбезный Раду!

— Не может быть! — засмеялся Дан и добавил серьезно: — Быстро говори, где Габриэль, я ему должен передать важную новость. Куда он пошел?

— За своим белым цветком, на скалу!

— На какую?

— Тудорел точно отметил на карте место, где он увидел белый цветок. Это та скала, что на замок похожа.

— Что, что? Кошмар! — завопил Дан. — Нужно ему во что бы то ни стало помешать! К ней подходить опасно! Понял? — Он схватил Таке за плечо и затряс его.

¹ Жан Франсуа Шампольон (1790—1832) — знаменитый французский филолог, основатель египтологии.

— Придурок ты какой-то! — вырвался Таке. — Мы там все вместе бегали, и ничего не случилось.

— Но вы же не встречали Иллариона!

— Как это не встречали? Старика-то?

— Нет, младшего.

— Но он же назвался Илларион Набольший...

— Да он Набольший и есть, только меньшей...

— Ты решительно свихнулся! Ничего не понять, — убежденно сказал Таке.

— Мне тоже, — бессильно выдохнул Дан. Но тут же взял себя в руки. — И все же нам нечего больше туда ходить и тем более искать этот цветок.

— Но что общего между цветком и...

— Мне сказал младший Илларион Набольший, что белый цветок растет только на краю пропасти! Оттуда начинается Страна черных духов!

— Вот еще! Ерунда!

— А ты знаешь, что даже Бребенел не захотел туда лезть, хоть я и бросил ему белый мячик?

— Ну да! — огорчился Таке. — Выходит дело, плохо я его учил... Бребенел не должен ничего бояться, даже черных духов.

— Если бы ты в моей шкуре побывал — то есть в нашей с Бребенелом, — ты бы так не говорил!

— Куда уж мне. Мне не везет. Назначили летописцем, а я ничего не вижу, не слышу, не знаю. Хоть плачь! Ведь то, что Нику угодил в яму, куда месячные ягнята падают, — это, надо признаться, не событие...

— Да, да, как бы только теперь Габриэль в пропасть не свалился!

— Ты серьезно? — вдруг испугался Таке. — Думаешь, в самом деле есть опасность?

— Страшная!

— Так бежим за ними скорее! — И Таке соскочил с надувного матраса.

Выбежав из палатки, они во весь опор помчались к скале. Но напрасно они рыскали вокруг нее: Габриэль и Тудорел исчезли без следа.

36

Далее события разворачивались стремительно. Анка, заметив, что четверка не пришла к обеду, в тревоге оповестила учителя Думитреску. Тот сначала постарался ее успокоить, а потом они вместе пошли в палатку мальчиков и обнаружили, что те ушли почти раздетые.

— Наверно, пошли купаться на источник, — сказал вожатый без особой уверенности, потому что все полотенца сушились снаружи на проволоке.

Потом он заметил аппараты приема-передачи, детектор металлов и другие мелкие приборы и заулыбался: не пойдут же знаменитые детективы на дело безоружными.

Учитель Думитреску знал от своего коллеги, отца Габриэля, о переживаниях мальчика. Ему известно было, как любил Габриэль деда и сколько надежд возлагал на эту экспедицию. Учитель, тщательно выверив маршрут, предоставил Габриэлю думать, что экспедицию подготовил именно он. Учитель с удовольствием наблюдал за великолепной четверкой, их верной, искренней дружбой, их фантазией, которую они расточали щедро — и в нашумевшем ночном марше, и в операции по «спасению» бродячих кошек квартала. Его очень взволновал случай с тем мелким жуликом в пустом доме, в поимке которого они участвовали, но, уважая чужую тайну, он ни словом не обмолвился, что обо всем знает. Он вообще был против чрезмерного и нудного надзора и всегда предоставлял детям свободно проявлять инициативу, и до сих пор они неизменно оправдывали его доверие. «Почему они сейчас должны обмануть мои ожидания?» — размышлял учитель, окидывая взглядом горизонт — ни души, сколько хватает глаз.

Ребята толпились вокруг, надо было что-то предпринимать. Учитель Думитреску спросил прямо:

— Что вы сами-то думаете?

— Может, они пошли искать этот цветок? — предположил Йоргу.

— Какой цветок? — сказал учитель. — Габриэль мне ничего не рассказывал.

— Он ищет пару к своему цветку, он мне показывал, — объяснил Йоргу, — цветок белый, бархатистый.

— Нам о нем и чабан говорил, — напомнил Нику.

— А мне — одна тетенька, — подхватила Нина.

Учитель забеспокоился:

— А почему же я ничего не слышал?

— Мы думали, вы легендами не интересуетесь, — смущенно ответила Нина.

— Я вами зато интересуюсь! Вашими заботами и всем прочим! — взорвался учитель и, тут же пожалев об этой вспышке, добавил спокойнее: — А вы не заметили, куда они больше всего ходили?

— Вон туда, к той махине каменной, — показал направо Релу.

— Пошли и мы туда, — решил учитель.

Но напрасно они кружили вокруг скалы: детективы пропали без следа. Ребята полезли вверх по скале и наткнулись на гигантскую расщелину. Релу побежал в лагерь за фонарем. Но каково же было его удивление, когда он обнаружил, что его фонарь исчез! Не было на месте и фонаря Раду, а также аппаратов приема-передачи и детектора металлов в палатке четверки. Релу, почувствовав масштабы этого очередного сюрприза, начал кричать и подавать отчаянные знаки тем, кто ждал его у скалы.

— Ну, а теперь-то что делать? — с досадой сказала Анка. Она была уверена, что ее друзья заблудились в пещере и надо, не теряя времени, пробраться под землю.

— Наверно придется вернуться, — взволнованно ответил учитель. — У Релу что-то случилось, иначе он не стал бы нас так настойчиво звать.

— Да, да, пойдемте обратно,— поддакнула Нина.— Может, ребята уже вернулись и ждут нас в лагере.

— Только бы они были целы! — обеспокоенно вздохнула Анка.

Но, прибежав в лагерь и узнав, в чем дело, ребята рассердились.

— Подумаешь, несчастье! Мог бы сам до нас дойти, а мы бы пока уже в пещере были,— отчитал Релу Нику.

— Вот именно. Может, мы их и без фонаря найдем,— поддержала его Анка.

Но учитель Думитреску был другого мнения:

— Нет, если им понадобился фонарь, значит, дело серьезное. Но осциллограф-то зачем? — И решительно скомандовал: — Берем мой фонарь и возвращаемся как можно скорее в пещеру... Я вижу, с этой компанией шутки плохи!

Весь путь до скалы бежали. А когда, усталые и взволнованные, полезли было в расщелину, их окликнул мальчик лет восьми со сторожевым псом:

— День добрый!

Ребята настороженно уставились на него.

— Пацанов своих ищите? — спокойно спросил мальчик.

— Да,— первым откликнулся учитель.— Ты их видел?

— Нет.

— А чего же спрашиваешь? Откуда ты знаешь, что мы их ищем?

— Чую.

— Ага,— серьезно сказал учитель.— Может, ты чуешь и где они сейчас?

— Да, они попали в ловушку...

— В ловушку? — ужаснулась Анка.

— Вот беда! — содрогнулся Релу.— Покажи нам, малый, куда они пошли.

— Не могу, мне батя не разрешает.

— Не разрешает? А ты чей будешь? — спросил учитель.

— Я меньшой сын Иллариона Набольшего.

— Еще пойдем, Габриэль?

— Еще немного, и всё... Скоро должен быть конец коридору!

— По-моему, он в центр земли ведет, не иначе, — вздохнул Тудорел. — У меня голова болит.

— Ну, тогда пошли обратно. Я только хотел посмотреть, нет ли тут...

— Фонарь совсем ослаб, вот-вот погаснет...

— На обратном пути нам свет не нужен, я дорогу запомнил.

— Да, но Бребенел тоже не хочет дальше, я его еле тащу...

— Почему, спрашивается? Никогда он так не упирался...

— Что-то чует...

— Я тоже... Ты знаешь, что мы с тобой петляем в точности по контурам черного цветка? Ясно тебе, Тудорел, ясно?

— Ничего мне не ясно.

— Ну, пройдем еще немножко, совсем чуточку... Не может быть, чтоб он не оставил мне знака... хоть самого маленького... Он же знал, как я его люблю...

— А хоть бы и знал, разве он мог себе представить, что ты сюда забредешь?

— Он все на свете знал, Тудорел! Он знал, что я приду. Иначе зачем ему было посылать мне эти два цветка? — задрожав, спросил Габриэль.

— Вообще конечно, — согласился Тудорел. — Как мы нашли этот белый цветок, так и подземный ход нашелся...

— Он над ним ведь и рос. И будь уверен, это не случайность. Дедушка все предусмотрел. Он знал, что так будет.

— Ой, как душно, голова раскалывается!

— И у меня тоже, но все равно надо идти, надо! Эх, жаль, не удалось отобрать блокнот у Иллариона Набольшего... Я сейчас бы все знал... все!

— А как он в него вцепился — просто ни в какую...

— Чуть нас не поколотил... Как у него все выведать, ума не

приложу. А может, он сам как раз и...— Габриэль не договорил, уткнувшись лбом в каменную стену.

— Это еще что такое? — испуганно спросил он.— Подержи-ка фонарь, я достану рисунок. Ага: за тремя завитками-лестницами следует...

— Габриэль! — вдруг крикнул Тудорел.— Смотри, у тебя под ногами!

— Где? — Габриэль отступил назад и поднял с пола листок бумаги.

— Из дедушкиного блокнота! — крикнул он, узнав бумагу в клеточку.— Что я тебе говорил? Теперь — хоть на край света!

— Да ты посмотри, там что-то написано.

— Да, да,— у Габриэля задрожали руки. Он прочел вслух, чувствуя, как его прошибает холодный пот: — «Не прикасаться! Опасность взрыва!»

38

После того как Дан и Таке, обеспокоенные исчезновением товарищей, захватили в лагере фонари и свои приборы, они тоже спустились в подземный ход.

— Ты думаешь, у них хватило духа сюда забраться? — недоверчиво спросил Таке.

Дан пожал плечами:

— То-то и видно, что ты Габриэля не знаешь. А как он деда своего любит, ты забыл?

— Но тут же очень опасно!

— Почему? Тут сроду человеческая нога не ступала!

— А полковник Кристя?

— Да, ты прав!.. И, наверно, еще кое-кто,— поразмыслив, добавил Дан.

— А именно?

— Илларион Набольший.

— Меня от одного этого имени дрожь пробирает,— сказал Таке.— К чему бы это?

— Тут у всех одно и то же имя...

— Да, какая-то тайна... А подземный ход что-то ничего не говорит душе: коридор как коридор.

— Будь с нами Бребенел, тут бы все кричало!

— Наверно. Но вчера ведь он ни в какую сюда влезать не хотел.

— Что-то чуял...

— Если он чуял, то и наши аппараты тоже должны,— сообщил Дан.— Давай посмотрим, что говорит магнитный осциллограф.— И он направил фонарь на циферблат прибора.— Не может быть! Стрелка показывает максимум интенсивности! Как будто мы посередине стальной болванки!

— А вокруг — голый камень! — Таке ощупал рукой стену коридора.— Да, голый камень. Аппарат испортился.

— Как он может испортиться? Такая простая конструкция...

— Да, правда... А счетчик утечки газов что говорит? Если нам не служит нос Бребенела, положимся на последние достижения науки,— принужденно засмеялся Таке.

— Сейчас.— И, взглянув на покрасневшую жидкость в контрольной трубке, Дан прошептал испуганно: — Мы в облаке едких газов...

— Отравляющих?

— Все может быть.

— Я возвращаюсь,— решительно объявил Таке.

— А ребята? Бросим их?

— О господи! Ну, так пошли скорей, может, они не понимают, в какую западню попали. Или покричим!

— Неплохая идея. Габриэ-э-эль!

— Тудоре-е-ел!

Но еще не отзвучало эхо, как за своей спиной они услышали незнакомые голоса:

— Сюда, сюда, вперед!

— Они кричат!

— Они близко!

Таке в ужасе выпустил фонарь из рук, и свет упал на бледное и потное лицо Дана.

— Что делать?

— Будь что будет!— Дан прислонился к гранитной стене, готовый к отпору.

И тут из темноты, из-за поворота выплыли огоньки. Не два-три, а десятки крохотных светлячков. Отражаясь от гладких стен, они сверкали праздничным фейерверком. Огоньки все ближе и ближе... Дан и Таке, оцепенев, смотрели на это зрелище; их окружили существа, похожие на людей, только вместо глаз были фары, а вместо носов — длинные гибкие хоботы.

— Таке! Дан!— крикнуло одно из странных существ и сдернуло с лица газовую маску.

— Товарищ учитель!— первым пришел в себя Дан.

— Товарищ Думитреску!— вторил ему Таке, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание.

— А где ваши друзья?— поспешно спросил неизвестный, чей голос показался Дану знакомым, и тоже сдернул маску.

— Не знаем...

— А разве вы не все вместе были?

— Нет, они спустились раньше.

— Будем надеяться, что далеко они не ушли,— сказал незнакомец.— Сын Иллариона Набольшего утверждает, что они тоже здесь. Идемте!

— Осторожнее, тут газы,— растерянно предупредил Дан.

— Знаем,— улыбнулся учитель.— Потому мы и в масках. Тут рудничный газ!

— Вот видишь, не наврал мой осциллограф,— обрадовался Дан.— Слышал, Таке? Рудничный газ! Он сразу почувствовал, что тут магнитная аномалия!

Часть группы во главе с учителем Думитреску побежала дальше по коридору, а одна из масок подошла к осциллографу и, взглянув на индикатор, сказала убежденно:

— В этих горах не может быть никакой магнитной анома-

лии. Я здешние геологические пласты в лаборатории по кусочкам изучил.

— Но мой осциллограф не врет!— нахмурился Дан.

— Здесь другие залежи — угольные!— настойчиво продолжала маска.

Тут к ним подошел незнакомец, чей голос казался Дану знакомым:

— Похоже, что ребята все-таки правы.

— Но это против всякой логики!

— Ничего удивительного,— сказал незнакомец.— Гитлеризм был против всякой логики, и здесь, в недрах этой галереи в форме цветка, скрыт один из самых крупных складов оружия, оставшийся со времен второй мировой войны. Понимаете теперь, откуда аномалия?

— Этот склад открыл полковник Кристя, вот за что он отдал жизнь,— рассказал седой незнакомец, когда все благополучно выбрались наружу. Он глядел на окруживших его ребят живыми, пронзительными глазами.— Я воевал под его началом. Осенью 1944 года мы гнали фашистов и поймали в здешних краях связного СС. При нем мы нашли секретное послание-рисунок: черный цветок с двумя стеблями и с черепом посередине. У каждого лепестка указана высота в метрах, а череп нарисован так объемно и детально, что мы скоро догадались: это план секретного склада оружия. Но война не стояла на месте, и мы вместе с капитаном Кристей и другими товарищами по оружию дошли до Татр. Потом мы много раз встречались с моим бывшим другом — и когда он стал майором, а потом полковником,— и всегда мы вспоминали про этот черный цветок. Он никогда не оставлял мысли его найти...

— Ну, ко мне-то он пришел искать белый цветок,— прервал его Илларион Набольший.

— Не обошлось здесь и без белого цветка. Его нашли в кармане у того связного, и полковник Кристя чувствовал,

что есть связь между этим цветком и местом расположения склада.

Старик Илларион Набольший тяжело вздохнул:

— Эх, если б сынок мой старший мог говорить.... Я бы все знал уже с той осени...

— Я помню,— сказал седовласый,— как вы пришли к нам с ребенком на руках. Он еле дышал. Тогда мы не сообразили, что с мальчиком, а теперь я все понял: гитлеровцы поймали его, когда он играл у скалы, и, чтоб он не выдал секрет, силой затащили его в расщелину, куда напустили отравляющего газа, чтобы никто не мог проникнуть в нее живым. Газ тяжелее воздуха, а поскольку вторая галерея, которая на плане изображена вторым стебельком цветка, блокирована, то газы остаются там уже много лет и грозят убить каждого, кто проникнет за эту стену...

— Вот откуда легенда о кладе, который убивает...— сказала Нина.

Старик чабан заплакал:

— Моего сыночка не убили, только... Вот почему я никому не разрешаю подходить к пещере... Она проклята... И полковника я к ней не подпускал... Все время втолковывал ему про нечистую силу... А он меня не слушал.— И, встав, Илларион Набольший подошел к Габриэлю, посмотрел ему прямо в глаза:— Знай, дитяtko, что господин полковник меня не слушал... Ну, я пошел...

— Куда, дедушка?— в волнении спросил Габриэль.

— Пойду ждать господина полковника... Он должен вернуться...— И старик пошел к скале.

Ребята следили за ним глазами, пока он не потерялся вдаль, и только голос бывшего друга полковника привел их в себя:

— После долгих лет поисков, преодолев все препятствия — и, между прочим, сопротивление старика Иллариона Набольшего,— полковник Крестя прошлым летом сказал мне, что открыл место, где спрятан склад.

— Да, да,— пробормотал в слезах Габриэль.

— И не только открыл. Обследуя сейчас внимательно галерею, я обнаружил, что он обезопасил ловушки, которые фашисты расставили в расчете на возможных любопытных, он ведь опытный сапер, и он разминировал в галерее несколько мин и вывел из строя систему рычагов, которая могла взорвать весь склад целиком...

— А может, и часть рудного забоя,— ужаснулся один из спасателей, шахтер.— Вот это героизм!

— Он забыл обо всем на свете, работал под землей день и ночь,— осипшим от волнения голосом сказал бывший товарищ полковника.— Он не задумывался над страшным действием газов...

Не вытирая слез, Анка сжала руку Дана. Они взбежали на холм за палатками. Дан глядел нахмурясь на переливы света на скале. Только теперь эта скала со своими башенками и зубчатой стеной показалась ему всего лишь огромной бессмысленной каменной глыбой. Он вдруг почувствовал прилив сил и отваги.

Анка удивленно посмотрела на него:

— Ты как будто вырос, Дан. Ты... ты...

— Отстающий по географии!— улыбнувшись, договорил Дан.

— Я вернулся!

— Я скучал!

— По голосу?

— По другу.

— Но мы же не знакомы!

— Это вовсе не обязательно.

— Но друзья— это те, кто может оценить достоинства друг друга.

— А я знаю даже твои недостатки...

— Например?

- Вернее, один...
 - Какой же?
 - Все время мне названиваешь.
 - Больше не буду.
 - Как же мы останемся друзьями?
 - Не знаю... Мне будет не доставать вашего голоса...
- Знаете, я хотел бы подарить вам цветок...
- Белый, конечно? Черный остался там... Цветок смерти.
- Лет двадцать с лишним искал его полковник...
- И нашел.
 - Да, ценой жизни.
 - Он умер как герой.
 - Он и жил как герой. Вот был человек! Дышал воздухом горных высот...
 - Мы тоже его вдохнули.
 - Вы и отравленного отведали...
 - А, значит, это вы их послали за нами? Спасателей?
 - Не только я... В основном другие.
 - Кто? Учитель, старик Илларион Набольший, да?
 - Да. Хорошо, что там поблизости шахты... В общем, мы действовали сообща...
 - Кажется, понял... Хочу подарить вам белый цветок.
 - Не надо.
 - А что мне с ним делать?
 - Сделай сообщение в академии. Это же на самом деле
- leontopodium alpinum cass.*
- Я знаю, только не умею делать доклады.
 - Научись!
 - Я и так многому научился в последнее время.
 - А сколько еще предстоит...
 - Всему свой черед. Так?
 - Да, только смотри вокруг повнимательнее.
 - Вы так и делали?
 - Я много и ошибался...
 - Значит, и мне можно?

— Можно, но не нужно. Нет у тебя на это времени...
Хотя время и бесконечно.

— А чего же мы тогда все время смотрим на часы?

— Чтобы не опоздать...

— А сейчас не поздно? Я все же хотел бы дать вам цветок...

— Да? Ну, запиши адрес.

— Не хочу.

— Я так и знал.

— Что?

— Что ты оставишь его при себе насовсем — белый цветок!

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
издательство просит присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Юлиу Раццу

ЗАГАДКА БЕЛОГО ЦВЕТКА

П о в е с т ь

ИБ № 4026

Ответственный редактор *А. С. Ляуэр*
Художественный редактор *С. И. Нижняя*
Технические редакторы *Л. С. Стёпина*
и *Г. Г. Седова*

Корректоры *И. В. Мартынова* и *Е. А. Сукиян*

Сдано в набор 21.11.79. Подписано к печати 19.03.80.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт литератур-
ный. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 7,71.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 599. Цена 40 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Дет-
ская литература» Государственного комитета РСФСР по
делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового
Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Рос-
главополиграфпрома Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Рацу Ю.

Р 27 Загадка белого цветка: Повесть/Пер. с рум.
А. Старостиной; Рис. В. Гальдяева.— М.: Дет. лит.,
1980.— 158 с., ил.

В пер.: 40 коп.

Герои повести — современные румынские школьники — отправляются в поход за редким горным цветком, и их поиски приводят ребят не только к разгадке обстоятельств гибели в геологической экспедиции полковника Кристи (деда одного из мальчиков), но и к новому открытию самих себя, открытию, которое совершается в каждом человеке в годы юношеской перестройки.

Р 70803—277 390—80
М101(03)80

И (Рум)

